

АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ

«ПЯТЫЙ ЭТАЖ»

№3

БАРНАУЛ

2017

Пятый этаж *2017*

№3

Всероссийский сборник научных статей молодых учёных

Сборник выпускается по следующим тематическим направлениям:

- языкознание
- литературоведение
- философия

Периодичность издания: 1 номер в год

В данный номер включены статьи участников и победителей всероссийского конкурса научных работ с международным участием "День науки-2017"

Все рукописи научных статей, поступивших в редакцию сборника, направляются на обязательное рецензирование членам редакционной коллегии по профилю научного исследования.

Редакционная коллегия

Кузнецова Анастасия Сергеевна, *председатель научного центра филологического факультета АлтГПУ;*

Глазинская Евгения Тимофеевна, *магистрант 2 курса по направлению литературное образование;*

Жумагельды Кубжасарович Кениспаев, *доктор философских наук, профессор.*

Главный редактор Кузнецова Анастасия Сергеевна, *председатель научного центра филологического факультета АлтГПУ.*

Учредитель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет».

Адрес редакции и издателя: 656031, Алтайский край, г. Барнаул, пер. Ядринцева, 136; каб. 4

Адрес электронной почты научного центра филологического факультета:
nauka.ff@yandex.ru

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

К. О. Жегалова

Россия, г. Барнаул

Алтайский государственный педагогический университет

Научный руководитель д.ф.н., профессор О. В. Марьина

ТЕКСТЫ РАЗЛИЧНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ ДЛЯ ПРОМЕЖУТОЧНОЙ АТТЕСТАЦИИ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ (ВТОРОЙ СЕРТИФИКАЦИОННЫЙ УРОВЕНЬ)

Аннотация

Аттестация иностранцев, изучающих русский язык, является неотъемлемой частью оценки формирования коммуникативной компетенции студентов. Промежуточная аттестация – установление уровня усвоения определенного учебного раздела, соответствие персональных достижений обучающихся требованиям рабочих программ. В статье предлагаются критерии отбора текстов, тексты и задания к ним для промежуточной аттестации студентов, изучающих русский язык как иностранный.

Ключевые слова: функциональный стиль, русский язык как иностранный (РКИ), критерии отбора текстов, студент-инофон, промежуточная аттестация.

Промежуточная аттестация представляет собой систематический контроль успеваемости обучаемых, проводимый в форме аттестационного испытания по всем видам субтестов, заявленных в Государственном образовательном стандарте: чтение, письмо, аудирование, говорение. Промежуточная аттестация может проводиться в рамках занятий после усвоения определенной темы. Например, целесообразно будет провести контроль на последнем занятии по теме «Имя существительное». Тексты, предлагаемые для промежуточной аттестации, должны сопровождаться соответствующими пройденной теме заданиями. А лексическая наполненность текстов должна соответствовать изученному в этот промежуток словарю.

Текст является образцом функционирования языка, поэтому он становится исходной точкой и конечным результатом обучения. Рецептивные виды речевой деятельности, аудирование и чтение, строятся именно на текстовой основе. Продуцирование рецептивной деятельности, направленной на получение информации, заключенной в смысловом содержании текста, предполагает целенаправленный отбор учебного материала.

Большая работа с текстом осуществляется в блоке «Чтение». Анализ «Государственного образовательного стандарта по русскому языку как

иностранным» позволил выделить критерии для отбора текстов для итоговой аттестации. Но при сопоставлении текстов, предлагаемых в типовых тестах, с данными критериями, выявляются расхождения: «расширение» публицистического стиля, замена описания на рассуждение, отличие объема текста в сравнении с необходимым минимумом. В трех из шести проанализированных текстах, взятых из типовых тестов для итоговой аттестации студентов-инофонов, прослеживается несоответствие стандартизированным критериям.

Промежуточная аттестация не рассматривается в государственных образовательных стандартах. В связи с этим предлагаются следующие критерии отбора текстов для промежуточной аттестации студентов-инофонов, изучающих русский язык на втором сертификационном уровне.

Для отбора текстов нужно опираться на две группы критериев: форма и содержание.

Форма, в свою очередь, подразделяется на такие критерии, как:

1) Объем 150–300 слов. В «Государственном образовательном стандарте по русскому языку как иностранному» для второго сертификационного уровня закреплен объем от 300 до 600 слов. Для промежуточной аттестации возможно применение текстов меньшего объема, т.к. данный вид аттестации предполагает не комплексную проверку знаний, умений и навыков, а проверку компетенций определенного раздела, что позволяет уменьшить объем текста, сосредоточив в нем все необходимые формы контроля.

2) Количество незнакомых слов не должно превышать 5%, что также обусловлено видом контроля. При промежуточной аттестации необходимо проверить тот объем лексики, который был уже изучен.

3) Композиционная структура текста. Текст должен иметь логическое и последовательное изложение, абзацное членение.

В содержании текста выделяются следующие критерии:

1) Функциональный стиль: художественный, публицистический, публицистический с элементами научно-популярного стиля. Использование данных функциональных стилей закреплено в государственном стандарте для итоговой аттестации. Применение таких же стилей в промежуточной аттестации кажется нам целесообразным для создания умения работать с текстами определенной функционально-стилевой направленности как подготовительный этап к итоговой аттестации.

2) Информативность. Информативность является одной из центральных категорий текста, обеспечивающие полноценное восприятие содержания текста. Только информативно насыщенный текст может привести к эффективной коммуникации.

3) Аутентичность. Использование аутентичных текстов для промежуточной аттестации предполагает создание

коммуникативной среды, в которой есть возможность оценить все значимые на определенном этапе компетенции.

4) Связность. Логически и семантически связный текст, использованный для промежуточной аттестации, позволяет сфокусировать внимание на определенной сюжетной линии, что будет важно для понимания содержания текста и отражения этого содержания.

5) Завершенность. Смысловая завершенность текста является неотъемлемым критерием, обеспечивающим информативность текста, что в свою очередь определяет эффективное восприятие информации.

Помимо приведенных критериев следует обратить внимание на региональный компонент текстов. В Государственном образовательном стандарте по русскому языку как иностранному отсутствуют ограничения использования текстов определенной региональной направленности: «учебники и учебные пособия, реализующие федеральный компонент образования в области русского языка как иностранного, недостаточно обеспечивают региональный компонент в преподавании, в результате чего на занятиях по русскому языку как иностранному практически не используется языковой материал, отражающий специфику того или иного региона или города России» [2, с. 425]. Использование «местных» текстов кажется нам целесообразным в связи с дифференциацией реалий и диалектов, соответствующей какой-либо местности. Введение в аттестационный текст диалектных слов или названий незнакомых реалий может вызвать у иностранцев затруднения в понимании в связи с отсутствием информативного блока о тех или иных предметах, явлениях. «Местные» тексты также помогут в процессе адаптации иностранцами в новой языковой среде, в осознании социально-культурных особенностей региона, в формировании лингвострановедческой и лингвокультурологической компетенций. В связи с этим предлагается введение текстов, реализующих регионально-культурологический компонент.

Опираясь на вышеприведенные критерии, приводим примеры текстов, которые можно использовать в рамках промежуточной аттестации студентов, изучающих русский язык как иностранный.

1. Вам предлагается текст.

Ваша задача – прочитать текст и выполнить задания после текста. Задания 1–4 – выбрать один верный вариант ответа, задания 5–6 – написать развернутый ответ в соответствии с предложенным заданием.

«В воскресенье в образовательном центре «Сириус» в Сочи состоялся специальный показ картины режиссера Дмитрия Киселева. Фильм посмотрели более 600 участников апрельской смены центра, с детьми также пообщались дважды Герой Советского союза Алексей Леонов, чья история лежит в основе киноленты, и глава РКК «Энергия» (разработчик и производитель всех российских космических кораблей).

«По последним социологическим опросам, 17% детей мечтают стать космонавтами. Я думаю, что после фильма процент этот вырастет», - сказал Солнцев.

Леонов, в свою очередь, отметил, что ему очень важна реакция юной аудитории фильма, и поделился своими впечатлениями о кинокартине. «Это художественно-документальный, научный, но не фантастический фильм. Он призван говорить правду о том, что произошло 1965 году. Детей надо приучить прежде чем совершить поступок, задавать себе вопрос: «Зачем?», как я (в том полете) это делал и отвечал себе: «Так нужно», - рассказал космонавт.

Алексей Леонов и второй пилот Павел Беляев отправились на орбиту на корабле «Восход-2» 18 марта 1965 года. В этот же день Леонов совершил первый в истории человечества выход в открытый космос, который длился 12 минут и 9 секунд. В течение полета произошло несколько нештатных ситуаций, в частности, при возвращении на борт корабля скафандр Леонова раздулся, из-за чего он не мог попасть в люк. Кроме того, из-за отказа системы ориентации корабль приземлился в глухой тайге, в результате чего космонавтов эвакуировали только через двое суток.

Фильм «Время первых», в основу которого были положены воспоминания Леонова, вышел в прокат 6 апреля. Главные роли в картине играют Евгений Миронов и Константин Хабенский» [3].

1. Алексей Леонов – первый, кто
 - (А) совершил полет в космос
 - (Б) совершил выход в открытый космос
 - (В) рассказал о полете в космос
2. Что, по мнению Солнцева, повысит процент детей, мечтающих стать космонавтами?
 - (А) Выход фильма «Время первых»
 - (Б) Интервью с космонавтом А. Леоновым
 - (В) Беседа с главой РКК «Энергия»
3. Алексей Леонов
 - (А) заинтересован в мнении взрослой аудитории о фильме
 - (Б) не заинтересован в мнении о фильме
 - (В) заинтересован в мнении детской аудитории о фильме
4. Нештатной ситуацией полета 1965 года не является
 - (А) раздутый скафандр А. Леонова
 - (Б) выход в открытый космос А. Леонова
 - (В) приземление корабля в глухой тайге
5. Напишите рассуждение, состоящее из 3-5 предложений, о том, зачем, прежде чем совершить поступок, задавать себе вопрос «Зачем?».
6. Использую информацию текста, составьте биографическую справку о космонавте Алексее Леонове.

2. Вам предлагается текст.

Ваша задача – прочитать текст и выполнить задания после текста. Задания 1–4 – выбрать один верный вариант ответа, задания 5–6 – написать развернутый ответ в соответствии с предложенным заданием.

«Спектакль «Человек Земли» по мотивам творчества Василия Шукшина покажут Андрей Мерзликин и Наталья Бондарева на Алтае. <...>

В первой части показана жизнь семьи Шукшиных в селе, детство, юношество Василия Макаровича, служба на флоте, учеба. Во втором акте зритель видит взрослого человека, живущего в городе, его переживания, заботы, мысли о работе, творчестве, семье, человеческом предназначении, жизненных ценностях. Спектакль «Человек земли» — не просто биография известного писателя, актера, режиссера и сценариста, а рассказ о жизни человека, вписанный в историю страны, рассказ о становлении личности, развитии таланта.

Имя Василия Шукшина для русского народа давно стало именем нарицательным. По мнению многих критиков, он — последний гений русской литературы, совесть нации, лицо России. <...> Автор спектакля поставил не простую задачу: рассказать о жизни В. Шукшина его собственными словами. <...>

Особое внимание уделено отношению Шукшина к матери, его письмам к ней, которые он писал на протяжении всей жизни и которую беззаветно любил. <...> Вторая часть рассказывает уже об известном Шукшине: писателе, режиссёре, актёре. Заканчивается программа письмами матери Шукшина, Марии Сергеевны, которые она писала на могилу своему сыну, и которые также впервые прозвучат со сцены, как и многое в этой программе» [1].

1. Автор хотел рассказать о жизни Шукшина
 - (А) своими словами
 - (Б) словами Шукшина
 - (В) словами критиков
2. Шукшин стал известным
 - (А) в селе
 - (Б) в городе
 - (В) после смерти
3. Шукшин писал письма матери:
 - (А) во взрослой жизни
 - (Б) на могилу
 - (В) на протяжении всей жизни
4. Имя Шукшина стало именем нарицательным, потому что он
 - (А) является лицом России
 - (Б) приобрел всероссийскую известность
 - (В) написал большое количество рассказов
5. Что лежит в основе разделения спектакля на акты?

6. Почему рассказ о жизни Шукшина автор статьи считает непростой задачей? Дайте развернутый ответ в 2-3 предложениях.

3. Вам предлагается текст.

Ваша задача – прочитать текст и выполнить задания после текста. Задания 1–4 – выбрать один верный вариант ответа, задания 5–6 – написать развернутый ответ в соответствии с предложенным заданием.

«...Долго собирались – до полуночи.

А рано утром Чудик шагал с чемоданом по селу.

– На Урал! На Урал! – отвечал он на вопрос, куда это он собрался. <...>

Пока что он благополучно доехал до районного города, где предстояло ему взять билет и сесть в поезд.

Времени оставалось много. Чудик решил пока закупить подарков племяшам – конфет, пряников... Зашел в продовольственный магазин, пристроился в очередь. Впереди него стоял мужчина в шляпе, а впереди шляпы – полная женщина с крашеными губами. <...>

Чудик уважал городских людей. Не всех, правда: хулиганов и продавцов не уважал. Побаивался.

Подошла его очередь. Он купил конфет, пряников, три плитки шоколада. И отошел в сторонку, чтобы уложить все в чемодан. Раскрыл чемодан на полу, стал укладывать... Глянул на пол, а у прилавка, где очередь, лежит в ногах у людей пятидесятирублевая бумажка. Этакая зеленая дурочка, лежит себе, никто ее не видит. Чудик даже задрожал от радости, глаза загорелись. Второпях, чтобы его не опередил кто-нибудь, стал быстро соображать, как бы повеселее, поостроумнее сказать этим, в очереди, про бумажку.

– Хорошо живете, граждане! – сказал он громко и весело. <...>

– У нас, например, такими бумажками не швыряются.

Тут все немного поволновались. Это ведь не тройка, не пятерка – пятьдесят рублей, полмесяца работать надо. А хозяина бумажки нет.

Чудик вышел из магазина в приятнейшем расположении духа. Все думал, как это у него легко, весело получилось: «У нас, например, такими бумажками не швыряются!» Вдруг его точно жаром обдало: он вспомнил, что точно такую бумажку и еще двадцатипятирублевую ему дали в сберкассе дома. Двадцатипятирублевую он сейчас разменял, пятидесятирублевая должна быть в кармане... Сунулся в карман – нету. Туда-сюда – нету.

– Моя была бумажка-то! – громко сказал Чудик. – Мать твою так-то!.. Моя бумажка-то» [4].

1. Почему Чудик не уважал хулиганов и продавцов?

- (А) Потому что он их побаивался
- (Б) Потому что они городские жители
- (В) Потому что они его обманывали

2. Чудик вышел из магазина в приятном расположении духа, потому что

- (А) нашел потерянные кем-то деньги
- (Б) смог остроумно пошутить

- (В) помог человеку, потерявшему деньги
3. Чудик обрадовался, когда увидел деньги на полу, потому что
- (А) у него было мало денег
- (Б) хотел помочь людям, стоявшим в очереди
- (В) хотел выделиться, остроумно пошутив
4. Чудик понял, что валявшиеся деньги были его, потому что
- (А) вспомнил, что в сберкассе ему выдали такие деньги
- (Б) никто из очереди не хотел их забрать
- (В) ему не хватило денег, чтобы рассчитаться за покупки
5. Напишите возможное продолжение рассказа в 3-5 предложениях.
6. Выпишите глагольный ряд, сопровождающий действия Чудика. Как окраска глаголов соответствует душевному состоянию героя?

Разработанные критерии могут послужить опорой для подбора текстов для промежуточной аттестации студентов, изучающих русский язык как иностранный на втором сертификационном уровне. Промежуточная аттестация является подготовительным этапом к итоговой аттестации, поэтому верный подбор текстов для данного контроля важен не только как инструмент проверки знаний, умений и навыков, но и как способ подготовки к итоговой экзаменационной работе.

Список литературы

1. Василий Шукшин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.host2k.ru/news/20170313.html>, свободный. – Загл. с экрана. (дата обращения: 29.03.2017).
2. Выхованец Н.А. Региональный компонент как основа культуроориентированной методики преподавания РКИ. Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ» 2015, Том 6, № 4, С. 424 – 428.
3. Информационное агентство России «Тасс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/kultura/4168189>, свободный. – Загл. с экрана. (дата обращения: 28.03.2017).
4. Шукшин В. М. Чудик. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://shukshin.biysk.secna.ru/author/library/story004.html>, свободный. – Загл. с экрана. (дата обращения: 29.03.2017).

Р. Р. Измайлова
Россия, г. Омск,
Омский государственный педагогический университет
Научный руководитель к.фил.н., доцент Е. А. Глотова

КОНЦЕПТ «БАБУШКА» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация

В статье рассматривается концепт *бабушка* через изучение словарных статей лингвистических словарей, «Словаря русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья», а также через анализ русских пословиц, поговорок и фразеологизмов.

Ключевые слова: *концепт, словарь, словарная статья, фразеологизм, пословицы, поговорки.*

«До нее как будто спал я, спрятанный в темноте, но явилась она, разбудила, вывела на свет, связала всё вокруг меня в непрерывную нить, сплела всё в разноцветное кружево и сразу стала на всю жизнь другом, самым близким сердцу моему, самым понятным и дорогим человеком, — это ее бескорыстная любовь к миру обогатила меня, насытив крепкой силой для трудной жизни», — можно ли более полно и ярко представить образ бабушки, чем это сделал А.М. Горький в повести «Детство»? [1] В сознании русского человека бабушка является символом жизненной мудрости и доброты, хранительницей семейных традиций и культурной памяти.

В данной работе мы обратились к исследованию концепта БАБУШКА через изучение словарных статей лингвистических словарей, «Словаря русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья», а также через анализ русских пословиц, поговорок и фразеологизмов.

Согласно «Этимологическому словарю русского языка» Н.М. Шанского [2], слово *бабушка* является суффиксальным производным от слова *баба* — «мать отца или матери». Автор указывает, что слово является собственно русским.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля [3] словарная статья исследуемого нами слова выглядит так: «**БАБУШКА, бабушка, бабышка, бабье** и пр. см. *баба* и *бавить*». Следуя авторской ссылке, находим одно из значений слова *баба*: «Мать отцова или материна, жена деда, более употреб. Умалит. Бабка, бабушка и пр. *Жили себе дед да баба и пр. начало сказки. Пришла смерть по бабу, не указывай на деда. Дед погибает, а бабе смех*». Также В.И. Даль указывает на разное употребление слова *бабушка*: «Умалит. и ласкат. много; иные требуют особого объяснения, вообще же: *бабка, бабушка, баушка, баба*, в значении отцовой или материной матери,

жены деда; двоюродная бабка, сестра деда, бабки; родная тетка отца или матери; троюродная или внучатная, бабка двоюродной сестры или брата; двоюродная тетка отца, матери; крестная бабка, мать крестного отца или матери. Кто бабке не внук, кто безгрешен. Хорошо тому жить, у кого бабушка ворожит, о покровительстве. Хороша дочь Аннушка, коли хвалит мать да бабушка. Дедушка с бабушкой разодрались: печку на зиму делят. Бабушка на печь, а дед по дрова. Бабушка у бражки, дед на печи. Шла теща с зятем, муж с женой, бабка со внучкой, мать с дочкой, да дочь с отцом, а всего четверо. Бабушка, что ты мне откажешь? – Не знаю, разве дороги до церкви. Укусив пирожка, да в запазушку: помяни Бог бабушку. Только и родни, что бабушки одни. Вперед те баушка наука: не ходи по внука (не ходи замуж за внука). Не к лицу бабке девичьи пляски. Чертова бабка вся в заплатках, каменка в бане. | Повивальная бабка, акушерка, повитуха, приемница; дедила, диданя, диданька; | в деревнях, лекарка вообще, знахарка; в тул. и калужск. об. знахарь и знахарка, лекарь и лекарка. У всякой бабки свои ухватки. Таскают, что повивальную бабку. Погоди, не роди: дай по бабушку сходить. Бабка походит, всему делу пособит. Бог с милостью, а бабка с руками. Не бабка, а угадка. | Бабушка и баушка, почетно, всякая старуха, как тетка середовая»; **«Бабуша, бабушенька, бабуся, бабусенька; бабуня, бабунька, бабуничка, бабунюшка; бабуни, бабунички** умалит. **Бабуля, бабулька; бабуленька, бабуличка и бабули мн. Бабенька, бабонька** и пр. ласкательно, бабушка, мать или отцова мать, или вообще старушка; старшая старуха в семье, в доме. Бабуля см. также ниже <в этой статье, бабочка>, бабятя. Была б моя бабуся, никого не боюсь; бабушка щипок, кулак молоток, т. е. заступается».

Одинаковое толкование слова бабушка мы встречаем в «Толковом словаре русского языка» под редакцией проф. Д.Н.Ушакова [4] и в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова [5]: **«БАБУШКА**, -и, ж. 1. Мать отца или матери. 2. Обращение к старой женщине (разг.). **Бабушка надвое сказала** (разг.) - неизвестно, будет или нет. || ласк. **Бабуся**, -и, ж.».

А.П. Евгеньева в «Словаре русского языка» [6] определяет слово бабушка так: **«БАБУШКА**, -и, род. мн.-шек, дат. –шкам, ж. Мать отца или матери. Старуха, бабушка Фени, — подтвердила все показания своей внучки. Достоевский, Братья Карамазовы. || Разг. Старая женщина, старуха. С удивлением я узнал, что ей [тете Даше] нет еще и сорока лет. А мне она казалась настоящей бабушкой. Каверин, Два капитана».

В качестве ласкательных и разговорных автор приводит слова бабуля и бабуся.

Слово бабушка у А.П. Евгеньевой выступает и в роли одного из толкований слов баба («(обычно с именем собственным) Разг. То же, что бабушка. Баба Маня») и бабка: «То же, что бабушка. Попались мне детские книжки, и мои собственные, и моего отца, и моей бабки, и даже – моей прабабки. Тургенев, Фауст. У Сергея Рябухина мать была ткачиха, и бабка была ткачиха, и прабабка. Панова, Кружилиха.

Обязанность по содержанию несовершеннолетних детей, если они не имеют родителей, может быть возложена на других родственников — деда, бабуку, брата сестру, а также на отчима и мачеху ребенка. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье. || Прост. Старая женщина, старуха. Она начинает ловить мои руки, чтобы запечатлеть на них поцелуи. Я прячу руки и убеждаю старуху — Да полно, бабка... оставь. Куприн, Олеся».

Большой интерес представляет материал «Словаря русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья» под редакцией Г.А. Садретдиновой [7].

В селе Тармакла Муромцевского района *бабушкой* называли повивальную бабку: «Было бабушек много-много, но все перемерли таперича».

Особенно распространённым в районах Омской области является слово *баушка*. В словаре, изданном в 1992 году, даётся пять значений данного слова:

1. Бабушка, мать отца или матери. — Нас было пятеро, ещё баушка была с нами. Она, гыт, меня маленьку ненавидела, баушка (Большереченский р-н, Такмык). Я сюда пришла, здесь у него одна баушка была, и всё то же было. Баушке не приглянулось, она и ушла от меня (Знаменский р-н, Бутаково). Отцовской баушки не было (Тарский р-н, Кузнецово).
2. Пожилая женщина. — Раньше хоть баушки пряли (Колосовский р-н, Строкино). Эта баушка из Дубровского (Усть-Ишимский р-н, Загвазино).
3. Обращение к пожилой женщине. — Сморозьте, баушка, что-нибудь ранешное (Колосовский р-н, Аникино).
4. Знахарка. — Теперь у нас была баушка-лекарка (Тарский р-н, Самсоново). У бабушек теперь не лечат, всё по врачам (Чарлакский р-н, Красный Октябрь).
5. Устар. Повитуха. — Баушничали ходили. Баушка баушничает (Усть-Ишимский р-н, Колпаково).

В этом же словаре *бабушка* с пометой *ласкат*. встречается в толковании слова *бабонька*: - Раньше баушку звали бабонькой (Муромцевский р-н, Курнево). Дети их называли нас ласково — дедонька, бабонька (Знаменский р-н, Знаменское).

В первом выпуске дополнений к «Словарю русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья» [8] находим слова *бабанька* и *бабуня*. Оба слова эмоционально окрашены, имеют помету *ласк.* и означают «бабушка — мать отца или матери»: - Бабанька Матрёна мне сперва рассказывала (Тюкалинский р-н, Тюкала). Бабуня зовут, когда нашкодят чего, подлизиться ко мне хотят (Москаленский р-н, Степки).

Во втором выпуске дополнений [9] появляются новые слова со значением *бабушка*: *бабаня* и *бабинька*: - Сходите к той бабане, она старенька уже (Большереченский р-н, Такмык). Бабинька, свари кариточки! (Большереченский р-н, Такмык).

Исследуемый материал позволяет выделить два основных значения слова *бабушка*: мать отца или матери и обращение к старой женщине. Это слово обладает большой производностью с различной стилистической и эмоциональной окраской и встречается в пословицах и поговорках.

Пословицы и поговорки – это бесценное культурное достояние народа. Пословицы, поговорки и фразеологизмы с компонентом *бабушка* можно условно разделить на несколько групп.

Группу «Бабушка – возраст» можно разделить на две подгруппы:

1) Нынешний возраст, отражающий поведенческие, психологические особенности (рассеянность, забывчивость):

Бабушкина пропажа. Бабушки отличаются рассеянностью, забывчивостью и т.п. иногда та или другая бабушка ищет вещь, которая у неё в руках или перед глазами. В этом смысл выражения: Бабушкина пропажа.

Нашлась бабушкина пропажа. Вещь искали, а она была на виду. Тут говорят: Нашлась бабушкина пропажа.

2) Противопоставление старости и молодости:

Это было, когда моя бабушка внучкой была. Человек рассказывает старую вещь, выдавая её за новую. Его оговаривают: Это было, когда моя бабушка внучкой была.

Была и бабка девкой, да давно.

Вспомнила бабка, когда девушкой была. Человек вспоминает о давних событиях, которые другие успели забыть. Такого оговаривают: Вспомнила бабка, когда девушкой была.

В группе «Бабушка – дедушка» показана нравственная составляющая семейных отношений (**Для внука дедушка — ум, а бабушка — душа. У кого есть бабушка и дед, тот не ведаёт бед**), а также бытовая сторона совместной жизни: **Бабка с дедкой спорят – делят печь на зиму. Если бы не бабушкины лохмотушки, замёрзли бы дедушкины колотушки.** (Варежки и руки)

«Бабушка – забота и доброта»:

Бабушка Софья про всех сохнет, только о ней никто не вздохнет. В большой семье добрая бабушка заботится о детях и внуках и о других членах семьи. Доброта её безгранична. О ней говорят: Бабушка Софья про всех сохнет, только о ней никто не вздохнет.

Будто бабушка ему ворожит. Кто-то сравнительно легко преуспевает в жизни, будто бабушка ему ворожит.

Как бабушка отходила. При лечении знахари прикладывали к больному руки: Как бабушка отходила.

«Бабушкины сказки». «Продукцию» враля называют **бабушкиными сказками**, поэтому данная группа получила такое название. Пословицы и поговорки этой группы отражают двусмысленность, неопределенность ожидаемого, а также разочарование по поводу несбывшихся надежд:

Бабушка надвое сказала. Бабушка ворожила, да надвое положила. Бабушка надвое сказала (о том, что ещё точно неизвестно, не обязательно будет, может

быть по-разному). Это восточнославянское выражение. Усечение пословицы *бабушка гадала, да надвое сказала. Надвое* – «двусмысленно». Здесь же: Бабушка ворожила, да надвое положила.

Бабка Арина надвое говорила. Значение то же, что и в пословице *бабушка надвое сказала*.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Когда надежды не сбываются, с сожалением говорят мечтателю: Вот тебе, бабушка, и Юрьев день.

Кроме перечисленных групп можно встретить следующие выражения:

Иди к чёртовой бабушке! Этот вариант восходит к древним верованиям в нечистую силу.

Иди ты ко всем прабабушкам! Надоевшему человеку могут сказать: «Иди ты ко всем прабабушкам!».

Таким образом, изучение словарных статей лингвистических словарей и материалов «Словаря русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья», а также анализ русских пословиц, поговорок фразеологизмов позволяет сделать вывод о том, что бабушка в сознании русского человека действительно является символом жизненной мудрости и доброты, хранительницей семейных традиций и культурной памяти народа. Перед нами предстаёт образ заботливой бабушки, отражается её роль в семье и отношение к ней. Она живая и настоящая, как у А.М. Горького: «Вся она — темная, но светилась изнутри — через глаза — неугасимым, веселым и теплым светом» [1].

Список литературы

1. Горький М. Детство. – Горький.: Волго-Вятское книжное издательство, 1968. С. 11
2. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР С. Г. Бархударова. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1961. С. 25
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 1: А – З – Оформл. «Диамант». – СПб.: ТОО «Диамант», 1996. – С. 32-35
4. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин и др.: Под ред. Д. Н. Ушакова. Т.1. – М.: Русские словари, 1994. С.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2006. С. 33
6. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.: Под ред. А. П. Евгеньевой., Т.1 А-Й, 3-е изд., стереотипное. – М.: «Русский язык», 1985. С. 53-54

7. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья (А – З). Ч. I / Под редакцией Г.А. Садретдиновой. – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1992. С. 21, с. 22, с. 33
8. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: Дополнения / Отв. редактор Б. И. Осипов. Омск, Омск. гос. Ун-т, 1998. Вып. I. С. 13
9. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: Дополнения / Отв. редактор Б. И. Осипов. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. – Вып. II. С. 17
10. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 736 с.

*А. Н. Клочан
Россия, г. Краснодар,
Кубанский государственный университет
Научный руководитель к.фил.н., доцент И. Н. Лекарева*

КОНЦЕПТ «ГРЕХ» В РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ)

Аннотация

В данной статье мы проанализировали концепт «грех» и выявили основные тенденции его функционирования. Материалом для исследования послужила русская фразеология. Проанализировав фразеологизмы, содержащие в себе концепт «грех», мы разделили их по нескольким смысловым группам: «грех как действие», «грех как состояние», «грех как родовое понятие», «грех и идея наказание», «грех как интерпретация/ квалификация действий», «грех и безгрешность», «овеществление греха», «слово «грех» в категории состояния». Главная тенденция, присущая концепту «грех» - «секуляризация концепта», характеризующаяся изменением лексического значения слова или его коннотации, выводящая на первый план внерелигиозные компоненты смысла.

Ключевые слова: концепт, грех, языковая картина мира, тенденции языка, секуляризация, фразеология, десакрализация.

Понятие «грех» входит в число ключевых идей многих культур, в том числе и русской, оно возникло в русле религиозно-христианского мировоззрения, поэтому очевидно, что религиозный компонент, определяемый как «совершение действия (в том числе бессознательного), нарушающего божественный закон» будет, так или иначе, присутствовать в данном концепте.

Нам представляются наиболее интересными для исследования концепты, связанные с категориями духовной жизни человека, ведь они отражают

национальную картину мира носителя языка и могут значительно изменяться с течением времени.

1. Так, исследуемый нами концепт «грех» соотносится с нарушением нравственного закона во всех культурах, но не во всех он обозначает одно и то же. У католиков грех более четкая категория, которая даже получила классификацию (семь смертных грехов). Однако в православном типе культуры, который так же опирается на текст Нового Завета, границы концепта «грех» четко не определены. Отчасти это можно объяснить православным пониманием греха, он может быть не только произвольным, совершенным с осознанием, но и невольным. От этого зависит и понятие безгрешности: православный априори не претендует на нее. Из этого можно сделать вывод о православной традиции как о тяготеющей к большей иррациональности, нежели католическая. Этот факт, в свою очередь, дает ключ к пониманию русской национально-языковой картины мира и концепта «грех» в частности. [1, с. 256]

Далее на примере фразеологии рассмотрим трансформацию концепта. Этот материал очень показателен, ведь именно он создается носителями языка, а значит, отражает его языковую картину мира.

За основу нами была взята классификация из работы Л. Г. Пановой «Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «рессато»)), однако нами были переработаны и добавлены некоторые группы. [4, с. 167–177] Проанализировав фразеологизмы, содержащие в себе концепт «грех», мы разделили их по нескольким группам:

- 1) Грех как действие
- 2) Грех как состояние
- 3) Грех как родовое понятие
- 4) Грех и идея наказания
- 5) Грех как интерпретация/ квалификация действий
- 6) Грех и безгрешность
- 7) Овеществление греха
- 8) Слово «грех» в категории состояния

Грех как действие.

Стоит вспомнить, что для русского православного сознания грехи совершаются сознательно и бессознательно, об этом свидетельствуют такие сочетания слов как: «совершить грех», «творить грех», «впасть в грех», «ввести в грех», «привести в грех», «принять грех на душу».

В эту группу входят следующие пословицы и поговорки:

«Бедность не грех, а до греха доводит», «На добре — спасибо, а за грех — поплатись», «Навели на грех да покинули на смех», «Долго ли до грехá».

Грех как состояние в результате действия. В русском языке состояние греха обычно описывается такими словосочетаниями: «грех на душе / на человеке», «душа / человек в грехе», «мой грех».

Пословицы и поговорки этой группы: «На грех и незаряженное ружье выстрелит», «На грех мастера нет», «Кто в грехе, тот и в ответе», «Принять на себя грех», «Впасть в грех», «Вводить кого-либо в грех» (принуждать согрешить), «Брать грех на душу» (разг.; поступать плохо), «Спрос не грех».

Множественное совершение греха. Человек, совершивший грех и находящийся в состоянии греха, может сказать о себе *«грешен»* или назвать себя *«грешным»*. *«Грешника»* же из него делает множество грехов или нежелание отказаться от них. В этом случае в русском языке о человеке говорят, что он *«погряз в грехах»*, *«утопает в грехах»*, *«закоснел в грехах»*; есть и более мягкое выражение — *«За ним водится этот грех(грешок)»*.

Грех и идея наказания. Русское православное сознание различает два наказания: прижизненное и наказание после смерти. А также существуют специальные предложно-падежные конструкции со значением причины — *«по грехам нашим»* и *«за грехи наши»*.

Есть немного пословиц, посвященных наказанию за грехи, вот одна из них: *«Не верба бьет — старый грех»*.

Грех как родовое понятие.

Для русского православного сознания существует в явном виде только семь смертных грехов, к которым возводятся все остальные (в т.ч. и совершаемые бессознательно). Следствием такой диффузности и расплывчатости понятия греха в сознании носителей русского языка как раз и становится то, что грехом могут считаться вольные и невольные, сознательные и бессознательные поступки и действия. Поэтому русский язык идет не в сторону греха как преступления, а в сторону греха как ошибки, заблуждения.

В данную группу вошло достаточно много фразеологизмов: *«Каков грех, такова и расправа»*, *«Мал грех, да большую вину несет»*, *«Умному попу лишь кукиш покажи, а уж он и знает, какой грех»*, *«Мал грех, да велика причина»*, *«Мал смех, да велик грех»*, *«Смертный грех»*, *«Грехи молодости»*, *«Вспомнить о грехах прошлого»*, *«Страшен (некрасив и т.п.) как смертный грех»* (об очень некрасивом человеке), *«Первородный грех»*.

Грех как интерпретация/квалификация действий.

Эта группа достаточно распространена фразеологизмами, а что более интересно – по их числу она самая продуктивная, так как на бытовом уровне часто функционирует схема: *«грех это»* или *«это не грех»*, что рождает множество устойчивых выражений: *«Вовремя смех — не грех, а безо времени и молитва ни к чему»*, *«Грех не беда — молва не хороша»*, *«Самоубийство — грех»*, *«Добрый смех — не грех: со смехом-то и беда в полбеде живет»*, *«С иным дураком — смех, а с другим — грех»*, *«Старику не грех и отдохнуть»*, *«Спрос не грех, отказ не беда»*, *«Чужая беда — смех, своя беда — грех»*.

Грех и безгрешность.

Православное сознание в этом вопросе радикально: без греха только один Бог.

В русских пословицах и поговорках акцент делается преимущественно на сознательном и несознательном грехе, ср.: *Невольный грех живет на всех, Грех да беда на кого не живет, И праведник семижды в день согрешает* (есть параллель в итальянском), также в них может идти речь о наказании за грех — *Все на свете по грехам нашим дается, За грехи над нами случилось* или о грехе и невозможности Рая — *И рад бы в Рай, да грехи не пускают* (о чем-либо недостижимом) и т.д.

Отметим также, что в народном сознании во многих случаях оценка поступка (грех/не грех) осуществляется не по библейскому канону, а по закону справедливости. Проведенный анализ позволяет говорить о том, что в русской народной религиозности существуют неправославные пласты, переплетенные с верой, то есть т.н. «народное христианство», нашедшее отражение в русском языке, например: «Кто без греха», «Все не без греха» (у всех есть недостатки, слабости, ошибки).

Овеществление греха.

Особенность словоупотреблений данной группы уже описывалась в первой главе, когда речь шла об изменении принадлежности к лексико-грамматическому составу. Это происходит из-за переосмысления греха, изначально в бытовом дискурсе, как чего-то сущего, того, что можно потрогать. Это явление соответствует тенденции десакрализации концепта «грех». Посмотрим на примере фразеологизмов: «Грех под лавку, а сам на лавку», «Грех с орех, ядро с ведро», «С грехом пополам», «Хватить грехá на́ душу», «Что (нечего) грехá таить», «Водятся грешки за кем-либо», «От грехá» (подальше).

Последняя группа содержит в себе **слова категории состояния**, однако с группой, которая носит название «грех как состояние» их нельзя соотносить, потому что слова этой группы отличаются не только по частеречной принадлежности, но и по значению.

В нее вошли следующие фразеологизмы: «На счастье грех роптать», «Над старостью смеяться грех», «Потчевать можно, неволить грех», «Стыдно сказать, а грех утаить», « Умное повторить не грех», «(И) смех и грех», «Как на грех» (как нарочно, к несчастью), «Есть грех» (о том, что когда-то случилось, было на самом деле)

Таким образом, можно сделать вывод о том, что концепт «грех» используется в неизменном виде крайне редко, обычно это ситуации, где говорится о религии или загробном мире. Тенденция десакрализации концепта особенно отчетливо просвечивается в текстах современной литературы. Активнее этот процесс происходит в устойчивых сочетаниях, что обусловлено их спецификой. В последнее время, в связи с повышением авторитета церкви, наметился процесс обратный десакрализации концепта «грех», однако в текстах нынешней художественной литературы это пока слабо выражено.

В современной действительности возможна дальнейшая десакрализация концепта «грех». На базе сложившегося в светской культуре понимания греха

как человеческой слабости развивается положительная оценочность для некоторых видов греха.

Приметой времени, отражающей современные реалии общества потребления, выступают представления о том, что грех - это нормальное, а значит, прощительное свойство всех людей, что это норма жизни. Это связано с упрощенным пониманием греха, которое характерно для определенной части современного российского общества.

Список литературы

1. Барнуэлл К., Дэнси П., Поп Т. Ключевые понятия Библии. В тексте Нового Завета. Словарь-справочник. СПб: Библия для всех, 1996. с. 256.
2. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат // Язык и национальное сознание: Вопросы теории и методологии. Воронеж: ВГУ, 2002. С. 8-50.
3. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов./ Пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2001. с. 125.
4. Панова Л.Г. Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «рессато») // Логический анализ языка: Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 167–177.

*М. А. Шестернина
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель к.фил.н., доцент П. В. Маркина*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ И. С. ТУРГЕНЕВА И А. П. ЧЕХОВА В ДИСТАНЦИОННОМ КУРСЕ ПО ПОДГОТОВКЕ К ЗАДАНИЮ 24 В ЕГЭ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ (Публикация подготовлена в рамках поддержанного ФГБОУ ВО «АлтГПУ» научного Проекта №01-2017 «Комплект электронных курсов для подготовки к Государственной итоговой аттестации для школьников 9–11 классов по русскому языку и литературе»)

Аннотация

В статье предложен один из путей преодоления кризиса в системе тестирования – введение в экзаменационные материалы (а также в уроки русского языка) эпистолярного наследия русских классиков. Тексты писем И.С. Тургенева и А.П. Чехова насыщены изобразительно-выразительными средствами русского языка, поэтому могут быть использованы при подготовке к выполнению задания 24 в ЕГЭ по русскому языку. Материал, решающий задачи воспитания и развития, призван снять претензии шаблонного мышления к формату государственной итоговой аттестации.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, И.С. Тургенев, А.П. Чехов, изобразительно-выразительные средства, ЕГЭ по русскому языку, дистанционное обучение.

Русский язык – это часть нашей культуры. Обучая русскому языку, школа пытается внести большой вклад не только в общее образование, но и в формирование всесторонне развитой личности, призванной успешно решать различные задачи интенсивно развивающегося современного общества. Приоритетное стратегическое направления педагогической деятельности, связанное с воспитанием именно гармоничной личности, касается и патриотических задач. Одним из путей решения кризиса системы тестирования в государственной итоговой аттестации по русскому языку в 11 классе в контексте современного гуманитарного знания видится введение в экзаменационные материалы (а также в уроки русского языка) эпистолярного наследия русских классиков.

Общеизвестно, что в современной научной парадигме для лингвистического анализа эпистолярное наследие писателей XIX века (реже XVII, XVIII, XX вв.) выбирается системно и частотно [1, с. 8]. Среди исследователей достаточно популярны тексты писем А.П. Чехова [3], [8], [10] и И.С. Тургенева [2], [4], [9], что говорит об определенной качественной изученности и актуальности материала. Изучением эпистолярия, жизни и творчества писателей занимаются многие чеховеды и тургенеvedы. Существует ряд работ, посвященных этим темам, среди них труды М. М. Бахтина, исследователей теории и истории эпистолярия – А. А. Акишиной, Н. А. Каленовой, А. В. Курьянович, специалистов по Тургеневу – М. П. Алексеева, А. А. Акишиной, Е. В. Максименко, Чехову – С.В. Гусевой, В. Ю. Арбузовой, А. П. Чудаковой, Н. И. Гитович, М. П. Громовой. Но эти исследования остаются не доступными для изучения школьниками.

Языковые единицы и изобразительно-выразительные средства русского языка эпистолярия писателей-классиков также становились объектом исследования [5], [6], [7]. Все это позволяет говорить о готовности современного гуманитарного знания к введению в школьную практику. Поэтому продуктивным с точки зрения решения задач воспитания и развития может быть использование результатов анализа эпистолярного наследия А.П. Чехова и И.С. Тургенева при подготовке и выполнении задания 24 в ЕГЭ по русскому языку.

Решить вопрос общедоступности может использование дистанционного обучения, например, создание курса на платформе «Виртуального лица» ФГБОУ ВО «АлтГПУ». Такой формат педагогического взаимодействия оправдан и актуальностью получения научного знания в информационной удаленной среде. Используя ресурсы Интернет, одиннадцатиклассник самостоятельно выстраивает индивидуальный маршрут получения знаний, выполняя роль субъекта, а не объекта обучения. Современное состояние

развития общества, требования времени и ряд других аспектов выдвигают виртуальное общение на первый план. Поэтому создание обозначенного в заглавии курса решает ряд актуальных задач, а также создает благоприятную лингвокультурологическую среду для исследования, не разделяя, а соединяя педагога и школьника.

Модель диалогического взаимодействия положена в основу образовательной деятельности в интерактивной форме: обучающийся – педагог, обучающийся – курс, обучающийся – текст (эпистолярное наследие) – культурный герой (А.П. Чехов и И.С. Тургенев). Таким образом, подготовка к общеобязательной государственной итоговой аттестации переставит быть самоцелью, своего рода бездумной «дрессировкой», натаскиванием, а попутно вписывается в стратегию развития гармоничной личности. Поэтому успешность предложенного проекта долгосрочных вложений не может быть проверена только положительным баллом за 24 задание на ЕГЭ по русскому языку.

Любое обучение, как известно, это передача молодому поколению культурного опыта, накопленного человечеством в течение долгого промежутка времени. Это значит, что никакое обучение невозможно без накопления знаний об окружающей действительности – природе, обществе, человеке, его истории и культуре. Русский язык – это особая часть нашей культуры. И обучение языку должно учитывать последние открытия современной филологической и педагогической науки.

Современное обучение, включенное систему ФГОС, определяет проверку качества образования в формате ЕГЭ для 11 класса. Знание средств выразительности русского языка предусмотрено программой среднего образования. Ежегодно каждый школьник готовится и выполняет задание 24. Необходимо достичь в этой подготовке не просто механического овладения навыком выполнения задания, но и культурного и умственного обогащения ученика.

Пришло время полноценной разработки и внедрения в современную практику преподавания русского языка в школе и подготовки к сдаче ЕГЭ методические идеи использования в процессе обучения языковых средств переписки И. С. Тургенева с М. Г. Савиной и писем А. П. Чехова к О. Л. Книппер: письма И. С. Тургенева к М. Г. Савиной (1831–1883), письма А. П. Чехова к О. Л. Книппер-Чеховой (1899–1904).

Указанные тексты насыщены изобразительно-выразительными средствами русского языка, поэтому на их основе были составлены задания в дистанционном курсе по подготовке к ЕГЭ по русскому языку. Работа еще находится в процессе апробации, следовательно, влияние использования эпистолярного наследия классиков русской литературы на изучение русского языка и подготовку к ЕГЭ среди одиннадцатиклассников пока сложно оценить, однако составители курса, имеющие личный опыт работы с текстами и представившие материалы на научно-практической конференции День науки в АлтГПУ планируют получить положительный результат.

Разработка упражнений для подготовки к выполнению задания 24 в ЕГЭ по русскому языку учащихся 10-11 классов средней общеобразовательной школы осуществлялась через ряд этапов: были систематизированы и обобщены материалы эпистолярного наследия Тургенева и Чехова, исследованы тексты писем, выявлена их специфика, на основании которой был проведен отбор материала и оценка возможности его применения при подготовке к ЕГЭ, разработаны задания и вопросы на материале писем по типу задания 24.

На начальном этапе были систематизированы и обобщены более 30 писем И. С. Тургенева к М. Г. Савиной и около 20 писем А. П. Чехова к О. Л. Книппер.

И. С. Тургенев вел обширную переписку с Марией Гавриловной Савиной, великой русской драматической актрисой. Их отношения добавили еще несколько страниц и в историю русского театра, и в историю русской литературы, так как любовь всегда была причиной создания множества шедевров мирового искусства.

Письма Чехова занимают особое место в его наследии. Они представляют историческую ценность для потомков, эстетическую ценность, а также и простор для исследования. Письма Чехова – одно из самых значительных эпистолярных собраний в литературном наследии русских классиков.

В ходе анализа текстов выделены, проанализированы основные изобразительно-выразительные средства русского языка. На основе этого разработаны задания для подготовки к выполнению задания 24 в ЕГЭ.

В результате анализа в эпистолярном наследии русских писателей были обнаружены тропы и стилистические фигуры. Для дистанционного курса среди общего потока языковых средств были выбраны: метафора, эпитет, сравнение, а также инверсия, анафора, лексический повтор – языковые средства, традиционно встречающиеся в заданиях ЕГЭ. Приведем примеры некоторых из них.

Тренировочные задания могут быть разных видов от самого простого к более сложному.

В письмах треть всех выразительно-изобразительных средств составляют эпитеты. Формулируем задания, связанные с выявлением этого тропа во фрагментах текста.

Какой троп используется в предложениях? Выпишите. В каком из предложений эпитет связан со сравнительным оборотом?

- «Через месяц с небольшим я буду иметь *великое* удовольствие увидеться с Вами» [11, XII, I, с. 163–164].
- «Пока – протяните мне Ваши обе *хорошенькие* ручки, чтобы я поцеловал их» [11, XII, I, с. 163–164].
- «При таких мыслях я чувствую себя *низкой*» [12, VIII, с. 322].
- «Меня обрадовал вид Вашего почерка, такого же красивого и тонкого и “умного”, как *Ваши* руки, которые так приятно целовать» [11, XIII, 1, с. 131].

В каком предложении используются сравнение и метафора. Укажите номер предложения.

- «Меня гнетет мысль, что ты там томишься день за днем, как в тюрьме, жаждешь другой жизни и терпишь, терпишь без конца...» [12, VIII, с. 324].
- «Вся труппа – точно одна дружная семья. Доктор ездит каждый день. Акушерка при мне день и ночь и очень славная, молодая.» [12, VIII, с. 324].
- «Не забывай меня, ведь я твой муж. Целую крепко, крепко, обнимаю и опять целую. Постель кажется мне одинокой, точно я скупой холостяк, злой и старый» [12, VIII, с. 265].
- *Настроение духа* несколько грустное; ну, да ото всё пройдет» [11, XII, 2, с. 235].

Ответ: 1.

Какая стилистическая фигура использована в тексте?

- «Постель кажется мне одинокой, точно я скупой холостяк, злой старый» [12, VIII, с. 265].
- «Меня обрадовал вид Вашего почерка, такого же красивого и тонкого и “умного”, как Ваши руки, которые так приятно целовать» [11, XIII, 1, с. 131].
 1. антитеза 3. градация
 2. инверсия 4. умолчание

Ответ №3. Каждое последующее слово «скупой», «злой», «старый» и «красивого», «тонкого», «умного» усиливает значение предыдущего.

Выпишите лексический повтор.

- «Засим... (никто ведь этого письма не увидит?) беру в обе руки Вашу милую головку – и целую Вас в Ваши губы, в эту прелестную живую розу» [11, XII, 2, с. 260-261].
- «Спасибо, прелестная кошечка, за Ваше прелестное письмо» [11, XIII, 1, с. 184].

Найдите синтаксический прием.

- Я сама не понимаю, что во мне происходит, и меня это злит. Неясна я себе» [12, VIII, с. 135]
- «Здоровье мое совсем поправилось» [11, XII, 2, с. 260-261].

Ответ: Инверсия. Наблюдаем здесь обратный порядок слов.

Итоговое задание составлено по типу задания 24 ЕГЭ по русскому языку:

Прочитайте фрагмент рецензии, составленной на основе текста. В этом фрагменте рассматриваются языковые особенности текста. Некоторые термины, использованные в рецензии, пропущены. Вставьте на места пропусков цифры, соответствующие номеру термина из списка. Если вы не знаете, какая цифра из списка должна стоять на месте пропуска, пишите цифру 0. Выпишите последовательность цифр в том порядке, в котором они записаны вами в тексте рецензии на месте пропусков.

«(1)Мне даже трудно объяснить самому себе, какое чувство Вы мне внушили. (2)Влюблен ли я в Вас – не знаю; прежде это у меня бывало иначе. (3)Это непреодолимое стремление к слиянию, к обладанию – и к отдаению самого себя, где даже чувственность пропадает в каком-то тонком огне... (4)Я, вероятно, вздор говорю – но я был бы несказанно счастлив, если бы... (5)А теперь, когда я знаю, что этому не бывать, я не то что несчастлив, я даже особенной меланхолии не чувствую. (6)Мне глубоко жаль, что эта прелестная ночь так и потеряна навсегда, не коснувшись меня своим крылом. (7)Мне глубоко жаль, что эта прелестная ночь так и потеряна навсегда... (8)Жаль для меня – и осмелюсь прибавить – и для Вас, потому что уверен, что и Вы бы не забыли того счастья, которое дали бы мне» [11, XII, 2, с. 260-261].

В письме И.С. Тургенев говорит о собственных переживаниях, упоминает о неуверенности в своих словах, используя _____ (Предложение 4). Синтаксическое средство выразительности _____ (предложения 6–7) фиксирует внимание возлюбленной на чувстве жалости. Эмоциональный, проникнутый болью неслучившегося тон не оставляет собеседника равнодушным. Достигается это с помощью средств художественной выразительности, например, в предложении 6 _____. Восхищение ночью, которой не было, писатель выражает использованием такого тропа, как _____ («прелестная ночь» в предложении 7).

1. Гипербола
2. Метафора
3. Анафора
4. Антитеза
5. Эпитет
6. Риторический вопрос
7. Вводное слово

Ответ: 7325

Таким образом, рассмотрев возможность введения в систему образования, в том числе в уроки словесности, а затем и в экзаменационные тестирования языковые средства из эпистолярного наследия классиков русской литературы, приходим к выводу, что этот факт способствует не только качественной и разносторонней подготовке учащихся к сдаче экзаменов, но и патриотическому воспитанию школьников, приобщению подрастающего поколения к русской культуре и литературе, формированию самостоятельного и ответственного отношения к обучению.

Список литературы

1. Акимова Т. П. Лингвокультурологические характеристики эпистолярного текста (на материале писем классиков русской литературы XIX-XX вв.): дис. ... д-ра филол. н. Волгоград., 2017. 421 с.
2. Алексеев М. П. Вступительная статья: Письма Тургенева // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Наука, 1982. Т. 1. Письма 1831–1849. С. 9–116.

3. Белова А. В. Лингвопрагматическая характеристика обратимой эпистолярной коммуникации (на материале переписки Ал. П. Чехова и А. П. Чехова): автореф. дис. ... канд. филол. н. СПб., 2005. 52 с.
4. Гарусина Т. Г. Частные письма И. С. Тургенева (когнитивнокоммуникативный и лингвокультурный аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 2013. 22 с.
5. Захарова В. Е. Метафора в письмах Чехова // Русская речь. 1976. № 3. С. 40–44.
6. Захарова В. Е. Сравнение в письмах А. П. Чехова как изобразительное средство // Творческий метод А. П. Чехова: межвуз. сб. науч. тр. Ростов н/Д, 1983. С. 130–135.
7. Захарова В. Е. О функциях и структуре начального обращения в частных письмах А. П. Чехова // Языковое мастерство А. П. Чехова: сб. ст. Ростов н/Д, 1988. С. 110–115.
8. Ковалева Н. А. Авторское фразообразование и коммуникативная стратегия текста в письмах А. П. Чехова. Астрахань: Изд-во Астрахан. гос. ун-та, 2000. 247 с.
9. Кокунина Е. В. Переписка как опосредованный диалог: лингвопрагматический аспект (на материале переписки И. С. Тургенева и его повести «Переписка»): автореф. дис. ... канд. филол. н. Череповец, 2005. 22 с.
10. Кыштымова Т. В. Языковые средства выражения комического в письмах А. П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. н. Челябинск, 2011. 25 с.
11. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28 т. М.: Наука, 1967.
12. Чехов А. П. Письма. В 12 томах. М.: Наука, 1980.

М. Шутяк

Россия, г. Омск

*Омский государственный педагогический университет,
Научный руководитель: к.ф.н., доцент Ю. Ю. Литвиненко*

КЕЙС-МЕТОД НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО И НЕРОДНОГО

Аннотация

Работа посвящена вопросам поиска путей внедрения в образовательный процесс кейс-метода при обучении русскому языку как иностранному/неродному (РКИ/РКН). Материал статьи представляет собой описание возможностей использования данного приёма на уроках РКИ/РКН. Главное достоинство данного метода – разнообразие его форм, эффективность в решении большого количества учебных задач.

Ключевые слова: методика преподавания, русский язык, русский язык как иностранный, русский язык как неродной, интерактивные методы обучения, кейс как метод обучения.

Русский язык – язык непростого синтаксиса, большого количества лексики и оттенков значений слов, сложных грамматических конструкций. Он по праву считается одним из самых трудных для изучения. Надо отметить, что русский язык стоит особняком в российской образовательной среде, так как является объектом и средством обучения (русский язык – образовательный предмет и язык, на котором изучаются другие программы). В наши дни проблема обучения русскому языку как иностранному и неродному (РКИ/РКН) становится все более актуальной во внутригосударственных школах и вузах. В связи с этим одной из основных задач, стоящих перед современной методикой, является оптимизация процесса обучения, под которой подразумевается «научно обоснованный выбор и осуществление наилучшего для данных условий варианта задач, содержания, форм и методов обучения с точки зрения определенных критериев» [1].

В наши дни основным подходом в преподавании РКИ/РКН считается коммуникативный, так как он делает процесс обучения студентов более эффективным, понятным. Также он несёт в себе необходимость развития свободного мышления на изучаемом языке, что ещё раз доказывает большую результативность данного подхода. При этом он позволяет реализовывать большее количество интерактивных технологий, как-то: деловая игра, квесты, экспедиции, уроки-лаборатории, коллективные решения творческих задач и т.д. [3]. В рамках данной статьи мы остановимся на актуальном в наши дни кейс-методе.

Кейс-метод (от английского case – случай, ситуация) – форма, в основе которой лежит изучение, анализ, всестороннее рассмотрение проблемы, которая является актуальной для данной группы обучающихся. Они должны проанализировать ситуацию, разобраться в сути проблемы, предложить возможные решения и выбрать лучшее из них.

Суть этого метода в том, что обучающимся предлагают найти решение для ситуации, которая имеет отношение к реальным жизненным проблемам и описание которой отражает какую-либо практическую задачу. Отличительной особенностью данного метода является создание проблемной ситуации на основе фактов из реальной жизни [2].

Задания выдаются учениками в виде особых проблем (кейсов), знания ученики получают в результате аналитической и творческой деятельности. Данный метод имеет ряд особенностей, которые отличают его от других интерактивных форм, например: центральный пункт — проблема, а не предмет, кейс должен иметь дело с конкретным объектом, а не только с общей теорией, обучаемые обязаны активно участвовать в процессе учения, а не только быть пассивными слушателями [4].

Способы реализации данного метода на уроках РКИ/РКН многообразны. С помощью кейса ученики могут изучать и различные лексические темы (толкования слов, омонимичные явления), рассматривать синтаксис сложного предложения (знаки препинания в сложных предложениях на стыке союзов, оттенки значения в сложноподчиненных предложениях с семантикой времени). Также кейсы помогают в изучении такого трудного материала, как система падежей и соответствующая ей орфография. Рассмотрим пример.

Система падежей в русском языке богата на значения. Так, изучая предложный падеж, иностранцы могут получить следующий кейс, направленный на развитие навыков работы с информацией – осмысление текста, выявление закономерностей в написании окончаний предложного падежа (N6). Также ученики смогут разобраться в его значениях: 1) место, где происходит действие; 2) время, когда происходит действие; 3) объект, о котором говорится в тексте. Итогом данной работы послужит составление правила для верного выбора окончания существительных в форме N6 единственного числа.

Содержание кейса:

1. Вы – главный редактор в одном известном журнале. Ваши сотрудники часто присылают вам на электронный адрес статьи для проверки. Однажды вы получили такое письмо, но произошел сбой программы, из-за которого часть текста исчезла. Восстановите ее. Прочитайте полученный текст, сравните его с работами напарников.

История жизни одного ученого

Я прилетел в Москву в июн... . Мой друг встречал меня в аэропорт... Шереметьево. Друг много рассказывал мне о Москв...: о Красной площад..., Кремл..., Большом театр.... Всё лето я провёл в парк... Горького и на берег... Москвы-реки. Это очень красивое место. Я всегда с благодарностью вспоминаю о моём друг... Евгени... . Но лето быстро закончилось, и в сентябр... началась учёба. Наш университет и общежитие тогда находились на улиц... Миклухо-Маклая. Я учился день и ночь. Днем я занимался в аудитори..., а все вечера проводил в библиотек... . Так и началась в Росси... моя научная карьера.

- *Если вы не можете выполнить задание, обратитесь к другим упражнениям данного текста.*

Ученикам, которые только начинают знакомиться с предложным падежом в многообразии его значений, возможно, будет нелегко выполнить это

задание. На его решение будет направлен ряд других, которые помогут систематизировать знание, вывести правило. Одним из таких заданий может быть такое, где будут использованы известные им модели и примитивы.

2. Так как Вы очень хороший начальник своего отдела, то всегда готовы помочь своим сотрудникам, знаете ответы на все их вопросы. Ответьте на некоторые из них. Придумайте и разыграйте диалог, в котором будут задействованы три вопроса из приведенного списка.

1. **О ком** в своей статье рассказывает новый журналист? (художник)
2. **О чём** сообщит нам директор на собрании? (новый офис)
3. **Когда** я смогу пойти в отпуск? (июнь)
4. **Где** сейчас находится бухгалтер? (кабинет №5)
5. **На чём** лучше отправиться на конференцию? (автобус)
6. **Где** лежит свежий выпуск нашего журнала? (стол)
7. **Где** я могу прочитать о правилах правописания окончаний существительных в падеже N6?(памятка)

Данное задание известно ученикам и понятно в выполнении. На самых ранних этапах они изучают формулы: **где** что-либо находится, **куда** можно пойти за чем-либо, **о чём** говорится в тексте и т.д. Эти конструкции являются лексико-грамматическими примитивами для студентов. Теперь ученики анализируют эти формы, ищут соответствия.

Следующее задание носит обобщающий характер, оно поможет выявить закономерности употребления окончаний в предложном падеже.

3. Вашим сотрудникам нужна памятка с правилом правописания окончаний, составьте её. В первую колонку запишите примеры, которые встретились в тексте заданий. В группе сформулируйте правило, с помощью которого можно верно написать окончание. Сравните свои правила с тем, что сделали члены другой команды. Дополните таблицу примерами слов, в которых встречаются другие условия выбора окончания предложного падежа.

Слово	Окончание	Условие выбора: последняя буква / буквы, род, исключение
сентябрь	е	«ь» мужской род
улица	е	«а»
парк	е	«согласный» мужской род
берег	у	исключение
площадь	и	«ь» женский род
аудитория	и	«-ия»

Евгений	и	«-ий»
---------	---	-------

Данная таблица подведёт итог, поможет ученикам выявить закономерность выбора окончаний в предложном падеже. Ученикам остается лишь определить значения, которые несут данные формы: значение места, времени, объекта.

Таким образом, самостоятельно выполняя задания, в основе которых лежат известные речевые модели, студенты добывают знание, систематизируют его. Разнообразить это задание можно следующим образом: предложить каждой группе поработать с одним из значений данного падежа, а в завершении урока акцентировать внимание на разнице этих значений. Её можно указать, через выведение примитивов, которыми дальше будут пользоваться студенты для определения значения падежа.

Важно, что задания выполняются в группе, то есть дополнительно осуществляется коммуникация учеников, что является основой коммуникативного подхода в обучении языку.

Таким образом, кейс-метод способствует расширению способов усвоения языкового материала. Благодаря заложенному принципу использования лексико-грамматического примитива он позволяет развить у учащихся умение репродуцировать материал, способность к рассуждению, построению моделей, характерных для русского языка. Кроме того, расширяет способы преподнесения материала, тем самым делая уроки разнообразнее и эффективнее. Ученик чувствует себя непосредственным участником образовательного процесса, создавая и выполняя задания, помогающие осваивать материал.

Список литературы

1. Бабанский Ю.К. Педагогика. - М., 1988.
2. Власова Н. В. Современные образовательные технологии в контексте новых федеральных государственных образовательных стандартов // Теория и практика образования в современном мире: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.).— Санкт-Петербург: Реноме, 2012. — С. 278-280.
3. Рогова Г.В., Рабинович Ф.М., Сахарова Т.Е. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. – М.: Просвещение. 1991. – 256 с.
4. Смолянинова О. Г. Инновационные технологии обучения студентов на основе метода Case Study // Инновации в российском образовании. — Москва: ВПО, 2000.

А. С. Кузнецова
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель д.ф.н., профессор Н. Н. Шпильная

КОММУНИКАТИВНЫЙ ФОКУС АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Аннотация

Целью данной работы является анализ коммуникативного фокуса как фактора, определяющего актуальное членение диалогического высказывания.

Новизна предлагаемого подхода определяется тем, что исходное высказывание порождает не одинаковые ответные реплики (традиционный подход – монологическая организация) [2, с. 239-245], а разные, что обусловлено разным типом мышления языковой личности при выделении коммуникативного фокуса.

Ключевые слова: коммуникативный фокус, диалогическое высказывание, актуальное членение, коммуникация, вторичные тексты.

К проблеме актуального членения диалогического высказывания обращается А. В. Бондарко, который считает необходимым учитывать коммуникативный фокус членения высказывания при анализе его коммуникативной перспективы: «Фокус контраста присущ любому предложению и обусловлен следующим: когда говорящий сообщает что-то, он тем самым отвергает некоторое другое положение дел» [1, с. 191].

Мы полагаем, что членимость высказывания в ситуации диалога обусловлена прежде всего коммуникативным фокусом адресата как участника коммуникации. При таком подходе адресат сначала вычленяет тему высказывания, которая соотносится с тем или иным коммуникативным элементом (сочетанием словоформ) из высказывания адресанта и служит в то же время ремой ответной реплики-высказывания, актуального для данного адресата. При этом на процесс членения высказывания настраивается диалогическая модальность (проявление коммуникативного фокуса), которая определяет ход и результат развёртывания ответного высказывания как процесса актуализации коммуникативной перспективы диалогического высказывания.

С целью обоснования гипотезы исследования мы провели анализ интернет-коммуникации, которая состояла из 215 диалогических текстов. Интернет-коммуникация началась с высказывания: «Некоторые украинцы считают россиян рабами».

А. В. Бондарко считает оценочность и модальность разными, но равнозначными явлениями: «оценочность целесообразно рассматривать как особую семантико-прагматическую сферу, взаимодействующую с модальностью» [1].

В данной работе мы опираемся на понятие «оценочная модальность», т.е. выделяем модальность на основе отношения говорящего (положительное, отрицательное, нейтральное) к объекту, который оценивается субъектом речи в предложении. В нашем понимании оценочная модальность является функциональной разновидностью субъектной модальности. Исходя из этого, мы выделяем такой тип модальности, в основе которой лежит модусный компонент согласия / несогласия, нейтральный модусный компонент.

Модальность согласия:

Александр 36283: «Некоторые украинцы считают россиян рабами».

Emshi: «ну правильно считают, им виднее, они ведь и сами рабы»

В данном примере адресат выражает согласие по отношению к высказыванию адресанта, о чём свидетельствует материально-выраженный маркер «Ну и правильно считают».

Модальность несогласия:

Александр 36283: «Некоторые украинцы считают россиян рабами».

ленинградец757: «Нет, Украинцы так считать не могут, это больше свойственно американцам».

В данном примере адресат выражает несогласие по отношению к высказыванию адресанта, о чём свидетельствует материально-выраженный маркер «Нет».

Нейтральная модальность:

Александр 36283: «Некоторые украинцы считают россиян рабами».

2004fly2004: «Ну хоть некоторые, а не все. Я больше чем уверен, что некоторые Россияне тоже так считают про Украинцев. Заметьте, некоторые. А может и все».

В данном примере адресат не выражает ни согласия, ни отрицания по отношению к высказыванию адресанта, о чём свидетельствует ответная реплика, не содержащая категоричных модусных компонентов.

Данные анализа позволяют сделать вывод, согласно которому актуальное членение диалогического высказывания происходит посредством выделения коммуникативного фокуса его членения, коррелирующего с диалогическими (прагматическими) модальностями – модальностью согласия, несогласия или нейтральной модальностью.

Список литературы:

1. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Санк-Петербург, 1992.
2. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения// Пражский лингвистический кружок: Сборник статей. Москва, 1967.

В. С. Лиманова
Россия, г. Новосибирск
Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель к.фил.н., доцент Л. А. Голышкина

ЖАНР ПРИКАЗА В ПРАКТИКЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕКСТОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ДОКУМЕНТОВЕДА

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению поэтапной лингвистической технологии формирования текстовой компетентности будущих документоведов, которая получает воплощение в образовательном процессе в практике воспроизведения приказа как канонического жанра распорядительного вида документов.

Ключевые слова: текстовая компетентность, документ, документный текст, жанр приказа, распорядительные документы

В настоящее время постепенно складывается общественное понимание того, что решение многих профессиональных проблем немислимо без качественных текстов, способных достигать практические цели, что профессиональная состоятельность часто зиждется на умении создавать эффективные речевые произведения, выступающие инструментом моделирования действительности. Так, ректор МГУ академик В. А. Садовничий отмечает: «Сейчас становится очевидно, что процессами в обществе управляет тот, кто владеет информацией, кто оперативно получает знание о состоянии его подсистем и, кто может оперативно осуществить обратную связь. Основная же форма представления знаний в обществе сейчас (и на обозримый период времени вперед) – это естественно-языковые тексты» [5, с. 7].

Подтверждением указанной выше тенденции является наметившийся спрос на рынке труда на специалистов как в области информационно-массовых коммуникаций, так и в сфере документоведения и документационного обеспечения управления. Так, в Новосибирском государственном техническом университете в рамках направления «Филология» уже более десяти лет ведется подготовка документоведов: студенты-филологи получают дополнительную специализацию «Филологическое обеспечение документоведения». Естественно, что подготовка документоведов на базе филологического образования ставит своей целью формирование текстовой компетенции.

Текстовая компетенция уже два десятилетия является объектом лингвистического и лингвометодического рассмотрения. Осмыслению природы текстовой компетенции посвящены работы А. П. Сковородникова, А. Г. Баранова, Т. М. Дридзе, М. Я. Дымарского, А. К. Михальской, А. А. Ворожбитовой, О. П. Сологуб, Л. А. Голышкиной и других исследователей.

Как отмечает Л. А. Гольшкіна, «при всем многообразии трактовок большинство исследователей объединено пониманием текстовой компетенции как комплекса знаний о тексте как форме коммуникации, как совокупности умений и навыков, обеспечивающих продуцирование и понимание различных типов текстов, то есть текстовую деятельность» [1, с. 131].

Важно отметить, что текстовая компетенция включает в себя компетенцию жанровую как необходимое условие корректного текстообразования.

В. М. Ростовцева считает, что в понятие текстовой компетенции входит целый комплекс знаний о тексте, который «выражается в способности использовать тексты различной жанровой и стилистической принадлежности» [4, с. 108]. Исследователь отмечает, что анализ информации, заключенной в тексте, формирует у языковой личности алгоритмическую базу навыков [Там же]. Соответственно, перед преподавателем ставится задача алгоритмизации процесса приобретения обучающимся текстовой компетентности и внедрения в образовательный процесс технологий эффективного текстообразования.

Рассмотрим выработанную практикой преподавания в НГТУ в рамках дисциплины «Документная лингвистика» технологию формирования текстовой компетентности, преследующую цель эффективного создания документов и реализующуюся путем воспроизведения текстов-образцов.

Воспроизведению документа студентами предшествует следующая аналитическая процедура, нацеленная на приобретение комплексных знаний о тексте / жанре.

1. Определение жанровой отнесенности текста, места данного жанра в системе различных видов документа, его жанровых разновидностей и смежных жанров.

2. Первоначальное ознакомление с документом-образцом как структурным набором реквизитов, под которыми понимаются отдельно взятые обязательные элементы любого документа (документный текст, печать, подпись, дата и т.д.).

3. Ознакомление с документным текстом как содержательной основой документа.

4. Изучение языкового оформления документного текста как базового структурно-содержательного компонента документа. Здесь осуществляется поуровневый анализ языковых средств, формирующих текст документа.

5. Осуществление лингвистической квалификации языковых средств, релевантных для верификации видовой и жанровой отнесенности документа.

Отметим, что методологической основой, позволяющей внедрить предложенную процедуру работы с текстом, выступают исследования в области документной лингвистики С. П. Кушнерук, О. П. Сологуб, Т. В. Сигановой, К. А. Волкова, Н. Н. Кушнаренко, Е. Н. Роготневой и других исследователей.

Описанную процедуру работы с текстом мы апробировали на занятиях, посвященных изучению такого востребованного в практике официально-деловой коммуникации речевого жанра, как приказ.

Приказ – правовой акт, принимаемый руководителем организации, действующим единолично, в целях регулирования деятельности организации [6, с. 59]. Приказ, наряду с постановлением, решением, распоряжением и указанием, относится к распорядительному виду документов [2]. При этом приказ считается каноническим распорядительным жанром, поскольку обладает всей системой устойчивых признаков, характерных именно для этой видовой группы: он создается от единоличного представителя организации для решения каких-либо оперативных задач; имеет устойчивый состав реквизитов документа; в структурном плане документный текст приказа разделяется на две части перформативом «*ПРИКАЗЫВАЮ*»; включает в качестве последнего пункта распорядительной части клише «*Контроль за исполнением возложить на...*». Приказ инициирует появление таких вторичных речевых жанров, как выписка из приказа, указание, распоряжение, служебная записка.

Рассмотрим, как тексты приказа используются в качестве материала актуализации разработанной нами процедуры формирования текстовой компетентности.

Сначала студент определяет место приказа в классификации документов: распорядительный вид, служебная группа.

Далее обучающийся знакомится со структурной организацией приказа – с набором реквизитов, характерным для видовой группы в целом и наделяющим документ свойством стандартизованности.

Студент изучает документный текст приказа: обнаруживает, что он состоит из двух частей (констатирующей и распорядительной), и указывает на границу между ними, которая маркируется перформативом «*ПРИКАЗЫВАЮ*»; распорядительная же часть всегда оканчивается официальной «*Контроль за исполнением возложить на...*». Каждый пункт документного текста приказа начинается одинаково: глагол в повелительном наклонении, имена существительные в дательном падеже, именующие должность ответственного лица, глаголы в форме инфинитива.

Наконец студент выстраивает систему языковых средств, актуализованных в приказе, и квалифицирует их с точки зрения жанровой отнесенности. Кроме того, будущий документовед выделяет наиболее частотные показатели документного текста приказа и соотносит их с коммуникативными требованиями, или параметрами, официально-делового стиля (точность, не допускающая иного толкования; неличный характер; стандартизованность, стереотипность построения текста; долженствующе-предписывающий характер) [3, с. 319–321]. Языковые показатели коррелируют с определенными стилевыми параметрами. Например, перформатив «*ПРИКАЗЫВАЮ*» указывает на долженствующе-предписывающий характер, а рубрикация всех пунктов распорядительной части – на точность как реализованное коммуникативное

качество. Унифицированная форма текста воплощает стилевое требование стереотипизации построения документа.

Все указанные аналитические процедуры предшествуют воспроизведению текста документа. Иными словами, само воспроизведение документа осуществляется не по шаблону, а посредством практики поэтапного лингвистического анализа текста документа, что формирует осмысленное понимание механизмов тексто- и жанрообразования.

В заключение отметим, что использование приказа как канонического жанра распорядительного вида документов позволяет сформировать знания студентов о принципах продуцирования текстов других жанров этой видовой группы.

В целом же, реализация в образовательном процессе технологии воспроизведения документа, в частности приказа, опирающейся на предварительный лингвистический анализ текста, а не на механический повтор жанровой формы, создает реальные условия для приобретения студентом-документоведом текстовой компетентности.

Список литературы

1. Голышкина Л. А. Текстовая компетенция как ценностная доминанта современного образования: риторический подход / Л. А. Голышкина // Философия образования. – 2011. – Т. 34, № 1. – С. 129–135.
2. ГОСТ Р 6.30-2003. Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов = Unified systems of documentation. Unified system of managerial documentation. Requirements for presentation of documents – Введ. 2003-03-03. – М.: Постановление Госстандарта РФ, 2003. – 20 с.
3. Кожина М. Н. Стилистика русского языка: учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – 4-е изд., стереотип. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 464 с.
4. Ростовцева В. М. Текстовая компетенция в современных научных исследованиях / В. М. Ростовцева // Современные направления анализа и интерпретации инокультурных текстов: сборник научных трудов III Всероссийской школы-семинара «Современные направления анализа и интерпретации инокультурных текстов» / отв. ред. Ю. В. Кобенко. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013. – С. 107–111.
5. Садовничий В. А. Слово к участникам IV международной конгр. исследователей русского языка «Русский язык исторические судьбы и современность» / В. А. Садовничий // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, 20–23 марта 2010г.): труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ. – С. 7.

6. Словарь видов и разновидностей современной управленческой документации / ВНИИДАД; исполн.: В. Ф. Янковая, М. В. Бельдова, В. Д. Банасюкевич, М. Л. Гавлин, А. С. Красавин, В. С. Мингалев, В. И. Готов, Г. А. Грошев, А. П. Дмитриева, А. А. Попенко, А. Г. Бороздина. – М., 2014. – 82 с.

*В. Ю. Минаева
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель к. филол. н., доцент М. А. Винокурова*

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ПРЕДИКАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ РКИ: ПОЛИСИТУАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация

В статье рассматривается проблема обучения иностранных студентов предикативной лексике в аспекте полиситуативности. Представлен фрагмент занятия по русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: предикативная лексика, полиситуативный аспект, русский язык как иностранный (РКИ).

В соответствии с Государственным стандартом по русскому языку как иностранному (базовый уровень) при решении коммуникативных задач иностранец должен уметь вербально решать интенции в пределах лексического минимума, а также ориентироваться и реализовывать самые необходимые (базовые) коммуникативные намерения в следующих ситуациях общения:

- в административной службе (в деканате, в дирекции, в офисе и т.д.);
- в магазине, киоске, кассе;
- на почте;
- в банке, в пункте обмена валюты;
- в ресторане, буфете, кафе, столовой;
- в библиотеке;
- на занятиях;
- на улицах города, в транспорте;
- на экскурсии;
- в поликлинике, у врача, в аптеке;
- в ситуации общения по телефону [8, с. 7].

Основной состав активного словаря лексики русского языка данного уровня владения обслуживает сферу повседневного общения и социально-культурной сферы [8, с. 17].

Важная цель современной лингводидактики и методики преподавания русского языка как иностранного (далее РКИ) – обратить внимание

специалистов русского языка как иностранного на важность тех психолого-педагогических и лингвистических подходов, которые в современных условиях выходят на первый план в осмыслении процесса обучения языку с целью повышения его эффективности [7, с. 13].

Проблема эффективного обучения иностранных студентов лексике русского языка в теории и практике образования является актуальной. Согласно утверждению Л.А. Дунаевой и М.Р.-С. Крусате, «проблемы обучения лексике в рамках практического курса РКИ до настоящего времени не получили всестороннего освещения в научных трудах, и лексический аспект по сравнению с другими в значительно меньшей степени обеспечен учебной литературой» [4, с. 22]. Это связано, в первую очередь, с тем, что пополнение словарного запаса обучающихся зависит от уровня овладения грамматической системой языка: происходит заучивание новых слов и усвоение имеющихся между ними фонетических, грамматических, смысловых и ассоциативных связей [5, с. 119].

Проблема ситуативного обучения иностранных студентов лексике русского языка в теории и практике образования является одной из важных. По мнению Г.А. Битехтиной, А.С. Ивановой, Л.П. Клобуковой, М.М. Нахибиной, Н.И. Соболевой, «понятие ситуации по праву является одним из базовых в современной теории преподавания иностранных языков и русского языка как иностранного, в частности» [1, с. 35].

Исследователи пишут, что внимание современных методистов и преподавателей направлено на изучение ситуаций, так как диалогическая речь в большей степени, чем монологическая (тематическая), является ситуативнообусловленной. Следовательно, преподавателю РКИ необходимо выбрать такой метод, в рамках которого обучение иностранных студентов лексике русского языка будет ситуативным [2].

В методике преподавания языков, по мнению А.Н. Щукина, понятие «метод» рассматривается как направление в обучении, реализующее цели, задачи и содержание обучения языку и определяющее пути и способы их достижения [10, с. 180].

Вслед за исследователями коммуникативной лингвистики, психологической теории деятельности, концепции развития индивидуальности в диалоге культур, мы выделяем коммуникативный метод, в рамках которого обучение РКИ имеет ситуативную направленность.

Данный метод был предложен Е.И. Пассовым. Особенность этого метода определяется в приближении процесса обучения языку к процессу реальной межкультурной коммуникации, где и происходит овладение иноязычной культурой [10, с. 196-197]. Одним из ведущих принципов коммуникативного метода выделяется принцип ситуативности.

Мы предполагаем, что при обучении предикативной лексики на занятиях РКИ этот важный компонент коммуникативного метода, ситуативность, становится полиситуативным из-за смены ситуаций.

Н.Б. Лебедева рассматривает полиситуативность, как семантико-функциональную, когнитивно-коммуникативную категорию, которая обладает специфическим планом содержания и имеет разные способы выражения. Субъект коммуникации переходя из одной ситуации в другую определяет границы смежных ситуаций в соответствии со своей поведенческой задачей. Причиной смены ситуаций является изменение активной целенаправленности субъекта, для постороннего же наблюдателя смена ситуаций может остаться незамеченной, т.к. в наблюдаемой действительности явных изменений может и не произойти. Полиситуативность проявляется в текстовых, синтаксических и лексических – в основном глагольных – структурах, а также путём комбинирования этих средств [6, с. 27-31].

М.Я. Дымарский пишет о том, что в онтологическом аспекте предикативность тесно связана с понятиями предикации и предикативного отношения, в грамматическом аспекте - со структурным ядром предложения, в функциональном аспекте - с коммуникативностью как ведущим свойством высказывания. О предикативности же имеет смысл говорить в том случае, когда по меньшей мере один компонент высказывания поддается идентификации в качестве участника предикативного отношения [3].

Актуальность нашего исследования обуславливается наличием следующего противоречия между требованиями, предъявляемыми Государственным стандартом по русскому языку как иностранному (базовый уровень владения), в необходимости формирования у иностранных студентов умения вербально решать интенции в пределах лексического минимума; ориентироваться и реализовывать самые необходимые (базовые) коммуникативные намерения в ситуациях общения и недостаточной разработанностью методических условий в преподавании лексики на занятиях РКИ.

Проблема исследования заключается в поиске методических условий для эффективности обучения иностранных студентов лексике русского языка.

Гипотеза нашего исследования заключается в предположении о том, что обучение иностранных студентов лексике русского языка будет эффективным, если в качестве дидактического материала использовать предикативную лексику русского языка; проводить обучение в аспекте полиситуативности, соблюдая этапы коммуникативного метода обучения РКИ.

Цель исследования: разработать комплекс заданий и упражнений, направленных на эффективное обучение иностранных студентов предикативной лексике русского языка.

Задачи исследования:

- провести отбор дидактического материала, в котором представить предикативную лексику в аспекте полиситуативности;
- эмпирически установить уровень владения лексикой русского языка у иностранных студентов;

- провести работу по обучению предикативной лексики иностранных студентов на занятиях РКИ в аспекте полиситуативности;
- определить эффективность работы по обучению предикативной лексики иностранных студентов на занятиях РКИ (полиситуативный аспект).

Предмет исследования: методические условия обучения иностранных студентов лексике русского языка (полиситуативный аспект).

Объект исследования: процесс обучения иностранных студентов предикативной лексике русского языка (полиситуативный аспект).

Для достижения цели исследования и решения задач были использованы следующие методы:

1) теоретические: анализ научно-методической литературы, педагогического опыта по изучаемой проблеме; обобщение результатов исследований;

2) эмпирические: математическая обработка результатов проведения диагностических работ, опытно-экспериментальное исследование, анализ продуктов деятельности обучающихся.

Экспериментальное исследование проводилось на занятиях русского языка как иностранного в группе студентов АлтГПУ, обучающихся по обмену из Франции и Германии, в период с ноября 2016 г. по апрель 2017 г.

Обучение учащихся в рамках коммуникативного метода представляет собой модель естественного процесса общения на русском языке. Участие иностранных студентов в решении коммуникативных задач обучения и проигрывание приближенных к реальности ситуаций общения способствуют оптимизации обучения иностранному языку.

Необходимость включения коммуникативных ситуаций в процесс обучения предикативной лексике русского языка для иностранных студентов является важным методическим условием в рамках коммуникативного метода, в котором наблюдается полиситуативная направленность изучения иностранных языков, моделирование межличностного иноязычного общения.

Так на одном из занятий для студентов базового уровня владения русским языком как иностранным в аспекте полиситуативности в рамках коммуникативного метода была изучена тема «Красота спасет мир». На этом уроке учащиеся познакомились с новой лексикой, представленной в учебном пособии С.И. Чернышова, А.В. Чернышовой «Поехали! Русский язык для взрослых, часть 2, том 2. Базовый курс». Предикативная лексика этого занятия обозначена курсивом полужирного начертания.

Наше занятие мы предложили начать с игры «Комплимент». По очереди каждый из студентов, обращаясь к соседу слева, с чувством радости от встречи произносит фразу: *«Здравствуй, (имя), ты сегодня такая(такой)…»* и заканчивает эту фразу, говоря комплимент». Начинает преподаватель: *«Здравствуй, Кельян, ты сегодня, такой красивый. У тебя такое весёлое настроение»*.

После игры обучающиеся ответили на вопрос: «Как вы думаете, о чем мы сегодня с вами будем говорить?» (о красоте, о внешности) и вышли на тему занятия «Красота спасёт мир».

На этапе аудирования студентам предлагалось прослушать ситуацию и вписать пропущенные слова в диалоге.

- Алло! Это Антон? Добрый день, это Свен. **Я вчера ... (прилетел)** из Швеции и **привез** вам подарок от Кнута. Он **просил** вам кое-что передать.

- Спасибо большое! **Мы можем** встретиться где-нибудь в центре. Когда и где вам удобно?

- На станции метро «Садовая» - наверху, у эскалатора. **Я могу ... (быть)** там в семь вечера.

- В семь на «Садовой»? **Отлично!** Извините, а как я вас узнаю?

- **Говорят**, я выгляжу, как типичный швед. Я ... (высокий) блондин, у **меня** прямые ... (светлые) волосы и голубые ... (глаза). **Я буду** в зелёной куртке и голубых джинсах, с большим пакетом.

- А я среднего роста, ... (полный), у **меня** русые ... (волосы) и серые глаза. **Ещё у меня** ... (борода) и усы.

- **Хорошо**, увидимся в семь [9, с. 48].

Затем иностранные студенты отвечали на вопросы: «Кому звонит Свен? Почему? От кого подарок? Когда и где они встречаются? Как выглядит Свен? Как выглядит Антон? Как вы думаете, что в пакете?» и читали диалог по ролям.

На этапе говорения, составления своих диалогов студентам было предложено разыграть следующую ситуацию: договориться о встрече, рассказать, как они выглядят (разрешалось придумать). Иностранцы получили листочки, на которых написано: откуда они, что нужно передать, где и когда они могут встретиться с человеком.

Откуда: Англия, Америка, Германия, Россия, Франция, Швеция.

Что передать: документы, книгу, цветы, деньги, фотоальбом, духи.

Где и когда могут встретиться: в 15:00 у зоопарка, в 2 часа в аэропорту, в 18:00 в театре, в 16:10 в Макдональдсе, в 11 вечера в ресторане, в полдень в кофейне.

Студенты с интересом строили свои диалоги, применяя новую лексику. Использование подобных заданий по моделированию ситуаций, приближенных к реальным, позволяет направить обучение иностранным языкам на его оптимизацию, а также способствует развитию мышления, воображения, самостоятельности и мотивации учения у обучающихся. Работа над такой коммуникативной ситуацией общения на занятии РКИ направлена на формирование у обучающихся речевых умений и навыков.

Изучая новую лексику, иностранцы учатся слушать иноязычную речь, произносить и писать новые слова, понимать их значение. Работа с диалогами позволяет развивать у обучающихся коммуникативные умения: выражать и доказывать свою точку зрения, с уважением относиться к мнению собеседника.

На одном из заключительных занятий студентам из Франции и Германии для проверки усвоения новой лексики были предложены следующие коммуникативные ситуации: 1. *«Вам нужно выбрать любого человека из нашей группы (аудитории). Не называя его имени, описать внешность и характер этого человека так, чтобы мы догадались, о ком вы говорите. 2. Опишите внешность и характер человека по фотографии: Катя Пименова, Жан Рено, Франсуа Олланд, Йоахим Гаук, Том Круз, Тиль Швайгер, Джордж Клуни, Софи Марсо, Одри Хепберн. 3. Разыграть ситуацию «Разговор по телефону» с новым знакомым, другом, одноклассником, стилистом, парикмахером, визажистом, мастером по ногтям. Назначить встечу, рассказать о себе.*

Студенты успешно справились с предложенными заданиями. Выполнение этой работы помогло проверить, как иностранцы запомнили изученную предикативную лексику, научились использовать её в новых коммуникативных ситуациях.

Список литературы

1. Битехтина, Г.А. Ситуация как объект лингводидактического описания элементарного уровня общего владения русским языком как иностранным / Г.А. Битехтина, А.С. Иванова, Л.П. Клобукова, М.М. Нахабина, Н.И. Соболева // Вестник центра международного образования московского государственного университета. Методика. – 2009. – №1. – С. 35-39.

2. Винокурова, М.А. Обучение лексике в методике преподавания РКИ: коммуникативный аспект (на материале темы «Город») / М.А. Винокурова, В.Ю. Минаева // Педагогическое образование на Алтае. - 2016. - №2.-С.53-58

3. Дымарский, М. Я. Предикация и предикативность [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics1/dymarsky-13.htm> (дата обращения: 28.03. 2017)

4. Крусате М. Р.-С. Стандартный лексический минимум в электронном практикуме по лексике русского языка / М. Р.-С. Крусате, Л.А. Дунаева //Русский язык за рубежом. – 2010. – № 6. – С. 22–28.

5. Крючкова, Л.С. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: учебное пособие / Л.С. Крючкова, Н.В. Мощинская. – 2-изд.– М.: Флинта: Наука, 2011. – 480 с.

6. Лебедева, Н. Б. Полиситуативный анализ глагольной семантики / Н.Б. Лебедева. – М.: Книжный дом «Либроком». – 2010. – 192 с.

7. Лебединский, С.И. Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие / С.И. Лебединский, Л.Ф. Гербик. – Мн., 2011. – 309 с.

8. Нахабина, М.М. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень / Нахабина М.М. и др. – М. – СПб.: Златоуст, 2001. – 32 с.

9. Чернышов, С.И. Поехали! Русский язык для взрослых : учебник. Ч. 2, т.2. Базовый курс / С. И. Чернышов, А. В. Чернышова. — 2-е изд. — СПб. : Златоуст, 2010. — 200 с.

10. Щукин, А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие для вузов / А.Н. Щукин. – М.: Высш. шк., 2003. – 334 с.

*К.В. Миролубова
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель к.фил.н., доцент М.А. Винокурова*

АНЕКДОТ НА УРОКАХ РУССКОГО КАК ИНОСТРАННОГО

Аннотация

В данной статье доказывается, что иностранные студенты, владеющие русским языком на базовом уровне, способны адекватно понимать и реконструировать жанр анекдота на лексическом уровне.

Ключевые слова: анекдот, факторы, способствующие становлению понимания, реконструкция анекдота.

Шутливое замечание часто помогает разрядить обстановку, возникшую в ходе спора, не только в быту, но и в официальной обстановке. Причем шутят как русские люди, так и люди других национальностей. Часто можно заметить, что иностранцы могут смеяться над русскими шутками, однако, как правило, только в компании, когда все смеются. Возникает закономерный вопрос: понимают ли иностранцы русское чувство юмора, в частности, являются ли понятными для них русские анекдоты? Таким образом, в данной работе мы ставим проблему понимания иностранцами русского анекдота.

Актуальность настоящего исследования определяется поиском способов оптимизации процесса обучения РКИ, а также необходимостью создания научно обоснованной и методически доказанной системы работы с юмористическими текстами в иностранной аудитории.

Цель состоит в разработке эффективной методики работы с русскими юмористическими текстами в иностранной аудитории. Достижение данной цели предусматривает решение основной задачи: выявление факторов, влияющих на понимание юмористических текстов иностранными учащимися.

По мнению исследователей, юмористический текст обладает большим эмоциональным зарядом, активизирует внимание учеников, снимает

утомляемость, стимулирует речевую деятельность. порождает у учащихся живой интерес, естественное желание активно участвовать в обсуждении поставленной проблемы. Сочетание доброжелательности и уважительности в процессе работы с юмористическим текстом является необходимым условием для организации успешного обучения РКИ. В подтверждение этого тезиса приведем мнение педагога Р. М. Грановской [1, с. 46], которая для повышения эффективности обучения языку рекомендует во время уроков использовать не менее чем по одному наглядному примеру или анекдоту каждые 15 минут, и точку зрения психолога И. М. Румянцевой [4, с. 37], отмечающей, что для выработки и закрепления большого числа условных связей, необходимых для производства речи, ее произнесение должно сопровождаться целым комплексом сенсорно-чувственно-двигательных ощущений, происходить на фоне радостных эмоций. Использование юмористической миниатюры в учебном процессе снимает эмоциональное напряжение, порождает радостные эмоции, а общий позитивный настрой позволяет учащимся приобретать навыки выхода из затруднительного положения, не теряться, проявлять творческие способности, находчивость и изобретательность. Юмор в таких ситуациях способствует приобретению гибкости мышления, готовности к внезапному повороту событий и преодолению неожиданных затруднений. Тем самым у учащихся формируется способность адекватно реагировать в нестандартных ситуациях, развивается воссоздающее воображение.

Юмористические тексты и изображения к ним могут успешно использоваться на занятиях по РКИ в качестве средства визуальной наглядности и активизации познавательного интереса иностранных учащихся. Трудности, связанные с отсутствием необходимых фоновых знаний у иностранных учащихся при восприятии юмористических текстов, могут быть успешно преодолены с помощью комментария преподавателя, подбора наглядных материалов

Итак, на наш взгляд, необходимыми факторами, способствующими становлению понимания анекдотов иностранными студентами должны стать следующие универсальные параметры, которые необходимо учитывать преподавателю, прежде чем давать юмористический текст группе иностранных студентов:

- 1) доступность текстов (подбор текстов в соответствии с уровнем владения лексическим пластом русского языка);
- 2) малый объем, так как исходные тексты должны быть емкими, небольшими по объему;
- 3) незамысловатый сюжет, как правило, бытового характера, а также другие коммуникативные ситуации, адекватные для данного уровня владения языком;
- 4) познавательная ценность материалов, а также соответствие

- юмористического текста тематике занятия;
- 5) наличие наглядных материалов (иллюстрации к анекдотическому сюжету);
 - 6) налаженный позитивный настрой аудитории;
 - 7) «актерское мастерство» преподавателя (т.е. готовность представить анекдот «в лицах», по ролям, произнесение реплик с разной интонацией, сопровождение мимикой, жестами и т.п.).

Так в группе студентов из Туркменистана было предложено задание, связанное с реконструированием анекдота, т.е. обучающимся была представлена начальная часть анекдота, а финал должны были составить сами, не нарушив признаков жанра. На занятии была пройдена тема: «Продукты питания. Еда». В связи с этим тематика анекдота была предсказуема. Ребята приняли активное участие в данной работе и предложили несколько вариантов продолжения следующего анекдота:

Маленькая девочка пришла к соседке и говорит:

- Бабушка сильно заболела и хочет клубничного варенья.

Соседка: - А ты взяла с собой стакан или блюдце? Во что тебе налить варенье?

Девочка: - ...

Задание: Придумайте продолжение анекдота. Что девочка могла ответить соседке?

Студенты с большим интересом выполнили задание. Представляя свой вариант ответа, каждый студент хотел как можно скорее убедиться, что именно его вариант был правильным, однако все ответы были приняты, а правильный ответ, т.е. реплика девочки, представленная в исходном тексте (- *Да ничего не нужно, я здесь съем!*»), была названа преподавателем позже, после того, как были озвучены все варианты, имеющиеся у студентов. Безусловно, варианты ответов часто содержат грамматические неточности. Однако ребята не нарушили принципов построения анекдота, сохранив в нем парадокс.

Представленные ответы:

- 1. Да! Я взяла с собой блюдце! Налейте скорей варенье для мой бабушки. И про меня не забудьте!!!*
- 2. Нет. Я забыла. Дайте баночку болюую, бабушка очень хочет варенье!*

Таким образом, анализ предложенных иностранными студентами анекдотических реплик позволяет говорить о том, что имеющийся на данный момент у ребят уровень владения языком позволяет выполнять задания

подобного плана, однако следует учитывать некоторые условия: исходный текст должен иметь небольшой объем, незамысловатый сюжет бытового плана, а также приветствуется наличие диалогических реплик.

Итак, юмористические тексты могут успешно использоваться на занятиях по РКИ в качестве средства активизации познавательного интереса иностранных учащихся, а также средства усиления мотивации к изучению русского языка. Анекдотические тексты не нуждаются в разработке дополнительной системы контроля правильности понимания, так как основным показателем адекватности восприятия является реакция читателя (улыбка, смех, недоумение и т. д.).

Иностранные студенты, владеющие базовым уровнем языка способны понимать русский юмор, при должном учете факторов, влияющих на становление понимания со стороны преподавателя РКИ. Основными методическими принципами работы с юмористическими текстами в иностранной аудитории, на наш взгляд, становятся принципы наглядности (наличие визуальных материалов), коммуникативности (жанр анекдота способен спровоцировать появление комментариев, посредством которых иностранцы выражают собственные мысли по поводу анекдота), ситуативности (анекдот целесообразно предлагать в соответствии с тематикой проводимого занятия).

Список литературы

1. Грановская Р. М. Элементы практической психологии. Л.: ЛГУ, 1988. С. 46.
2. Левина Г.М. Русская грамматика в анекдотах. Для начинающих. Златоуст, 1997.
3. Лисейчева Е.В. Юмор как способ оптимизации процесса обучения РКИ // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: Матер. IX Студенческой научно-практической конференции, 2012. С. 69-71.
4. Румянцева И. М. Психология речи и лингвопедагогическая психология. М.: ПЕРСЭ: Логос, 2004. С. 36-39.
5. Служевская Т. Л. Развитие чувства юмора на уроках русского языка // Русский язык в школе. 1988. № 3. С. 40.

Т.В. Москаленко
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель к.фил.н., доцент Е.А. Косых

АДАПТАЦИЯ ТЕКСТОВ КЛАССИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЛЯ УРОКОВ РКИ

Аннотация

Статья посвящена проблеме внедрения классических произведений в образовательный процесс для повышения эффективности обучения русскому языку как иностранному. Автор статьи раскрывает основные точки зрения по использованию текстов классической литературы как средства обучения на уроках русского как иностранного.

Ключевые слова: адаптация, текст, классическое произведение, адаптированный текст, аутентичный текст.

В настоящее время признано, что текст – это наиболее эффективная единица при обучении русскому языку как иностранному. На основе текста формируются, развиваются и совершенствуются речевые и языковые умения и навыки.

Текст – это и средство, и единица обучения. Его использование позволяет решать на уроке комплекс методических задач: отрабатывать орфографические, пунктуационные, грамматические модели; вести лексическую и словообразовательную работу; анализировать структуру и содержание текста, а затем воспроизводить некоторые его фрагменты.

Кроме того, **текст** – это основной источник разнообразной лингвистической и эстетической информации.

Но у преподавателей РКИ возникает проблема, связанная с нехваткой учебных текстов. Отметим, что за последнее время появилось множество учебных пособий и адаптированных книг для иностранцев. Не смотря на все многообразие все-таки преподавателю необходим именно тот текст, который соответствовал бы теме урока, содержал в себе необходимый грамматический и лингвострановедческий материал. К тому же, текст должен быть интересным для тех, кто изучает русский как иностранный с точки зрения сюжета.

Как отмечает К.А. Деменева, обычно «отбираются юмористические новеллы, повествующие о курьезном случае, недопонимании, возникнувшем из-за разницы в речевой стратегии участников диалога. Но «русская литература никогда не ставила своей целью развлечение читателя, она стремилась оторваться от легковесности житейских неурядиц, сразу подойти к решению экзистенциальных вопросов» [3, с.41]. Таким образом, получается, что если мы

хотим познакомить иностранца с русским классическим текстом, то нам нужно отказаться от сюжетного интереса.

В словаре Белокуровой С.П. находим: «**Классическая литература** – это корпус произведений, считающихся образцовыми для той или иной эпохи. Современный смысл понятия «классическая литература» уходит корнями в Эпоху Возрождения, когда в процессе секуляризации европейской культуры писатели обратили своё внимание на античных авторов. Результатом этого явилась эпоха классицизма в литературе, во время которой писатели подражали греческим драматургам, прежде всего Эсхилу, Софоклу и Эврипиду. С тех пор в узком смысле слова «классическая литература» означает всю античную литературу. В широком смысле слова понятие «классический» стало употребляться по отношению к любому произведению, которое задавало канон для своего жанра» [2, с.154].

Возникают вопросы: а нужно ли тогда знакомить иностранцев с классическими текстами русской литературы? Эти знания им пригодятся? Если нужно, то тогда как изучать классические тексты и что такое адаптация текста.

Обратимся к словарю. «**Адаптация текста** - приспособление, облегчение или усложнение текста в соответствии с уровнем языковой компетенции учащихся. При оценке сложности текста принимается во внимание количество незнакомых лексических единиц, неизученных синтаксических структур и их роль в передаче смысловой информации. Выделяются **сильная А. т.** – общее качественное изменение речевой структуры текста, **средняя А. т.** – внесение существенных изменений за счет мелких сокращений и синонимических замен трудных мест, **слабая А. т.** – сокращение крупных блоков текста с сохранением содержательного ядра или с выделением определенных содержательных линий **и условная А. т.** – вынесение трудных мест с сохранением содержательной последовательности основной части текста» [1, с.10].

В этом же словаре находим: «**Адаптированный текст** - упрощенный, облегченный или усложненный текст в соответствии с уровнем языковой компетенции учащихся» [1, с.10].

Как отмечает Курдина И.В. «Адаптированная литература — это литература, — зачастую художественные произведения известных писателей, — адаптированная для читателя таким образом, чтобы в ней использовались лишь те грамматически конструкции и слова, которые будут понятны конкретной группе читателей» [4, с.28].

По целевой группе читателей, для которых адаптируются конкретные литературные произведения, различают:

1) Адаптированную литературу для изучающих иностранный язык, для того чтобы последним было проще освоить основы лексики и простые грамматические конструкции, — такая литература просто использует более современные и наиболее часто употребляемые слова и грамматические конструкции, ввиду того что начинающим читателям будет проблематично изучать классику русской литературы в оригинале.

2) **Произведения фольклорного жанра** и исторические хроники, язык повествования которых значительно отличается от современной литературной нормы, что, в свою очередь, может несколько затруднить восприятие произведения детьми (например, древнерусские летописи);

3) **Религиозные книги и догматы**, опубликованные, в том числе, и в адаптированном виде: в комиксах, книгах с картинками и т. п.;

4) **Литературу, адаптированную под уровень общего умственного развития читателей**, зачастую, значительно сокращённую в объёме (например, «Война и мир» Л. Н. Толстого, напечатанная в буклете на семи страницах);

В настоящее время, понятия «**адаптированная литература**», «**адаптированный текст**», почти во всех случаях несут на себе негативную окраску, некоторый оттенок пренебрежения к этим «упрощённым» и «облегчённым» вариантам. С другой стороны, во многом, благодаря таким книгам, учащийся имеет возможность впервые познакомиться с произведениями мировой классической литературы, замечает Курдина И.В. [4, с.28].

В методике преподавания русского как иностранного возникают споры, касающиеся изучения классической литературы на уроках русского языка. **Существуют две точки зрения:**

- 1) использовать классическую адаптированную литературу,
- 2) не нужно ее использовать.

Так, например, **Н.В. Кулибина** отмечает, что адаптированные тексты, в основной своей массе являются учебными. «**Адаптация** (а точнее, упрощение) производится, исходя из приспособления оригинальных (авторских) текстов к решению тех же учебных задач обучения языковой системе, видам речевой деятельности и соизучения культуры в процессе изучения языка» [5, с.6]. Кулибина Н.В. не настаивает на том, что нужно отказаться от учебных (в том числе и адаптированных) текстов, нет, они необходимы (на начальном этапе обучения особенно).

Однако современная методика преподавания русского языка отстаивает **основную цель практического языкового курса**, а именно, обучение речевому общению. Другими словами, повышается значимость востребованности использования всех получаемых учащимися знаний о языке и культуре, навыков и умений в речевом общении.

Как уже было сказано выше, методика обучения РКИ, отстаивает своей **главной целью обучение речевому общению**, а точнее обучению порождению и пониманию текстов, впервые определяет статус текста как основной единицы обучения.

По мнению Н.В. Кулибиной «в этой роли может выступать **только аутентичный текст, то есть созданный носителем языка для носителей языка в условиях естественного речевого общения**» [5, с.6].

Что такое аутентичный текст? В словаре Азимова находим: «**Аутентичный текст** - устный и письменный текст, являющийся реальным

продуктом речевой деятельности носителей языка и **не адаптированный** для нужд учащихся с учетом их уровня владения языком». [1, с.25]

Почему же именно аутентичный текст может послужить реализации основной цели обучения РКИ – обучению речевому общению?

Это возможно благодаря тому, что аутентичный текст является «единицей коммуникации» (Г.В. Колшанский) и «средством общения» (Г.А. Антипов). А.А. Леонтьев называл текст «свёрнутым коммуникативным актом».

Аутентичных текстов множество: устные (зафиксированные с помощью технических средств) и письменные; монологические и диалогические; публицистические, научные, деловые и художественные. И далеко не все они годятся для использования в языковом учебном процессе (по разным причинам). Здесь требуются определённые и весьма жёсткие правила отбора.

Вернемся к вопросу: знакомить или не знакомить с классической литературой?

На этот вопрос Н.В. Кулибина отвечает так: «Преподаватели РКИ нередко слышат просьбы от обучающихся познакомиться их с произведениями русских писателей и поэтов как классиков, так и современных. Как правило, учащийся-инофон, овладевший основами русской грамматики и накопивший определённый запас слов, с нетерпением ждёт, когда же, наконец, он сможет реализовать всё это на практике и прочитать не только текст из учебника или учебный текст по специальности, но и стихотворение, рассказ или журнальную статью, т.е. то, что читают современные русские люди.

Эта потребность аудитории полностью совпадает с требованием современной методики преподавания иностранных языков – использовать в учебном процессе по преимуществу **аутентичные материалы**» [5, с.7].

Другой точки зрения придерживается К.А. Деменева, считает, что русская культура для иностранца во многом начинается с литературы. «Однако, встречу с оригинальным классическим текстом приходится откладывать, поскольку он слишком труден, чтобы стать материалом для изучения на уроке. Язык претерпел изменения за прошедшие двести лет». Но в то же время, К.А. Деменева считает необходимым все-таки использовать **адаптированные (упрощенные) тексты** русской литературы на уроках русского как иностранного [3, с.41].

Заметим, что термины классическая литература и русская художественная литература понимаются нами и используются как синонимы.

Мы считаем, что необходимо знакомить с текстами русской классики, допуская то, что не всем участникам образовательного процесса эти знания пригодятся на практике, но мы говорим об использовании адаптированных классических текстов, потому что использование данных текстов на занятиях по русскому языку как иностранному позволит сделать учебный процесс более привлекательным для учащегося.

По нашему мнению отобранные для реализации учебных целей художественные тексты должны, прежде всего, удовлетворять **двум основным принципам:**

1) **лингводидактическому**, основанному на постепенном усложнении языкового материала (грамматического и лексического) в соответствии с уровнями владения языком и государственными стандартами преподавания РКИ;

2) **лингвокультурологическому**, утверждающему ценность художественного текста как страноведческого материала, хранителя русской истории и культуры.

Таким образом, мы считаем, что использовать тексты классических произведений на уроках РКИ необходимо, потому что в данных текстах отражается культура, обычаи русского народа. Чтение и работа с такими текстами способствует выработке необходимых коммуникативных навыков.

Список литературы:

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.

2. Белокурова, С.П. Словарь литературоведческих терминов – СПб.: Паритет, 2005 г. – 320 с.

3. Деменева К. А. Адаптация классических произведений при подготовке урока по русскому языку как иностранному // Вестник ЦМО МГУ. – 2014. – № 4. – С. 41-46.

4. Курдина И. В. Адаптированные издания художественной литературы как объект книговедения (История развития, типологические особенности, современные проблемы) // Всесоюзная книжная палата The Book: Researches and Materials. — М.: Изд-во «Книга», 1986. — Т. 53. — С. 28.

5. Тексты лекций и образцы уроков (для преподавателей русского языка как иностранного). Выпуск 1 / Сост. Н.В. Кулибина. – М., 2012. – 372 с.

Е.А. Марченко
Донецкая народная республика, г. Донецк
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Научный руководитель: Басыров Ш.Р., д.филол.н., профессор кафедры
германской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

ГЛАГОЛЫ С РЕФЛЕКСИВНЫМ КОМПЛЕКСОМ С СЕМАНТИКОЙ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО РЕЗУЛЬТАТА (НА МАТЕРИАЛЕ ЖАРГОННОЙ И АРГОТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация

В статье рассматривается семантика отглагольных глаголов с рефлексивным комплексом (ГРК) в русском языке. Анализируются жаргонные и арготические ГРК с семантикой отрицательного результата.

Ключевые слова: глагол с рефлексивным комплексом, семантическая группа, формула толкования, жаргон, арго.

Рефлексивные глаголы, включая и глаголы с рефлексивным комплексом (ГРК), исследовались в работах Ш. Р. Басырова, Э. Ш. Генюшене, Ю. П. Князева, В. П. Недалкова и др., однако в лингвистике отсутствуют специальные исследования ГРК на материале нестандартной лексики русского языка (сленга, арго, жаргона). Поэтому, изучение данных единиц на сегодняшний день является достаточно актуальным.

Цель статьи – проанализировать отглагольные жаргонные и арготические ГРК с семантикой отрицательного результата в русском языке.

Материалом исследования послужили 58 отглагольных ГРК с семантикой отрицательного результата действия, отобранные из словарей русского арго и жаргона.

Глаголами с рефлексивным комплексом в данной работе называются единицы, образованные при помощи сложного словообразовательного форманта (рефлексивного комплекса), в состав которого входит аффикс (префикс и / или суффикс) и рефлексивный элемент (постфикс *-ся*). Все составляющие рефлексивного комплекса присоединятся к глагольной мотивирующей основе на одном деривационном шаге [1, с. 17], например: *скосорезиться* ‘оплошать, совершить глупость, «срезаться»’ (← *косорезить* ‘промазывать, промахиваться; делать глупость’); *ухрюкиваться* / *ухрючиваться* ‘напиваться пьяным, перепивать’ (← *хрюкать*).

Среди многообразия семантических групп отглагольных жаргонных и арготических ГРК русского языка выделяются производные со значением доведения действия до отрицательного результата. ГРК данной семантики разделяются на 3 группы:

1. ГРК с формулой толкования (ФТ) “Субъект (S) слишком долго и/или много делает то, что обозначено мотивирующим глаголом (Vm), до отрицательного результата” (39 ед.).

В данную смысловую группу входят ГРК, описывающие обычно чрезмерно интенсивные и / или длительные действия субъекта и приводящие нередко исполнителя действия к нежелательным последствиям [1, с. 222], например: *добазариться/добазариваться* ‘споря и конфликтуя, доводить дело до нежелательного результата; навлекать неприятности излишними разговорами’ (*Ну вот, добазарились, теперь весь город знает* (← *базарить* ‘говорить, беседовать, обсуждать’); *доблякаться* (*Он доблякается, его с работы выгонят*) (← *блякать/блякнуть* ‘говорить, вставлять свою реплику (обычно не попадая, глупо)’); *доборзеться* ‘быть побитым, наказанным за излишне агрессивное поведение’ (*Доборзеешься, в лоб получишь*, т.е. ‘не веди себя нагло, накажу, изобью’) (← *борзеть* ‘вести себя вызывающе, нагло; искать повода к ссоре’). Чаще всего, значение доведения действия до отрицательного результата выражено рефлексивным комплексом (до- + -ся) в структуре производного ГРК.

Исходные глаголы часто метафорически обозначают речевую деятельность субъекта, поведение человека, его трудовую деятельность, занятость субъекта чем-либо, физиологические действия и эмоциональное состояние человека, его движение, а их производные ГРК – отрицательный результат данных действий, например: *запахаться/запахиваться* ‘слишком много работать; уставать от работы’ (← *пахать* ‘работать, трудиться, вкалывать’); *заиграться* карт., угол. ‘проиграться в карты, не имея денег’ (← *играть*); *обкуриться* нарк. ‘выкурить большую дозу наркотика’ (*Ребята обкурились*) (← *курить*); *затрахаться* ‘устать от чего-л.; слишком долго и обычно безрезультатно заниматься чем-л.’ (← *трахать* (кого-л.) ‘вступать с кем-л. в половую связь; совершать половой акт’); *ухряться* ‘устать от ходьбы’ (← *хрять куда-л., откуда-л.* ‘идти’).

Значение чрезмерности действия, сопряженное с негативным результатом, привносят в структуру отглагольных ГРК префиксы *до-, у-, о-/об-, за-, и-, на-, рас-/раз-*, например: *наишачиться* ‘наработаться, перетрудиться’ (← *ишачить* ‘много, тяжело работать (обычно без пользы или выгоды для себя)’); *расфилиздипениться / расфилиздипениваться* ‘много болтать, завираться’ (← *филиздипенить* ‘болтать, фантазировать, лгать’). См. также примеры выше.

В рассматриваемую семантическую группу вошли также следующие ГРК: *догавкаться* ‘договориться до отрицательных последствий’ (← *гавкать*) ‘говорить (обычно громко), кричать, повышать голос на кого-л.’); *изгваздаться* ‘испачкаться, истрепаться; стать грязным, оборванным’ (← *гваздать* диал. ‘пачкать, грязнить, гадить’); *обдалбываться/обдолбаться* ‘обкуриваться, слишком много курить (чаще о наркотиках)’ (*Дурью (анашей) обдолбался - и спит*) (← *долбать*); *обкладываться/обложиться* ‘испражняться в штаны; позориться; пугаться’ (← *класть / наложить в штаны*); *обсмаливаться/обсмолиться* ‘обкуриваться, докуриваться до одури; дышать

дымом, гарью, пропахивать ими; коптиться' (← *смолить* 'курить'). *протрескаться* 'употребить слишком много наркотиков, допустить передозировку наркотиков' (*Герасимом (героином) протрескался* – и остопырился (умер) (← *трескать* 'вводить наркотик внутривенно'); *расплёвываться/расплеваться* 'быть крайне недовольным чем-л.; ссориться, переставать дружить с кем-л.' (← *плевать*).

2. ГРК с ФТ “S попадаетея с поличным” (12 ед.)

В эту смысловую группу входят ГРК с общим лексическим значением 'попадаться на чем-либо, быть арестованным/пойманным с поличным'. Негативный результат для субъекта действия ассоциируется с идеей неожиданности, внезапности, порчи чего-л. Анализируемые ГРК носят ярко выраженный экспрессивный характер, содержат в своей структуре часто приставку *в-*, указывающую на попадание субъекта в определенное место, например: *влопаться* угол. 'попасться на чем-л., попасться на незначительном преступлении, когда есть надежда на скорое освобождение' (← *лопать / лопнуть*); *вляпаться* угол., жар. 'попасться с поличным; попасть в неприятную ситуацию'. *Вляпаться с дрянью* (← *ляпать*).

В некоторых случаях анализируемые ГРК образуются при участии префиксов *за-*, *об-* и сочетаются с предложной группой, обозначающей определенный компромат (предмет, вещество) на исполнителя данного глагольного действия: *зашухариться / зашухериться / зашухероваться* 'угол. попасться с поличным' (*Хорошо ещё, что не зашухеровался со своим бабьём*) (← *шухерить / шухерить / шухернуть / шухарить / шухарнуть* 'гнать, прогонять, пугать; расправляться'); *облопаться* 'попасться на чем-л., потерпеть фиаско' (← *лопнуть*); *засыпаться* угол. 'попасться, быть арестованным, пойманным с поличным' (*Едва не засыпался всеобщий любимец и новичок на дне Петя*) (← *сыпать*); *забуриться* угол. 'быть задержанным, попасться с поличным' (← *бурить*).

В эту группу относятся также два ГРК, мотивированные фразеологизмами: *замухероваться* угол. 'попасться, быть арестованным' (← *попасться на мушку*); *заудиться* угол. 'попасться, быть задержанным милицией' (← *попасться на удочку*).

3. ГРК с ФТ “S ударяется (во что-либо)” (7 ед.)

ГРК с данной семантикой описывают ситуацию случайного нанесения субъектом себе телесного повреждения во время движения, иногда с использованием определенного транспорта. Зачастую такие ГРК содержат префикс *в-*, маркирующий направленное действие во что-либо: *впахаться* (во что чем и без доп.) 'ударяться, врезаться, вонзаться' (← *пахать* 'работать, трудиться, вкалывать'); *впаяться* (во что чем и без доп.) 'удариться, столкнуться (например, *впаяться носом в дверь*)' (← *паять*); *впиликатся / впилиться* 'удариться, столкнуться, врезаться (обычно на машине)' (*Ты осторожнее с джигитовкой-то, асфальт скользкий, впиликаемся*) (← *пиликать* 'идти, шагать, двигаться, направляться куда-л.');

втюкнуться / втюркнуться / втюхаться / втюхнуть ‘ударяться, ушибаться’ (← разг. *тюкать/тюкнуть*). К рассматриваемым ГРК примыкает также глагол *впиндюриться* ‘удариться, ушибиться, врезаться’ с неочевидной мотивирующей основой.

Русские отглагольные жаргонные и арготические ГРК со значением отрицательного результата разделяются на три группы: 1) “S слишком долго и/или много делает Vm, часто до отрицательного результата”, 2) “S попадает с поличным”, 3) “S ударяется (во что-либо)”. Негативным результатом данных ГРК выступают обычно арест, усталость, телесное повреждение, состояние опьянения, неудача. Рефлексивный комплекс в структуре этих единиц передает способ протекания действия, приводящий к отрицательному результату, интенсивность действия. Негативный результат действия, а также отрицательная коннотация многих ГРК являются типичными для рассмотренного социолекта, что связано со специфической сферой функционирования этих лексических единиц.

Список литературы

1. Басыров Ш.Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. / Ш.Р. Басыров. – Донецк: Изд-во «Ноулидж» (Донецкое отделение), 2014. – 562 с.
2. Большой словарь русского жаргона. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ojargone.ru/> (дата обращения: 18.03.17).
3. Генюшене Э.Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов. / Э.Ш. Генюшене. – Вильнюс, 1983. – 168 с.
4. Грачёв М.А. Происхождение и функционирование русского арго: автореф. дис. ...д-ра филол. наук / М.А. Грачёв. – СПб, 1995. – 35 с.
5. Елистратов В.С. Словарь русского арго. / В.С. Елистратов. – М., 2000. – 694с.
6. Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе / Ю.П. Князев – М.: Языки славянских культур, 2007. – 704 с.
7. Липатов А.Т. Русский сленг и его соотносённость с жаргоном и арго / А.Т. Липатов // Семантика и уровни её реализации. Краснодар: КГУ, 1994. - С. 71-79.
8. Недялков В.П., Князев Ю.П. Рефлексивные конструкции в славянских языках / В.П. Недялков, Ю.П. Князев // Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках. Сборник научных трудов. – Калинин, 1985. – С. 20 –39.
9. Саляев В.А. Русский сленг: сущность понятия, особенности эволюции и проблемы словарного описания / В.А. Саляев // Функционирование стандартных и субстандартных языковых единиц. Магнитогорск, 2001. - С. 53-89.
10. Черепанов М.В. Очерк словообразовательной типологии русского глагола / М.В. Черепанов. – Саратов: Изд-во Саратов. унта, 2004. - 350 с.

11. Черепанов М.В. Типология префиксальных и конфиксальных структур русского глагола: автореф. дис...д-ра филол. наук / М.В. Черепанов. – Л., 1974. – 30 с.
12. Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке. / Н.А. Янко-Триницкая. – М., 1962. – 247с.

А. Е. Зимина
Россия, Барнаул
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель к.ф.н., доцент Н. Г. Воронова

МЕТОДИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РАБОТЫ С БАЗОВЫМИ КОНЦЕПТАМИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аннотация

Для гармоничного сосуществования разных лингвокультур, как в плане межкультурной коммуникации, так и в плане межкультурного взаимодействия, существуют общие, так называемые интернациональные концепты, или их еще называют – базовыми. Через базовые слова-концепты передается коммуникативно-значимая информация, которую каждый из представителей того или иного языкового сообщества усваивает в процессе социализации. Работа с концептуальным значением требует особого внимания и подхода.

Ключевые слова: концепт, концептуальное значение, методическая модель работы с базовыми концептами, виды информации концептуального значения, обучение русскому языку.

Лингвокультурология как наука изучает механизмы взаимодействия культуры и языка. Культура и язык сосуществуют в гармонии друг с другом. Через язык можно выявить культуру, а через культуру – язык. Человек, изучающий новый для него язык, непосредственно изучает особенности культуры этого народа, осваивает особое культурное значение концептов. Концепт это объективная ментальная структурированная единица языкового сознания, которая формируется на основе реального знания о мире и отражает значимую национальную особенность языковой культуры конкретного народа.

Концепты, которые заключают в себе специфическую логику той или иной лингвокультуры, особенно интересны. Это своего рода ключи для понимания ценностной системы определенной картины мира определенного народа.

Для гармоничного сосуществования разных лингвокультур, как в плане межкультурной коммуникации, так и в плане межкультурного взаимодействия, существуют общие, так называемые интернациональные концепты, или их еще называют – базовыми. Через базовые слова-концепты передается коммуникативно-значимая информация, которую каждый из представителей

того или иного языкового сообщества усваивает в процессе социализации. В нашей работе представлены такие базовые концепты, как *любовь, патриотизм и искусство*.

Концептуальное значение в разных языковых культурах изучается по средствам сопоставления разных языковых систем и их детального анализа, в процессе такой работы и происходит выявление специфических особенностей языка, как на вербальном уровне, так и на невербальном. Даже базовые концепты могут иметь национальный характер, который влияет на понимание явлений и реалий при изучении чужой лингвокультуры. Поэтому при обучении иностранных студентов необходимо учитывать особенности их родного языка и культуры.

В процессе изучения языка лингвокультурологический материал усваивается инофонами порционно в зависимости от уровня владения языком. Работа с концептуальным значением требует особого внимания и подхода. При работе с концептуальным значением необходимо выделять три вида информации:

- содержательно-фактуальную, то есть общеизвестную информацию, в основе которой лежат фоновые знания о каких-либо фактах, событиях;
- содержательно-концептуальную, то есть информацию, в которой считывается субъективный или авторский взгляд или отношение к чему-либо происходящему в реальной действительности;
- содержательно-подтекстовую, это скрытую информацию, которая извлекается путем анализа фактуальной и концептуальной информации.

Систематическая работа с концептуальным значением состоит из:

I. Работа с термином. На элементарном уровне владения языком происходит сопоставление слов-имен на содержательно-фактуальном уровне восприятия информации.

1 ЭТАП: Постановка вопроса на восприятие, на основе которого можно актуализировать образно-ассоциативное мышление и наметить пути его развития. Такая работа может начинаться с базового уровня (актуализация фоновых знаний о концепте) и продолжаться на первом (начало погружения в лингвокультуру, углубление фоновых знаний о концепте, восприятие явной авторской позиции), втором и остальных уровнях (работа с конкретными и абстрактными значениями), то есть непосредственно переход на концептуальный уровень восприятия информации.

2 ЭТАП: Конструирование и использование в речи сочетаний с концептом разного строения. Такая работа с концептом может проводиться, начиная с базового уровня и продолжаться на последующих. Важно, чтобы концептуальная информация предлагалась инофонам в соответствии с их языковой компетенцией.

II. Упражнения на анализ слова-концепта (аналитическая текстовая деятельность). Возможна системная работа с концептом, включающая в себя три этапа.

1 этап.

Определение места концепта в иерархии ценностей.

2 этап.

Этап «присвоения» концепта путем совмещения сосуществующих двух представлений о концепте – религиозного и рационального.

3 этап.

Еще один поворот в разворачивании «культурной темы» концепта с помощью лингвистического эксперимента.

Такая работа с концептуальным значением начинается с первого сертификационного уровня и усложняется по мере овладения языком на последующих уровнях. Изучение происходит, начиная с явных концептуальных значений и их ассоциативных рядов и продолжая менее явными, которые ведут к пониманию национального менталитета, погружению в лингвокультуру народа.

III. Решение учебно-речевых текстовых задач (продуктивно-текстовая деятельность). Работа с текстом с использованием учебных заданий и учебно-речевых текстовых задач. Такую работу можно начинать уже с первого сертификационного уровня, так как на этом уровне у инофонов формируется компетенция восприятия и понимания основных идей и четких сообщений, сделанных на литературном языке на разные темы, также формируется компетентность работы с содержательно-подтекстовой информацией. На втором уровне владения формируется компетентность понимания общего содержания сложных текстов на абстрактные и конкретные темы, в том числе и узкоспециальных текстов. На третьем – понимание объемных сложных текстов различной тематики, формируется умение распознавать скрытое концептуальное значение. На четвертом уровне формируется компетенция восприятия концептуального значения с высокой степенью точности, распознавая и подчеркивая сложные оттенки значений.

IV. Включение концепта в структуру урока обучения описанию по картине.

Такой тип задания можно начинать вводить с базового уровня, так как, наравне с лингвокогнитивными знаниями формируются и страноведческие, и метапредметные.

Таким образом, согласно методической модели, работу с базовыми концептами при обучении русскому языку как иностранному можно начинать уже на элементарном уровне и продолжать развивать лингвокультурологическую компетентность на всех последующих уровнях овладения языком.

Список литературы

1. Антология концептов. / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: 2005. – 352 С.
2. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. – М.: 2010. – 284 с.
3. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: 1991. – 117 с.
4. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: 2006. – 264 с.
5. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: 2007. – 314 с.
6. Крайник О.М. Учебно-речевые текстовые задачи как средство формирования универсальных учебных действий // РЯШ. – 2014. - №5. – С. 3 – 8.
7. Степанов Ю.С. Концепты: словарь русской культуры: опыт исследования. – М.: 1997. – 824 с.

*Т. С. Смородина
Россия, г. Барнаул*

*Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель доктор фил. наук, профессор К. И. Бринев*

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ БАЗ ДАНЫХ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ЭКСТРЕМИЗМУ

Аннотация

Популяризация лингвистической экспертизы в сфере судебного производства вывела эту отрасль прикладной лингвистики на особый уровень, требующий не просто проведения качественного лингвистического анализа, а создания полноценных баз данных для возможности его осуществления. В связи с этим, в данной статье рассматриваются некоторые пути решения существующей проблемы, в частности вопросы формирования лексико-семантических баз данных для проведения экспертиз по экстремизму.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, семантическое поле, экстремизм, интегральная сема, номинация, национальность.

В последние годы в России приобретает всё большую популярность и значимость судебная лингвистическая экспертиза как отрасль современной прикладной лингвистики. В настоящее время без участия лингвистов-экспертов не обходится уголовное производство, касающееся дел об экстремизме, оскорблениях, унижении чести и достоинства и т.п. В связи с этим сама

лексическая база, которой оперирует лингвист во время проведения экспертизы по экстремизму, требует систематизации и лексикографического оформления.

На данный момент не существует никаких сколько-нибудь полных, оформленных и структурированных баз данных для проведения лингвистических экспертиз, в частности по делам об экстремизме. Словари не фиксируют тот лексический состав, который является определяющим фактором при доказательстве наличия в тексте экстремистской направленности.

В связи с этим наша задача состоит в восполнении пробелов в данной области путём отбора и систематизации специфических лексических компонентов с последующей целью создания специального словаря (а впоследствии электронной базы данных), содержащего оскорбительные, презрительные, неуважительные номинации различных национальностей, которые на данный момент не зафиксированы ни в одном лексикографическом издании.

Один из этапов нашей работы заключается в отборе лексической материала и последующем описании его в контексте семантических полей. Трудность состоит в том, что данные лексемы, будучи не зафиксированными в словарях, возможно обнаружить лишь в сфере бытования языка в разговорной речи, в существующем судопроизводстве по делам об экстремизме и в публикациях в интернет-пространстве (в большей степени в последнем). В связи с этим, нами была проделана работа по отбору языкового материала на всевозможных ресурсах, в частности сети Интернет.

Таким образом, на данный момент нами были выявлены порядка тридцати оскорбительных, презрительных, неуважительных номинации национальностей, например, такие как хачи, чурки, бандерлоги, даги, колорады и т.д.

Наша задача выделить семантические поля для подобных названий национальностей, которые могут быть употреблены в высказываниях, содержащих прямые или косвенные призывы к экстремизму. Необходимо понимать, что охватить все возможные вариации употребления таких форм не представляется возможным, однако наиболее частотные словоформы мы можем выделить, исходя из имеющихся ресурсов.

При выделении семантических полей за интегральную сему мы принимаем название национальности. Необходимость включать в семантическое поле наряду с оскорбительными номинациями традиционные названия национальностей обуславливается тем, что в тексте высказывания, содержащего призыв к разжиганию межнациональной розни, может быть употреблено общепринятое название национальности с предикатом с семантикой насилия, агрессии (примером такового может являться лозунг национал-большевика Кирилла Корнилова, выкрикиваемый на первомайской демонстрации 2003-го года в Чувашии: «Свернём чеченцам головы по методу Ермолова!»).

Необходимо также учитывать, что семантические поля не существуют абстрагировано, они взаимосвязаны: одно и то же слово может относиться к разным полям, а в нашем случае одна и та же номинация может иметь называть несколько национальностей.

Лексико-семантические группы, наполняющие каждое поле, мы выделяем на основании частеречной принадлежности, внутри каждой лексико-семантической группы могут выделяться дополнительные подгруппы, если лексический состав формируемого поля позволяет таковое.

Так, подавляющее большинство описанных нами семантических полей имеет следующее членение: 1. Имена существительные (в том числе субстантивированные) (+ все их грамматические формы), имеет следующие подгруппы: а) номинации в отношении взрослого в свою очередь делятся на названия лиц мужского пола, лиц женского пола, б) в отношении ребёнка, в) безотносительно к возрасту и полу. 2. Имена прилагательные, образованные на основе данных существительных (+ все их грамматические формы). Только несколько семантических полей содержат в своём составе глагольные формы.

Например, одно из выделенных нами семантических полей выглядит следующим образом:

Интегральная сема «представитель чеченской национальности»:

1. Имена существительные (в том числе субстантивированные) (+ все их грамматические формы):

а) в отношении взрослого:

название лиц мужского пола: чеченец, чечен, абрек, зверь, зверёк, зверёныш, хач, хачик, черножопый, черномазый, чёрный;

название лиц женского пола: чеченка, черножопая, черномазая, чёрная;

б) в отношении ребёнка: хачонок, зверёк, зверёныш;

в) безотносительно к возрасту и полу: нерусь, обезьяна.

2. Имена прилагательные (+ все их грамматические формы):

чеченский, хачовский, хачиковский, черножопый, черномазый, чёрный.

3. Глагольные формы в данном семантическом поле не выделяются.

По данному принципу, нами были выделены тринадцать семантических полей, организованных в соответствии с интегральной семой «представитель национальности»: 1.«представитель азербайджанской национальности»; 2.«представитель чеченской национальности»; 3. «представитель дагестанской национальности»; 4.«представитель армянской национальности»; 5.«представитель казахской национальности»; 6. «представитель узбекской национальности»; 7.«представитель таджикской национальности»; 8.«представитель киргизской национальности»; 9.«представитель китайской национальности»; 10.«представитель украинской национальности»; 11.«представитель русской национальности»; 12. «представитель американской национальности»; 13. «представитель еврейской национальности».

Некоторые из описанных полей имеют друг с другом тесную связь, являясь практически идентичными, лексемы, входящие в такие поля,

употребляются применительно к большому числу национальных групп, что связано в первую очередь с географической близостью проживания представителей определённых национальностей.

Так, например, для представителей Северного Кавказа и Закавказья (чеченцы, дагестанцы, азербайджанцы, армяне) частотными номинациями презрительного, оскорбительного характера будут являться хач, хачик, обезьяна; для представителей Средней Азии (казахи, узбеки, таджики, киргизы, частично можно отнести к этой группе китайцев) таковыми будут номинации косоглазый, узкоглазый, чурка, чурбан, чучмек.

Однако выделяются номинации, равно относимые к данным территориальным группам. Среди них: зверь, зверёк, зверёныш, черномазый, черножопый, чёрный. Последние выделяются, прежде всего, по фенотипическим признакам – тёмные волосы, смуглая кожа. Номинации зверь, зверёк, зверёныш также частично связаны с этими признаками, частично с оценкой интеллектуального уровня, здесь присутствует ассоциация с приматами и иными представителями животного мира. Номинация «нерусь» относится к представителям любой национальности вообще, но чаще употребляется именно в отношении вышеназванных национальных групп. Что характерно, данная номинация не применяется к народам Украины, Беларуси.

Особняком стоят семантические поля «представитель украинской национальности», «представитель русской национальности», «представитель американской национальности». Большинство выделенных наименований появилось и популяризовалось в последние несколько лет. Это связано, в первую очередь, с политическими событиями, повлекшими развитие неприязненных отношений между российским и украинским этносом, российским и американским этносом. В связи с этим, данные номинации могут и должны рассматриваться в контексте призывов к осуществлению экстремистской деятельности, к возбуждению ненависти либо вражды и унижению человеческого достоинства.

Последнее, выделенное нами семантическое поле – «представитель еврейской национальности» является отличным от всех других, потому как часто оскорбительный, негативный характер основной номинации «жид» оспаривается.

Более того, в последнее время появилось большое количество номинаций, имеющих в своём основании корень «жид», но напрямую к евреям, не относящихся. Среди таковых, например, жидолизы, жидоукропы, жидочечены и т.п. Значение данных слов определяется либо коннотацией «тот, кто помогает евреям, защищает их» (жидолизы), либо «происходящий от евреев, последователь евреев, их традиций и т.д.» (жидоукропы, жидочечены).

Таким образом, нами были выделены семантические поля для оскорбительных, презрительных, неуважительных названий национальностей, и сами эти названия, которые могут быть употреблены в высказываниях, содержащих прямые или косвенные призывы к экстремизму, к возбуждению

ненависти или вражды, или унижению человеческого достоинства. Это первый этап нашей исследовательской работы. Далее подобная форма деятельности будет применена к созданию семантических полей для предикатов с семантикой насилия, агрессии, которые могут употребляться с данными номинациями в прямых или косвенных призывах к разжиганию межнациональной розни.

Список литературы

1. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие / А.Н. Баранов. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2007. – 592 с.
2. Бринев, К.И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика: монография / К.И. Бринев. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 304 с.
3. Хашимов, Р.А. Семантическое поле слов и его элементы / Р.А. Хашимов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – С. 209-2012.

И. С. Харитонова

Россия, г. Омск,

Омский государственный педагогический университет

Научный руководитель к.фил.н., доцент Ю.Ю. Литвиненко

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЕ УРОКИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ФРАГМЕНТОВ СОВРЕМЕННЫХ АНИМАЦИОННЫХ ФИЛЬМОВ

Аннотация

В данной статье представлены лингвострановедческие уроки с использованием фрагментов из современных анимационных фильмов. Наличие в мультфильмах прецедентных текстов и стереотипных ситуаций, демонстрация национальных предметов, использование разговорной речи, отражение современных ценностей и интересов русских людей стали определяющими факторами в отборе данного материала для разработки учебных занятий. Уроки рассчитаны на студентов-иностранцев продвинутого уровня владения языком. Основные виды речевой деятельности на занятиях – говорение и аудирование. Центральной страноведческой темой в предлагаемых конспектах уроков стало знакомство с образами русских богатырей.

Ключевые слова: обучение русскому языку как иностранному, лингвострановедение, конспект занятия, современные анимационные фильмы, русские богатыри.

«Овладение иностранным языком неразрывно связано с овладением национальной культурой, которая предполагает не только усвоение культурологических знаний, но и формирование способности и готовности понимать ментальность носителей изучаемого языка, а также особенности коммуникативного поведения народа этой страны» [1]. Лингвострановедение в этом случае выступает одним из аспектов преподавания русского языка как иностранного, определяющим отбор страноведческого материала с учетом его лингвистического содержания, с одной стороны, и культурологической ценности, значимости, с другой.

Приобщение к лингвострановедческим знаниям возможно через тексты художественной литературы, публицистику, тексты повседневного общения. Однако особое значение в лингвострановедении имеют средства наглядности, поэтому мы считаем, что знакомство с национальной культурой через видеоматериал позволяет повысить эффективность аудиторной работы. «Включение видеосюжетов в учебный процесс диктуется такими условиями, как развитие навыков аудирования естественного ритма речи, знакомство с культурой, традициями и реалиями страны изучаемого языка, а также внесение разнообразия в занятия» [2].

Объектом нашего исследования стали анимационные фильмы студии «Мельница»: «Алёша Попович и Тугарин Змей», «Илья Муромец и Соловей-Разбойник», «Добрыня Никитич и Змей Горыныч», «Три богатыря и Шамаханская царица», «Три богатыря на дальних берегах», «Три богатыря: Ход конём», серия мультфильмов «Иван-Царевич и Серый Волк».

Данные мультфильмы имеют ярко выраженную лингвострановедческую направленность. В них отражается история Руси (например, *нашествие монголо-татар в м/ф «Алёша Попович и Тугарин Змей»*), мифологические сюжеты (*троянский конь в м/ф «Три богатыря: Ход конём»*), современная экономическая ситуация в мире (*нефтяная зависимость многих стран от России в м/ф «Иван-царевич и Серый Волк-3»*). Мультфильмы показывают образ жизни, бытовой уклад русской нации. «Славный народ на Руси родится: с петухами встаёт, день-деньской рук не покладает, в хозяйстве порядок ладит. Сеет, веет, гнёт, куёт - честным трудом аппетит нагуливает» – такими словами начинается мультфильм «Три богатыря: Ход конём». «Какая же русская свадьба без драки. Ура!» – радуется князь. Вербально и через поведенческие стереотипы транслируются ценности современного общества. Диалог героев часто построен на прецедентных высказываниях: пословицах, фразеологизмах, афоризмах.

Заметим, что в основу учебных текстов, аудио/видеоматериалов, как правило, кладется литературный язык, поэтому студент-иностранец чувствует дискомфорт, попадая в реальную русскую языковую среду и затрудняясь в декодировании разговорных выражений и грамматических конструкций. Мультфильмы студии «Мельница» хороши и тем, что при их просмотре погружаешься в живую речь. Они обладают существенным преимуществом

перед кинофильмами при изучении эмоций, чувств, которые гиперболизируются, а значит и лучше читаются зрителями (в нашем случае, студентами). Немаловажным фактором является и то, что анимационные фильмы студии «Мельница» ориентированы на подростковую и взрослую аудиторию. Всеми этими особенностями и обусловлен выбор видеоматериала.

Мы предлагаем конспект занятия по теме «Русские богатыри» для иностранцев продвинутого уровня владения языком. Студенты этого уровня должны обладать достаточным словарным запасом, позволяющим описывать что-либо, знать основные лингвистические термины, понимать содержание текстов не только на конкретные темы, но и абстрактные, уметь выразить своё мнение без особых затруднений, участвовать в диалогах [3].

План - конспект занятия по теме: «Русские богатыри».

Тип занятия: изучение нового материала. Цель: познакомить иностранных студентов с образами русских богатырей. Основные виды речевой деятельности на занятии - аудирование и говорение. Слушание является рецептивным видом деятельности, что служит предпосылкой для развития продуктивных видов. Понимание прослушанного аутентичного материала контролируется путём ответов на вопросы. Домашнее задание позволяет закрепить изученное в составлении письменных текстов. На уроке повторяются следующие лексические темы: антонимы, синонимы, омонимы, фразеологизмы. Неотъемлемым элементом урока является и повторение грамматических тем: падежные формы, образование прилагательных от существительных, образование кратких форм прилагательных от полных, придаточные предложения условия. Синхронные тексты на уроке предоставляются для чтения два раза: исполнение по ролям фрагментов из мультфильма «Добрыня Никитич и Змей Горыныч» (2 урок) и проверка после выполнения теста «Знакомство с Алёшей Поповичем» (3 урок).

Данное занятие рассчитано на 3 урока.

1 урок. Знакомство с богатырями. Мудрый Илья Муромец.

2 урок. Справедливый Добрыня Никитич.

3 урок. Богатырь Алёша Попович.

1 урок. Знакомство с богатырями. Мудрый Илья Муромец.

Предлагаем следующий план работы.

1. Работа с лексическим и грамматическим материалом, который поможет на других этапах урока.

А) Подберите антонимы

Низкий – (*высокий*), маленький – (*большой*), глупый – (*умный, мысленный*), трусливый – ..., слабый – ..., рассеянный – ...

Б) Поставьте слова в скобках в правильном падеже, добавляя при необходимости предлоги.

Защищать (Родина), ехать (скакать) (конь), лежать (печь), смотреть (сторона), верить (судьба), поверить (враг), помогать (друг).

В) Составьте предложение с первым словосочетанием.

На доске преподаватель записывает: «*Богатыри защищают Родину*».

Студенты зачитывают свои варианты, после преподаватель обращает их внимание на доску: «Кто такие богатыри? Это мы узнаем сегодня на уроке».

2. Знакомство с картиной В.Васнецова «Богатыри».

Вопросы для обсуждения:

- Посмотрите на картину, опишите мужчин (*в руках оружие, на конях, особая одежда*).
- Как вы думаете, кто такие богатыри? Если нужно, воспользуйтесь словарем. (**БОГАТЫРЬ**, -я, м. 1. Герой русских былин, совершающий воинские подвиги. 2. перен. Человек очень большой силы, стойкости, отваги).
- Богатыри одинаковые или чем-то отличаются? (*они разные, отличаются внешностью, возрастом*)

Преподаватель вводит страноведческий материал: «Правильно, и зовут их тоже по-разному: Илья Муромец (в середине), Добрыня Никитич (слева) и Алёша Попович (справа). Это богатыри Киевской Руси (IX – XI в.). Несмотря на то, что богатыри жили давно, все о них помнят: раньше об их подвигах слагали былины, а в наше время снимают мультфильмы».

3. Преподаватель предлагает посмотреть фрагмент мультфильма «Три богатыря и Шамаханская царица», где жены рисуют своих мужей-богатырей.

В.Васнецов «Богатыри»

из м/ф «Три богатыря и Шамаханская царица»

Вопросы для обсуждения:

- Посмотрите на изображения. Сравните их. Чем они отличаются?
- Зачем режиссёр мультфильма создает новые образы?

Каждый из богатырей отличался не только внешностью, но и своими подвигами, характером и даже речью. Познакомимся с каждым из них. Начнём с Ильи Муромца.

4. Введение страноведческого материала: «У богатырей говорящие имена. Илья **Муромец**, потому что родился в городе **Муроме** (*можно посмотреть на карте*). Существует предание, что

Илья Муромец 30 лет и 3 года не ходил, а лежал на печи, и только в 33 года случилось чудо». Одним из врагов Ильи был Соловей-Разбойник. А звали его так, потому что он грабил, убивал не оружием, а своим свистом разбойничьим.

5. Преподаватель предлагает посмотреть отрывок из мультфильма «Встреча

Ильи Муромца и Соловья-Разбойника». Этот отрывок хорош тем, что слов у персонажей мало, но мы можем наблюдать разбой Соловья, силу его свиста, силу богатыря и его коня, благодарность людей за защиту.

Вопросы для обсуждения:

- Как вы думаете, зачем Илья перед боем взял землю в руки? (*земля помогает, даёт силу*)
- Бойтся ли Илья разбойников? (*нет*)
- Кто помогает Илье Муромцу? (*конь*)
- Как богатырь называет своего коня? (*друг мой верный*)
- Какие глаза стали у Соловья-Разбойника перед свистом? (*красные, налились злостью*).
- Кто победил в бое? (*богатырь*)
- Как люди благодарят Илью Муромца? (*кланяются*). Как называют богатыря? (*Илюша, защитник наш*)

6. У Ильи Муромца есть ещё одна отличительная черта. Преподаватель предлагает посмотреть несколько фрагментов из мультфильмов и ответить на вопрос: «Какое слово постоянно повторяет Илья Муромец?»

1) *Ночью звезда с неба упала – добрая примета.*

2) *Муха в молоко попала — ждите, мама, гостей, примета такая.*

3) *Мать: примета... жёну себе тоже по приметам искать будешь?*

Илья: а почему нет, от судьбы не уйдёшь, она укажет и знак подаст.

4) *Приметы народ веками замечал, они правду говорят.*

5) *Не всему доверяй, что с виду красиво. Есть такая примета.*

(Примета)

Комментарий преподавателя или учащихся: «Примета – это признак, предвещающий что-либо; явление, обстоятельство, указывающее, по народным верованиям, на связь с каким-либо другим событием». Здесь можно повторить сложноподчиненное условное предложение (Если..., то...).

Вопросы для обсуждения:

➤ Знаете ли вы, какие-нибудь русские приметы? Если студенты затрудняются можно показать отрывок из м/ф «Илья Муромец и Соловей-Разбойник», где богатырю переходит дорогу чёрная кошка (5-6-ая минуты мультфильма).

➤ Почему Илья пошёл другим путём? (*Чёрная кошка перебежала дорогу - к беде, несчастью*)

Расскажите и про другие приметы: «не свисти – денег не будет», «одежда наизнанку – к ссоре», «рассыпать соль – быть ссоре» и др.

- Какие приметы существуют в вашей культуре?
- Верите ли вы в приметы?
- Что можно сказать об Илье? (*внимательный, рассудительный, верит в судьбу, в народную мудрость*).

Д/з: написать текст «Русские богатыри» (4-6 предложений)

2 урок. Справедливый Добрыня Никитич.

1. Перед тем, как перейти к знакомству с Добрыней Никитичем, необходимо вновь обратиться к репродукции картины В.Васнецова и кадру из мультфильма, изображающему трёх богатырей. Студенты зачитывают свои тексты. Преподаватель, комментируя работы, записывает на доске присущие богатырю предметы и признаки: *защитники Родины, у каждого есть конь (= друг), оружие, умные, внимательные*.

Преподаватель продолжает знакомить иностранцев с богатырями: «Теперь посмотрим, чем отличается Добрыня Никитич. Вспомним, почему Илья **Муромец**? (*город Муром*). У Добрыни имя тоже говорящее: **Никитич**, потому что отца звали **Никита**. Одним из врагов Добрыни Никитича был Змей Горыныч (иллюстрация или кадр из мультфильма). Зовут его Змей, а чем является определение *Горыныч*? (*отчество*).

2. Преподаватель предлагает посмотреть фрагмент из мультфильма «Добрыня Никитич и Змей Горыныч», в котором Елисей пытается разбудить Добрыню Никитича (3-4- ая минуты). Задание – дописать ряд признаков на доске.

Вводится понятие «богатырский сон» (*крепкий сон*). Если человек спит крепко, говорят, что он *спит богатырским сном*. Преподаватель вводит новое понятие в активный словарный запас студентов, спрашивая, богатырский ли у них сон.

3. Снятие языковых трудностей перед восприятием следующего фрагмента:

А) Образуйте краткую форму от следующих полных прилагательных: *статный, высокий, обученный, смелый, весёлый*.

Б) Подберите синонимы к слову «**пир**» (пользуясь словарём синонимов).

Следующий фрагмент: «...*Жил на Руси богатырь великий: и статен был, и высок, грамоте разной обучен, а в бою-то был смел, и на пиру он был весел. И дрожали враги от одного имени его славного – Добрыня Никитич*».

- Расскажите, что вы узнали о богатыре? (при необходимости можно посмотреть фрагмент второй раз)

4. Просмотр фрагментов со следующими ситуациями:

1) Добрыня: *Предлагаю голосовать, По старому русскому обычаю (рвёт бумагу и раздаёт каждому). Не списывать, попросу сдавать, подписываться не надо.*

2) Добрыня: *Теперь ты!*

Горыныч: *А мы то что?*

Добрыня: *Клянись, что больше ты в азартные игры не играешь.*

3) Добрыня: *Вот беда с этими бабами... женищинами.*

4) Алёша: *А, может, князя уже и в живых нет, давайте ворота ломаем и посмотрим, не извела ли его коварная царица.*

Добрыня: *Неудобно, женищина всё-таки.*

5) Добрыня: *В ратном деле всё важно: тактика, стратегия, а главное, это дух укрепить. Я понятно объясняю?*

После просмотра и обсуждения выдаются тексты первого и второго видеофрагментов, которые обучающиеся читают по ролям для отработки интонации, что, в свою очередь, поможет понять лучше характер богатыря.

Вопрос для обсуждения:

➤ Каким перед нами предстаёт Добрыня? (*Справедливый, вежливый, хочет людям добра, учит их, отличается учтивостью, воспитанностью; знает толк в военном деле, дипломатичный*)

Д/з: «Кто из богатырей (Илья или Добрыня) вам больше понравился и почему?» Напишите небольшой текст (до 5 предложений).

3 урок. Богатырь Алёша Попович.

На данном уроке мы знакомимся с детскими годами Алёши Поповича по мультфильму «Алёша Попович и Тугарин Змей».

I. Грамматические задания:

1) А) Образуйте по аналогии:

Рука – ручной, **молоко** – молочный, **кулак** – кулачный.

Водим понятие «кулачный бой» – поединок без оружия.

Б) Москва – московский, Омск – омский, Киев-..., Воронеж-..., Ростов-ростовский.

2) В каком предложении **стал = начал**?

- Алёша стал воином
- Алёша стал учиться грамоте
- Алёша стал взрослым

3) С какими вопросами употребляется глагол **учиться**?

а) Учиться (где) б) Учиться (о ком?) в) Учиться (что?) г) Учиться (чему?)

4) С какими вопросами употребляется глагол **стоять**?

1) Где? 2) о чём? 3) чем? 4) что? 5) чему?

Какой вопрос в словосочетании **стоять в углу**? (*где?*)

Стоять в углу = быть наказанным

II. Лексические упражнения

Хоровод – русская народная игра в круговом движении с пением и плясками.

Как вы думаете, на какой картинке представлен хоровод?

1) А) Найдите синонимы к слову «рать» (воспользуйтесь словарём синонимов).

Армия, войско, дружина.

- Что значит ратное дело?

Б) Найдите синонимы к слову **славный**. Составьте с этим словом словосочетание.

2) Познакомьтесь с новым фразеологизмом.

Расти не по дням, а по часам – очень быстро.

- Про кого мы можем так сказать? (*про ребёнка*)

3) Посмотрите на картинки

Лук

Лук

- Вспомните, как называются слова, которые пишутся и слышатся одинаково, но имеют разное значение? (*омонимы*)

- Из какого **лука** можно **стрелять**?

4) Ничего не вышло = **не получилось**

В каком варианте форма *не вышел* имеет значение «не получился»?

А) Я не вышел из комнаты

Б) На этой фотографии я не вышел

В) Этот фильм ещё не вышел

III. Посмотрите видеофрагмент и выполните тест.

Отрывок из мультфильма «Алёша Попович и Тугарин Змей» (2 минуты)

«В славном городе Ростове, у Ростовского попа соборного был один единственный сын, звали его Алёшей, по отцу Поповичем. Рос Алёша не по дням, а по часам. Стал Алёша грамоте учиться, да ничего из этого не вышло. И стал Алёша учиться ратному делу....» (*начало мультфильма*).

Ответьте на вопросы. В тесте может быть только **ОДИН** правильный ответ.

1. Сколько сыновей было у Ростовского попа?

1) 2

2) 3

3) 1

2. Как звали сына Ростовского попа?

1) Андрей

2) Иван

3) Алёша

3. Как рос Алёша?

1) Не по дням, а по часам

2) Как курица лапой

3) Как рыба в воде

4. Выучился ли Алёша грамоте?

1) Да

2) Ничего не вышло

3) В тексте об этом не сказано

5. Как наказывали Алёшу?

1) Ставили в угол

2) Заставляли водить хоровод

3) Стрелял из лука

VI. Посмотрите видеофрагмент ещё раз. Ответьте на вопросы «да» или «нет».

Скажите, соответствуют ли содержанию мультфильма следующие высказывания:

1) В мультфильме девушки водят хоровод

2) Алёша родился в Ростове

- 3) Алёша любил маму и папу
- 4) Алёша в детстве много болел
- 5) Алёшу интересует ратное дело
- 6) Алёша любил учиться

Раздаю текст видеофрагмента для проверки понимания прослушанного.

Чтобы лучше раскрыть образ Алёши, можно обратиться к следующим фрагментам:

1. План с золотом («Алёша Попович и Тугарин Змей») (3:50 – 8:00)
2. Указательный камень на пути богатыря («Алёша Попович и Тугарин Змей») (37:30 – 38:30)
3. Алёша у туземцев («Три богатыря на дальних берегах») (34:08 – 37:00)
4. Несколько похожих фрагментов, где есть фраза «Отведай-ка силушки богатырской»

➤ Вопросы для обсуждения:

1. Почему жители Ростова разозлились на Алёшу?
2. Как себя ведёт Алёша с цыганами?
3. Что придумал Алёша, чтобы добыть еды для себя и богатырей? Почему он понравился жителям острова?
4. Как вы думаете, зачем Алёша Попович при драке, бое говорит фразу «Отведай-ка силушки богатырской»?

Какой можно сделать вывод о характере Алёши?

(Алёша Попович тоже имеет качества богатыря, но ещё не совсем опытный. Он молод и поэтому очень весёлый, энергичный, часто попадает в нелепые ситуации).

Для закрепления материала можно предложить изображение одного из богатырей из мультфильма (или все 3 фотографии), чтобы обучающиеся написали все, что они помнят о нём (имя, характер, его противника и т.д.).

Комментарий преподавателя: «Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович были друзьями, часто совершали подвиги вместе и помогали друг другу в трудностях. Теперь вы знаете, кто такие русские богатыри. Опираясь на проанализированные изображения, напишите дома текст: «Русские богатыри» (8-10 предложений)».

Итак, современные анимационные фильмы обладают разноплановой страноведческой информацией, представленной в яркой наглядной форме. Лингвистическая составляющая мультфильмов позволяет использовать их как обучающий материал на уроках по лингвострановедению.

Список литературы

1. Варламова В. А. Лингвострановедческий аспект в преподавании иностранного языка // Молодой ученый. — 2015. — №7. — С. 920-923.

2. Грубмайр И.И. Использование мультипликационных фильмов на уроках РКИ. [Электронный ресурс] URL:

<https://www.arts.kuleuven.be/crs/konferentsiya/documents/siektsiia-4.pdf>

3. Европейская система уровней владения иностранными языками

[Электронный ресурс] URL:

https://mipt.ru/education/chair/foreign_languages/articles/european_levels.php

Е. Ю. Некрасова

Россия, г. Омск,

Омский государственный педагогический университет

Научный руководитель к.фил.н., доцент Ю. Ю. Литвиненко

КОММУНИКАТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ НА ПУТИ ОВЛАДЕНИЯ ДЕЛОВЫМ РУССКИМ ЯЗЫКОМ КАК ИНОСТРАННЫМ

Аннотация

В статье рассматривается проблема изучения официально-делового стиля литературного языка в методике преподавания русского языка как иностранного, а также лингвистический аспект проблемы стилистических коммуникативных барьеров. Иллюстративно представлены методологические пути преодоления языковых трудностей.

Ключевые слова: русский как иностранный, функциональные стили речи, деловое письмо, стилистика, официально-деловой стиль, стилистический барьер.

Изучение русского языка иностранными студентами предполагает не только формальное освоение правил фонетики, грамматики и пополнение словарного запаса новой лексикой, но и непосредственное погружение в культуру общества изучаемой страны. Жизнь любого социума отражается на его языке. Так, для различных сфер человеческой деятельности характерны определенные функциональные стили речи, которые обеспечивают сферы науки, СМИ (печатных изданий, радио, телевидения, интернета), делопроизводства, повседневную жизнь человека в целом. Умение ориентироваться в данных стилях, применять определенные языковые средства в конкретных речевых ситуациях является неотъемлемым качеством современной мобильной личности. Данные факты подтверждают актуальность освоения норм стилистики русского языка иностранными студентами.

Традиционно в русском языкознании выделяют пять функциональных стилей литературной речи: разговорно-бытовой, научный, публицистический, официально-деловой и стиль художественной литературы [5, с. 12]. Каждый из них характеризуется отличительными чертами и реализуется в конкретных

видах текстов. Методика преподавания русского как иностранного на ранних этапах овладения языком рассматривает данные стили комплексно, в неразрывной связи с грамматическими и лексическими темами [2, с. 98], [3, с. 299]. Элементы разговорного, научного и публицистического языка, особенности художественной речи вводятся как материал, сопровождающий и дополняющий основную тему урока. Например, научный стиль вводится через терминологию, в первую очередь, лингвистическую (имя существительное, падеж, число, глагол, лицо, спряжение, субъект, объект и т.д.). Разговорный стиль передается через «живые» диалоги как, к примеру, в учебнике русского языка для иностранцев «Поехали!»:

- *Как жизнь, что нового?*

- *Я тут вчера ходил на концерт «Симфоническая музыка нового времени».*

- *Ну и как тебе?*

- *Не спрашивай! Ничего хорошего. Никак не пойму, кто может это слушать!* [6, с. 11]

Углубленное и целенаправленное изучение функциональных стилей, готовность использовать стилистические средства того или иного подязыка в рецептивной и продуктивной деятельности осуществляется на уровне обучения С2 [3, с. 101-102]. В курс освоения русского языка как иностранного вводится дисциплина «Деловой русский язык. Практикум по деловому письму», которая направлена на развитие навыков письменной и устной официально-деловой речи. Содержание предмета составляет анализ языковых ситуаций, связанных с деловой сферой жизни общества: собеседование, составление личных документов (резюме, заявление, объявление, деловые письма), деловые встречи, подписание и заключение договора и т.д.

Специфика данного предмета определяется его тесной связью, сопряженностью с современными реалиями. Во-первых, трудно представить себе жизнь, в которой нам не нужно заполнять различные документы. Иностранцам студентам приходится сталкиваться с этим уже на самых ранних этапах пребывания в стране изучаемого языка: необходимо заполнять документы на обучение в образовательном учреждении, подписывать договор о проживании в общежитии, оформлять банковские счета, заполнять медицинские карты и многое другое. Во-вторых, официально-деловая обстановка окружает нас не только в стенах университета во время занятий, но и в различных официальных учреждениях сферы управления и правовых отношений, где необходимо уметь общаться на соответствующем уровне.

В процессе изучения особенностей официально-делового стиля возникают коммуникативные стилистические барьеры. Так, в странах Юго-Восточной Азии, в связи с особым менталитетом, принято в официальных документах (заявлениях, объяснительных, справках) писать эмоционально, использовать средства выразительности, что недопустимо в российской деловой и

официальной речи. Поэтому необходимо акцентировать внимание иностранных студентов на нейтральности тона документов, отсутствии эмоций. Для этого будет эффективным задание на анализ «лишних слов», например, при составлении заявления:

Директору самого прекрасного БОУ «Гимназия № 1»
дорогому, замечательному Иванову И.И.
прилежного и умного студента Сун Цзе

заявление

Прошу принять меня, *пожалуйста*, на работу *моей мечты* на должность учителя *великого и могучего* русского языка с 1.09.2017 – *дня Знаний*.

18.08.2017

(подпись)

(*сегодня у меня День Рождения*)

Данный вариант заявления, насыщенный оценочными словами, наглядно демонстрирует разницу между разговорно-бытовым, художественным и официально-деловым стилями речи.

Другим стилистическим барьером является непонимание структуры официальных документов. В такой ситуации необходимо ввести синонимичный ряд понятий: *образец — стандарт — шаблон — модель — клише* [1, с. 175, с. 277, с. 557], которые характеризуют построение любых деловых документов. Соответственно студенты должны запомнить формулировки, связанные с данной лексикой:

Напишите заявление по образцу / по модели / по стандарту.

Заполните шаблон резюме.

Используйте клише для заполнения бланка.

Интерес представляет объяснение специального термина «шапка» как заголовка, надтекстовой информации (например, в заявлениях, объяснительных) [4, с. 891] через прямую ассоциацию с шапкой как головным убором (*это то, что находится над телом, выше основной части*).

Из данной проблемы логично вытекает другая, одна из самых сложных, – непонимание терминологии официального стиля. В деловых документах традиционно используются канцеляризмы – слова, устойчивые словосочетания, грамматические формы и конструкции, употребление которых в литературном языке закреплено традицией за официально-деловым стилем [7, с. 212]. Носитель русского языка часто интуитивно чувствует и понимает, как формулировать подобные выражения. Иностранному студенту же в методике преподавания предлагается запомнить основные клише формулировок и их грамматические конструкции:

(заявление) *Прошу принять на работу / предоставить отпуск / отпустить с занятий / уволить и т.д.* ([Я] глагол 1 лица, ед. числа, наст.вр. + Inf.)

(резюме) *Цель: получить должность* учителя русского языка (Inf. + N4)

(объяснительная) Я не пришёл на работу **по причине** болезни / экстренной ситуации / семейных обстоятельств (**по причине** + N2)

Кроме того, необходимо обратить внимание студентов на то, что фактически все организации и учреждения, где необходимо оформлять документы, предоставляют образец их заполнения с указанием необходимых грамматических форм, вариантов речевых клише и т.д., так как даже носители русского языка не всегда могут успешно справиться с данной задачей.

Анализ терминологии официально-делового стиля, например, понятий «заявление», «резюме», является хорошим подспорьем для лексической работы на занятии, поскольку данные слова являются многозначными:

1. Заявление как официальный документ с просьбой о чем-либо.

Пожалуйста, напишите заявление для предоставления Вам отпуска.

2. Заявление как официальное сообщение в устном или письменном виде.

В.В. Путин сделал заявление о дальнейшем сотрудничестве России и Китая.

1. Резюме как официальный документ для получения работы.

Приходите с заполненным резюме на собеседование к директору фирмы.

2. Резюме как подведение итогов прочитанного или услышанного.

Напишите резюме к прослушанной Вами лекции.

Таким образом, современные реалии жизни предполагают умение личности понимать стилистические тонкости каждой возникающей речевой ситуации. Умение ориентироваться в них и применять необходимые языковые средства позволяет преодолеть стилистические коммуникативные барьеры, достичь эффективной коммуникации, избежать недопонимания, казусов и инцидентов, связанных с официально-деловой сферой жизни общества.

Список литературы

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. — 11-е изд., перераб. и доп. — М.: Рус. яз., 2001. — 568 с. — (Библиотека словарей рус. яз.).

2. Балыхина Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): Учебное пособие для преподавателей и студентов. - М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2007.— 185 с.

3. Лебединский С.И., Гербик Л. Ф. Методика преподавания русского языка как иностранного. Учебное пособие / С. И. Лебединский, Л. Ф. Гербик – Мн., 2011. – 309 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.
5. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика. – М.: Издательский дом «ОНИКС 21 век»: Мир и образование, 2001. – 381 с.
6. Чернышов, С.И. Поехали! Русский язык для взрослых. Базовый курс: в 2 т. Т.2. — 7-е изд. — СПб. : Златоуст, 2009. — 280 с.
7. Ярцев В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия. – М., 1990. – 338 с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

*В. Ю. Филькин
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель д.ф.н., Г. П. Козубовская*

МИФОПОЭТИКА ЧИСЛА В КНИГЕ А. ТАРКОВСКОГО «ВЕСТНИК»

Аннотация

В статье рассматривается мифопоэтика Числа – одного из элементов картины мира А.А. Тарковского в лирической книге «Вестник». Исследуются семантика и функции чисел, определяется их место в авторской концепции и космосе книги.

Ключевые слова: Арсений Тарковский, «Вестник», лирическая книга, мифопоэтика, число.

А. Тарковский – знаковая фигура в русской поэзии, это поэт, наследующий классическую традицию. А. Тарковский, долгие десятилетия занимавшийся переводами в силу обстоятельств (после постановления 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград» сняли с печати его книгу), как оригинальный поэт обрел известность только в возрасте 55 лет. Одновременно пришло признание и к его сыну – режиссеру Андрею Тарковскому, чей фильм получил премию Венецианского кинофестиваля. Дочь поэта Марина так объясняет парадокс столь позднего признания: «Создай он два-три стихотворения о партии и Сталине, его первый сборник увидел бы свет гораздо раньше, но папа никогда не служил системе – он был настоящим аристократом духа» [3]. Переводы были, в основном, с восточных языков (издан целый ряд сборников его переводов), по поводу чего Тарковский иногда сокрушался: «Для чего я лучшие годы / Продал за чужие слова? / Ах, восточные переводы, / Как болит от вас голова» [10, с. 73]. Сдержанность и скрытность как качества личности оказались органичными в переводческой деятельности. Эти же качества определяют его поэтику.

На первую книгу его стихов откликнулась сама Анна Ахматова: «Этот новый голос в русской поэзии будет звучать долго... О стихах Тарковского будут много думать и много писать» [1, с.188-189].

Аристократизм духа, о котором говорит М. Тарковская, проявлялся и в его внешности. Так, в воспоминаниях матери Т. Бек он предстает как человек «ренессансной красоты», от которого нельзя оторвать глаз. Она признается, что, увидев его в Переделкино, смотрела на него как на произведение искусства [9].

А. Тарковский не обойден вниманием в современном литературоведении. Его поэтика – предмет пристального внимания современных молодых ученых. В Гамбурге защищена диссертация по мифопоэтике [2].

Системного и целостного исследования мифопоэтики книги А. Тарковского «Вестник» в отечественной науке пока нет, что и определяет актуальность нашего исследования.

Не углубляясь в историю и теорию цикловедения, остановимся на определении, предложенном в словаре «Поэтика» («Художественная целостность, своеобразный способ выражения авторского сознания и, одновременно, организации читательского восприятия» [8, с. 96]), которое, на наш взгляд, отвечает современному уровню осмысления понятия.

После фундаментальной статьи В.Н. Топорова [12, 11] и обобщающего сборника «Число – счет – нумерология в славянской и еврейской культурной традициях» [13], Число привлекает внимание философов, культурологов, лингвистов и литературоведов [4, 5, 6, 7, 11].

Предмет нашего внимания – мифопоэтика Числа в лирической книге А. Тарковского «Вестник».

Осеннее настроение, возникшее в стихотворении, открывающем первую часть («Перед листопадом»), отдаётся «эхом» в последующих стихотворениях. Параллелизм человека и природы – в наступлении осени «*выпало лето холодной иголкой*» [10, с. 7] и угасании чувства и расставании («*Что ей память моя?*», 10, с. 7). На смену этому вопросу в следующем стихотворении («Прохожий») приходит другой: «*Прохожему – какое дело..?*» [10, с. 8], развивающий мотив равнодушия. В отличие от прохожего, стучащегося в чужую дверь, которому открывают дверь, лирический герой (далее – ЛГ) остается в одиночестве. Создаётся зеркальность, где отражающие друг друга начальные ситуации имеют впоследствии разные варианты развития событий. В дальнейшем пессимистичное настроение Тарковский подчёркивает отсутствием рифмы, которая сама по себе служит символом порядка, «космоса». Нет космоса – нет плавного течения – нет постоянства – всё уходит.

Расставание с «Ней» (так для удобства обозначим героиню – женщину, о расставании с которой говорит ЛГ) ЛГ не ощущает на подсознательном уровне как Её уход. В стихотворении «Если б, как прежде, я был горделив...» ЛГ произносит: «Я *бы* оставил тебя навсегда» [10, с. 14] – в условном наклонении. Однако на сознательном уровне такое расставание, конечно, связано для ЛГ с потерей (см. подтекстовые смыслы в стихотворении «Река Сугакляя уходит в камыш...»). И в этот момент в рамках всего текста «Вестника» мы впервые видим Число – «сто», имеющее для ЛГ сакральный смысл. Это число ещё неоднократно встретится в «Вестнике». ЛГ в смятении, он пытается привести собственный мир в порядок. Число как раз и приходит на помощь в обретении такого порядка, это изначально в его природе.

С античных времён и до сих пор Число в литературе всегда служит мостиком от хаоса к космосу. В стихотворении «Если б, как прежде, я был

горделив...», ЛГ, размышляя о потере любимого человека, буквально каждую реалию, каждую единицу действительности пытается связать с этим числом: обещаний – сто, праздников – сто, *слов* – сто. Забегая вперёд, отметим, что *слово* для ЛГ (предположительно, и для автора) – основная единица его внутреннего мира, его мышления, его собственного мироздания; он осознаёт себя как поэта, и слово воспринимает соответствующе (это становится видно в следующих частях книги). Поэтому, связывая основную единицу мироздания с сильным помощником обретения порядка, он явно пытается упорядочить свой мир.

Подчёркивает свою значимость число «сто», оказавшись связанным с божеством: «Сторукий бог ручьёв свои рога склоняет» (стихотворение «Когда купальщица с тяжёлою косою...» [10, с. 19]). Здесь мы снова встречаемся с темой другого мира, а число «сто» уже начинает претендовать на значимость для объективной реальности, а не только внутреннего мира ЛГ.

О серьёзном увлечении А. Тарковского астрономией пишут мемуаристы: в его доме был мощный телескоп, с которым почти не расставался, он изучал труды по астрономии, наблюдал за скоплениями звезд, «могучей архитектурой ночи» и верил, что так может переговариваться с другими такими же, как он [9]. Интерес к звездному небу, возможно, возник из увлечения философией Григория Сковороды, оказавшего большое влияние на мировоззрение молодого Тарковского.

В стихотворении «Звёздный каталог», где также речь идёт о потере любимого человека («*Я в дороге, я теперь звезда, / Я тебя забыла навсегда*» [10, с. 31]), вновь попытка упорядочить мир: сам факт создания «звёздного каталога» и есть приведение мира в систему, расположение звёзд по определённой системе. Кроме того, стихотворение вновь отсылает нас к античности: звёздный каталог – аллюзия на «список кораблей» во второй книге гомеровской «Илиады». Слово «денница» является, вероятно, отсылкой уже к славянской мифологии, где Денница – родственница Солнца. Можно говорить о связи с древностью как таковой, то есть с древними временами, без привязанности при этом к конкретному пространству, конкретной культуре. «Начало времён» вполне способно послужить «отправной точкой» для восстановления гармонии и порядка во Вселенной. Очевидно, что одна из звёзд – вероятно, та самая «Гостыя-звезда» – как раз и является той женщиной, о потере которой идёт речь и без которой, очевидно, невозможно создать звёздный каталог, а значит, невозможно и прийти к порядку. ЛГ буквально заполняет текст стихотворения Числами: «*Десять миллионов номеров*» [10, с. 31]; «*A-13-40-25*» [10, с. 31], «*Позвони мне через триста лет*» [10, с. 32] (сроки, кстати, явно не земные) и т.д., но результатов это не даёт, ввиду отсутствия той самой ключевой составляющей.

В стихотворении «Только грядущее», открывающем вторую часть книги – «Перед снегом», – Число стремится «разгрузить» художественный мир: одно окно, одна кровать, один стол – всех реалий не больше одной, что значительно

упрощает мир, а это также способ избавления от хаоса (как выбросить лишний мусор). Неслучайно, сам Тарковский, обыгрывая понятие «личная жизнь», каламбурил: «лишняя жизнь» [3]. Но, возможно, здесь в подтексте – биографический смысл: «одноногость» – как следствие тяжелой раны, полученной на войне.

Спокойно ЛГ сообщает о четырёхмерности мира, как бы между прочим, как о чём-то очевидном. Четвёртое измерение – время – уже очищено от хаоса и теперь является частью его, лирического героя, системы («*Мне будущее приходилось в пору*» [10, с. 39]). Число «сто» вновь появляется в масштабах мироздания.

В стихотворении «Стань самим собой» число несет семантику поисков самого себя. Вероятно, найти своё «заветное число» – значит, найти самого себя, причём это число – одно-единственное «из миллиона вероятий», т.е. личное число человека, выбранное мирозданием персонально для него.

Особая значимость Числа «сто» очевидна в стихотворении «Кактус»: стотысячный век – значит, *сто* тысяч раз по *сто* лет. Так обозначена, вероятно, одна из самых главных точек художественного мира «Вестника». Сам по себе кактус – двоякая реалья: с одной стороны, это существо, инородное для нашего мира (т.е. оно *из другого мира*), но, с другой стороны, это живое растение, т.е. *земная* реалья. Кактус пограничен, и граница эта располагается между двумя мирами – этим и иным.

Число «сто» также является количеством жизней в запасе у ЛГ, об этом он сообщает в стихотворении «В музее».

Число «два» в стихотворении «Бабочка в госпитальном саду» означает двоимирие, и посредник между мирами – бабочка, согласно мифопоэтической традиции, ипостась души.

В стихотворении «Вещи» – число «три». Мы уже видели, что тройка в художественном мире «Вестника» может означать трёхмерную простоту (в сравнении с четырёхмерностью мира), однако в данном случае уместно обратиться и к традиционной трактовке этого числа, согласно которой оно является священным. В данном стихотворении имеет смысл говорить и о традиционной трактовке, и об авторской, так как мир детства – это мир, по которому тоскует ЛГ (несмотря на свои заявления о том, что тоскует лишь о грядущем), мир самый родной для него и, стало быть, действительно священный, и в то же время это мир простой, что тоже очень важно для ЛГ. Согласно мифопоэтической традиции, «три» – совершенное число [12, с. 630].

Далее, уже в следующей части («Земле – земное») в стихах, посвященных поэту и поэзии, вновь двоимирие («... *и рифмами двоит*» [10, с. 159]). Разделение на «этот» и «иной» мир, таким образом, становится отличительной чертой мировосприятия поэта, который именно так и видит мироздание.

Сама по себе четырёхмерность мира – одно из фундаментальных понятий для ЛГ как для поэта (с точки зрения поэзии даже самый распространённый

размер строфы – катрен). Четырёхчастность «Вестника» как полноценного художественного мира связана с этим же.

Число для него имеет прямое отношение к рассудку, то есть к рациональной стороне мышления, логике, всему содержимому левого полушария мозга («Как зрение – сетчатке, голос – горлу, / Число – рассудку, ранний трепет – сердцу» – «Явь и речь» [10, с. 179]). Число сдерживает творческий беспорядок, мировой хаос и приносит, напротив, порядок, космос, логичность. Число обязательно в поэтике А. Тарковского («Не я пять чувств, как пятерню Фома...» [10, с. 179], «Две кисти рук, вы на одной струне...» [10, с. 179], «О, два крыла, две лопасти оплота» [10, с. 180]). К точности ритмического рисунка постепенно добавляется рифма, тем самым укрепляя его внутренний порядок. «Ни смысла, ни числа, ни меры» [10, с. 213], – скажет ЛГ позже, в стихотворении «Сны», описывая отсутствие рациональности, упорядоченности в мире.

Число-шифр (с «реестром судьбы») в стихотворении «Телефоны» («В-1-27-45» напоминает «А-13-40-25» из «Звёздного каталога») – отражение той же функции числа – функции упорядочения. В «Звёздном каталоге» ЛГ сам пытался реализовать эту функцию, используя число как инструмент.

Финал «Вестника» оказывается двояким: с одной стороны, порядок достигнут, а с другой – возвращается грустный для ЛГ мотив ухода лета («Вот и лето прошло...»). Трудно сказать, тяготит ЛГ такая грусть или является для него светлой, но она есть и она закругляет его повествование, позволяя говорить о кольцевой композиции.

Итак, к числу ЛГ обращается за помощью, пытаясь восстановить порядок в своём мире, а мир для него – Красота. Возможно, в пристрастии к числам – приверженность к восточной культуре, в отличие от западной, не сосредоточенной на эгоистическом «я». В то же время в числе отголоски ренессансного мироощущения, открывающего мир, пересотворяющего его: отсюда устремленность в Космос. Число – лучший инструмент рассудка. Число «сто» сакрально для него, вплоть до того, что это, по его словам, количество его жизней. Обозначая временной промежуток, любое число может охватывать и временную сферу. Единица – разгрузочный инструмент, упрощающий мир и избавляющий его от всего лишнего. Двойка – знак двоимирия, а в дальнейшем – двойственности всего. Четвёрка – четырёхмерность мира – основа мировосприятия ЛГ. Тройка – трёхмерная простота отдельных локусов в сравнении с общей четырёхмерностью. Непонятной остаётся природа дробных чисел; мы придерживаемся предположения, что дроби выступают в роли неких ограничителей, но что именно они ограничивают, сказать сложно. Кроме того, для ЛГ найти своё заветное число, одно-единственное из миллионов разных возможных вариантов, выбранное мирозданием специально для него (у каждого человека – своё число), – значит, найти самого себя.

Список литературы

1. Ахматова, А.А. Рецензия на книгу А.Тарковского «Перед снегом» / А. Ахматова // День Поэзии. – М., 1976. – С.188-189.
2. Баратынская, Ж. Поэтика вечного возвращения Арсения Тарковского как феномен конвергентного сознания / Ж. Баратынская. – Gamburg Гамбург, 2011. – 427 с.
3. Больше, чем поэт. Арсений Тарковский. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.liveinternet.ru/users/3737159/post370481900> (15.04.2017).
4. Ветловская, В.Е. Символика чисел в «Братьях Карамазовых» / В.Е. Ветловская // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. – 1971. Т. XXVI. – С. 139-141.
5. Изотова, Н.В. Числовой ряд в диалогическом общении персонажей А.П. Чехова / Н.В. Изотова // Творчество А.П. Чехова: рецепции и интерпретации. Сб. материалов Международной научной конференции. – Ростов-на-Дону: Foundation, 2013. – С. 184-188.
6. Кириллин, В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI-XVII вв.) / В.М. Кириллин. – СПб.: Алетейя, 2000. – 320 с.
7. Непомнящих, Н.А. Семиотика чисел в рассказе Л.Н. Леонова «Деяния Азлазивона»: источники и семантика / Н.А. Непомнящих // Сюжетология и сюжетология. – 2014. – № 2. – С. 22-28.
8. Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. – М.: Интрада, 2008. – 358 с.
9. Саблин, Г. 7 интересных фактов о жизни А. Тарковского / Г. Саблин. [Электронный ресурс]. – URL: <http://russian7.ru/post/7-interesnyx-faktov-o-zhizni-poeta-arseniya-tarkovskogo> (15.04.2017).
10. Тарковский, А.А. Вестник / А.А. Тарковский. – М.: Советский писатель, 1969. – 292 с.
11. Топоров, В.Н. Об ахматовской нумерологии и менологии / В.Н. Топоров // Анна Ахматова и русская культура начала XX века. Тезисы конференции. – М., 1989. – С. 6-14. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.akhmatova.org/readings/conference/toporov.htm>. (15.04.2017).
12. Топоров, В.Н. Числа / В.Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. Т.2. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – С. 629-631.
13. Число – счет – нумерология в славянской и еврейской культурной традициях. – М.: Институт славяноведения РАН; Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2015. – 232 с. – (Академическая серия, вып. 51).

В.В. Худобина
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный университет
Научный руководитель к.фил.н., доцент Е. Ю. Сафронова

ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИГРОК»

Аннотация

В статье приведен разбор правовых проблем, обрисованных в романе Ф.М. Достоевского «Игрок». Вычленены различные уровни правового дискурса данного произведения: аспектуальный (4 аспекта: конструктивно-функциональный, содержательный (информационный), деятельностно-психологический и программирующий), типологический (типология персонажей) и событийный (разворачивание по схеме криминального события).

Ключевые слова: Достоевский, правовая проблематика, роман «Игрок».

В настоящее время все большую популярность приобретают междисциплинарные исследования. Ученые проводят изыскания на стыке литературы и философии, языкознания и психологии и т.д. Одним из актуальных направлений является изучение взаимодействия литературы и права. В частности, множество работ посвящено правовому дискурсу в творчестве Ф.М. Достоевского, автора, который, по словам Е.Ю. Сафроновой, отличается «постоянной литературно-правовой рефлексией» [10, с. 6].

Изучение правовой проблематики произведений Ф.М. Достоевского имеет долгую историю. Еще в 1881 году, всего через несколько дней после смерти писателя, А.Ф. Кони, российский юрист, общественный деятель и литератор, выступил с докладом «Достоевский как криминалист» [6]. В нем дан детальный разбор самого известного «юридического» текста Достоевского – романа «Преступление и наказание».

Чаще всего данная тема рассматривается либо с исключительно криминографических позиций, либо в аспекте изучения проблем преступления и наказания. Исследователей, прежде всего, привлекают те произведения, в которых описаны явные уголовные преступления, уходящие корнями в архетипические представления о преступном деянии вообще: акты убийства, мошенничества и т.д. И поэтому менее исследованными в правовом аспекте остаются те тексты, в которых такие преступления не описываются. К подобным относится и роман «Игрок».

Интересно само название произведения. Первоначально роман назывался «Рулетенбург» [5], что демонстрирует привязку к топосу, растворение индивидуального человека и общества в нем. В конечном итоге автором выбрано наименование «Игрок». Роман называется не «Игра», что описывало

бы общую стихию рулетки, не «Игроки», как изображение повального увлечения азартными играми, а именно «Игрок», один человек, беззащитный, волею судеб оторванный от родной «почвы». С другой стороны, в таком названии «Игрок» без уточнения имени подчеркнут именно тип, один из многих. Кроме того, в названии заложена идея контраста между правовыми системами Европы и Российской империи: европейскому праву, в условиях которого действует главный герой, присущ индивидуализм. В России же не было личности как субъекта права, ответственность была общинной, сословной. Герои, находясь за границей, чувствуют отдаленность от родных им принципов, становятся друг другу чужими, действуя индивидуально и в рамках исключительно своих интересов.

Е.Ю. Сафронова в статье «Право в художественном сознании Ф.М. Достоевского» [11] выделяет четыре аспекта рассмотрения художественного сознания Достоевского: конструктивно-функциональный, содержательный (информационный), деятельностно-психологический и программирующий. Прикладывая данную аспектуальную схему к роману «Игрок», мы получаем стройную картину нарративного пространства данного романа.

Правовые проблемы и их разрешение являются сюжетными узлами романа. Всего их можно выделить четыре:

- 1) ситуация с наследованием состояния бабушки и мошеннический план Бланш по присваиванию этого состояния себе;
- 2) история с баронессой Вурмергельм и последующий конфликт с генералом по поводу юридической самостоятельности Алексея Ивановича;
- 3) эпизоды игры в рулетку (законность / незаконность игровой деятельности);
- 4) эпизод тюремного заключения главного героя за неоплаченный долг и последующий выкуп, как предполагается, Полиной.

Первая правовая ситуация вместе с приездом Алексея Ивановича составляет завязку романа. Наряду с этим он высвечивает истинное лицо многих героев: практически все нетерпеливо ждут смерти бабушки, надеясь заполучить часть её наследства. Генералу деньги нужны для женитьбы на любимой им француженке Бланш. Сама Бланш надеется после свадьбы отписать наследство в свою пользу. Де Грие рассчитывает на часть денег, полагающуюся Полине. Бескорыстными в этом отношении являются лишь три человека: Алексей Иванович, Полина и англичанин Астлей.

История с оскорблением баронессы Вурмергельм показывает, насколько тяжкими по сравнению с нашим временем были преступления, касающиеся чести и достоинства. Генерал всеми силами пытается замять дело, которое парадоксальным образом может нанести урон репутации Бланш: её уже выдворяли из города за попытку соблазнить, а затем обокрасть барона Вурмергельма, и теперь, в положении невесты генерала, новый скандал, спровоцированный представителем генеральского дома, был ей нежелателен. Как отмечает И.В. Рейфман, «важнейшая особенность дел чести в

произведениях Достоевского – это то, что они, в сущности, никогда не завершаются» [7, с. 182]. Эта особенность реализуется и в данном эпизоде: дуэли между Алексеем Ивановичем и бароном Вурмергельмом не происходит, конфликт попросту затухает, его результатом является лишь увольнение главного героя с должности домашнего учителя. Стоит подчеркнуть, что преступление было совершено Алексеем Ивановичем «по страсти»: так ему приказала сделать Полина, предмет его поклонения и обожания. И он сделал это, он подошел к баронессе с оскорблениями, намеренно говоря на другом диалекте немецкого языка. Учитель задел чужое достоинство, одновременно потеряв свое во власти любви к Полине. Но несмотря на это, Алексей Иванович был готов к дуэли, к защите своего личного пространства: «завтра поутру потребую у барона, от своего имени, формального объяснения причин, по которым он, имея дело со мною, обратился мимо меня к другому лицу, точно я не мог или был недостойн отвечать ему сам за себя» [12, с. 621]. Герой мог вызвать на дуэль и Загорянского: «только одно мое безграничное уважение к вашим достоинствам останавливает меня потребовать от вас теперь же удовлетворения и дальнейшего отчета в том, что вы взяли на себя право за меня отвечать» [там же].

В монографии Е.Ю. Сафроновой «Дискурс права в творчестве Ф.М. Достоевского 1846–1862 гг.», отмечается, что «по законодательству того времени иски по защите личного достоинства имели сословные ограничения и могли быть возбуждены только дворянами» [10, с. 128]. В этой связи становится ясной непонятная поначалу ситуация, в которой генерал пытается уладить конфликт с четой Вурмергельм без участия зачинщика конфликта, Алексея Ивановича. Здесь Достоевским обрисовано бесправное положение домашнего учителя, который пытается доказать всем, что он сам «лицо юридически компетентное». Но не только отличное от дворянского происхождение довлеет над героем. Присутствует в романе еще одна сила, во власти которой, по словам Э.М. Румянцева, находятся все герои: сила денег [8, с. 114]. Герои являются и преступниками, и жертвами, не властными над своими судьбами.

Перенос действия романа в европейскую страну, Достоевский показывает разницу в правовом положении рулетки за рубежом и в Российской империи. Согласно Уложению о Наказаниях уголовных и исправительных (редакция 1857 года), за участие в запрещенных играх (например, в карты, кости) грозил штраф до пятисот рублей, а за повторные нарушения – арест до семи недель. В то же время за границей рулетка процветает: в центре замкнутого городского пространства Рулетенбурга царит тот самый *вокзал*, практически в любое время дня и ночи распахивающий свои двери все новым и новым зачарованным губительной силой рулетки. Этот вымышленный городок живет одной лишь игрой, и поэтому, по словам Л.М. Ельницкой, «воспринимается «порогом» между бытием и небытием, т.е. действительностью призраков, обманов, причудливых метаморфоз» [4, с. 22]. Вокзал так же ассоциируется с

изменением ситуации, исчезновением / появлением чего-либо. И в этом смысле его можно соотнести с рулеткой: она равным образом является порогом, за которым лишь небытие, полное подчинение воли и разума игре.

Эпизоды с рулеткой наполняются метафизическим звучанием: игра ставится на одну чашу весов с любовью, высшей человеческой ценностью. В определенный момент азарт любовного чувства отходит на второй план, оставляя место другому, оказавшемуся более сильным азарту от игры в рулетку; игра-страсть заменяется игрой-рулеткой. Рулетка здесь не просто азартное времяпрепровождение, она – метафора жизни, её равномерного покачивания, тасования удачи и неудачи, её абсолютной непредсказуемости.

В Библии нет прямого запрета на азартные игры, однако желание обогатиться, приводящее людей за игровой стол, порицается, «ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям» (1 Послание Тимофею 6:9). Следовательно, игру в рулетку можно считать проявлением греховного желания: игрок, садясь за стол, отдает себя во власть дьявола, полагается на удачу, отказываясь от веры в Бога. В.А. Бачинин писал о том, что «преступление не просто грех, а его предельная форма» [1, с. 230], и с данной точки зрения эта азартная игра является преступлением, за которое герой терпит страшное наказание – разрушение собственной личности, фатальное её подчинение игре.

Эпизод тюремного заключения главного героя в Рулетенбурге лишь вскользь упомянут в последней главе его записок. И это неслучайно: таким способом нам говорится о том, что подобные случаи стали типичными для Алексея Ивановича, полностью отдавшего свою жизнь во власть игры, утратившего «четкое ощущение себя и своего места в мире» [2, с. 246].

Описанная Е.Ю. Сафроновой типология персонажей правового дискурса также просматривается в «Игроке». Алексей Иванович представляет собой типичный образ «честного вора», человека, совершающего проступки не со зла, а из-за довлеющей над ней жизненной ситуацией. Один из главных факторов, управляющих жизнью учителя, – страсть к Полине, следовательно, герой вмещает в себя и черты жертвы, подчиняющейся обстоятельствам. Сама же Полина – роковая красавица, которая иногда способна на сострадание и истинные чувства. Но под тяжестью жизненных обстоятельств она вынуждена скрывать свое истинное лицо под маской властной гордячки, второй Настасьи Филипповны, героини романа «Идиот».

Наряду с сюжетно-правовыми узлами в романе можно найти и структуру иного типа. «Игрок» разворачивается по «схеме криминального события» [10, с. 151], типичной для многих произведений Достоевского: просьбы Полины выиграть ей денег в рулетку (искушение) – сама игра, поглощающая все мысли героя (преступление) – скитания по разным странам (наказание). Как видно, элемент покаяния отсутствует: как пишет В.И. Габдуллина, «к осознанию необходимости покаяния и воскресения одержимый идеей игры герой не

способен, принимая за воскресение иллюзорную возможность отыгаться на рулетке» [3, с.191].

Роман «Игрок» во многом автобиографичен. Это касается, прежде всего, детального изображения игровой зависимости, от которой страдал и сам писатель. Как пишет Л.И. Сараскина, «Игрок» стал романом-игрой, в котором писатель-игрок не только сочувствует герою-игроку, но и играет вместе с ним» [9, с. 395]. Также Алексей Иванович попадает в любовную историю, подобную той, что произошла в жизни Достоевского. Речь идет о его взаимоотношениях с Апполинарией Суловой, прямым прототипом Полины Александровны. Исповедальная форма записок, в которой выдержан роман, также указывает на доминирование биографического аспекта в сюжетной канве этого произведения.

Таким образом, правовой дискурс романа «Игрок» обеспечивает его четкую структуризацию, позволяя главной идее этого произведения – идее страсти к игре – разворачиваться в контексте правовой ситуации 60-х гг. XIX века. Затрагиваемые Достоевским правовые проблемы наследства, чести и достоинства, игры в рулетку и долговых тюрем демонстрируют преимущественно правовую направленность художественного сознания писателя, специфическим образом преломленного в романе «Игрок».

Список литературы

1. Бачинин В. А. Достоевский: метафизика преступления (художественная феноменология русского протомодерна). — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. — 412 с.
2. Бузина Т.В. Судьба и случай: разрушение героического фатализма в «Игроке» / Достоевский и мировая культура. — 2016. — № 33. — С. 246-257
3. Габдуллина В.И. Притчевая стратегия авторского дискурса в романе Ф.М. Достоевского «Игрок» // Проблемы исторической поэтики. — 2011. — №. 9 — С. 191-200
4. Ельницкая Л.М. Хронотоп Рулетенбурга в романе Достоевского «Игрок» / Достоевский и мировая культура. — 2007. — № 23. — С. 16-22
5. Кийко Е.И. Комментарий к роману «Игрок» / Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. — СПб.: Тип. Ф. Стелловского, 1866. — С. 5-63
6. Кони А. Ф. Федор Михайлович Достоевский / Кони А.Ф. Воспоминания о писателях, сост., вступ. ст. и комм. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова. — М.: Правда, 1989. — 496 с.
7. Рейфман И. В. Ритуализованная агрессия: Дуэль в русской культуре и литературе. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — 336 с.

8. Румянцева Э.М. Проблема преступления и наказания в творчестве Достоевского / Анализ художественного произведения: Худож. произведение в контексте творчества писателя: Кн. для учителя / Е.И. Анненкова, Э.М. Румянцева, М.Л. Семанова и др.; Под ред. М.Л. Семановой. – М.: Просвещение, 1987. – 176 с.
9. Сараскина Л.И. Магический реализм романа Ф.М. Достоевского «Игрок» как феномен «опасного» творчества / Достоевский и мировая культура. – 2003. – № 17. – С. 389-398
10. Сафронова Е.Ю. Дискурс права в творчестве Ф.М. Достоевского 1846–1862 гг: монография / Е. Ю. Сафронова; под науч. ред. С. М. Козловой. — Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2013. — 182 с.
11. Сафронова Е.Ю. Право в художественном сознании Ф.М. Достоевского // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2012. – № 3 (118). – С. 147-157
12. Ф.М. Достоевский. Игрок / Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. Т. 4. – 783 с.

В. А. Паскаль
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель к.филол.н., доцент Т. А. Богумил

ПОЭТИКА НОМИНАЦИЙ В ДРАМЕ Э. РАДЗИНСКОГО «104 СТРАНИЦЫ ПРО ЛЮБОВЬ»

Аннотация

Статья знакомит с поэтикой номинаций в пьесе Э. Радзинского «104 страницы про любовь». Устанавливается содержательность отсутствия списка действующих лиц. Дается этимология имён ключевых действующих лиц, выявляется связь значений и форм имён собственных с характерами персонажей, их систематикой и сюжетом.

Ключевые слова: имя, номинация, афиша, Э. Радзинский, архетип.

Как известно, в драматическом тексте автор проявляет себя в рамочных компонентах: список действующих лиц, ремарки и пр. Через взаиморасположение персонажей в афише выражается авторское видение мира и места человека в нём [1, с. 12].

В пьесе «104 страницы про любовь» списка действующих лиц нет, что не характерно для драмы. Но и такой авторский ход имеет значение. Отсутствие афиши, с одной стороны, говорит о самоустранении автора. Таким образом, все творческие интенции отданы читателю (зрителю). С другой стороны, это отражает хаотичное строение мира, а также снимает любую иерархию. Все действующие лица становятся равнозначными, равноправными в плане

организации сюжета, выражения авторской позиции. Постепенно из хаоса творится космос, мы знакомимся с героями по ходу действия. Творение не заранее создано, а как будто создаётся сиюминутно:

«Парень. Как вас зовут?

Девушка. Наташа.

Парень. А меня – Евдокимов» [2, с. 13].

Знакомство персонажей синхронизируется со знакомством с ними зрителей. Возникает эффект соприсутствия, вовлечения зрителя в события.

Кроме того, имя и фамилия делают человека несвободным: «Человек – не тот, кто он есть на самом деле, а тот, кем он мечтал стать. А вот встретишь незнакомого человека – и ничего он о тебе не знает, и ты можешь держать себя с ним так, будто всё у тебя вышло. С незнакомыми людьми легко» [2, с. 11]. В момент открытия имён происходит сближение героев, между ними возникает доверие. Так, Евдокимов рассказывает об истории получения своеобразного имени Электрон: «Меня зовут довольно нелепо... Видите ли, я появился на свет, когда моя мать защищала кандидатскую... У неё было плохо с юмором... Короче, меня назвали Электроном. Электрон Евдокимов» [2, с. 22].

Первоначальная номинация героев по гендерному признаку – «парень», «девушка» – придает происходящему универсальный характер. Ту же функцию выполняет цифровой элемент в названии пьесы «104 страницы про любовь». Будто цифра – это диаметр круга, а «страницы» – часть мира человека, часть его души, истории любви. Отсутствие афиши объясняется и тем, что данная история актуальна всегда, во все времена, между всеми живыми существами, населяющими этот мир, поэтому не имеет смысла указывать конкретные имена. На универсальность истории указывают предваряющий действие «текст в тексте» – стихотворение «Мотогонки по отвесной стенке в Огайо» [2, с. 5], интерпретирующее авторское видение любви и жизни. В стихотворении представлены мотогонки как образ жизни, а человек в ней – мотоциклист. Получается, что жизнь – это спорт, в котором люди соревнуются на скорость в прохождении трассы: «Мы – мотоциклисты – / Мчимся вверх, / Ввинчиваясь в стенку / Круг за кругом». С образом мотоцикла возникают ассоциации свободы, риска и желания успеть. Успеть сделать всё то, что хочется, поэтому говорится не столько о соревновании людей друг с другом, сколько о соревновании людей с самой жизнью, с отведённым временем. Причём словосочетание «круг за кругом» указывает на цикличность этого процесса «соревнования». «Над нами звёзды, / А внизу – огонёк у входа, / Так похож на червовую карту / Или – проще – на чьё-то сердце», – в этих строках конкретизируется, что нужно успеть сделать – испытать любовь. Но, чтобы успеть до того как у «шалых мотоциклистов», «играющих с судьбою в червовую карту», погаснет «сердце у входа» и до того как они станут «толстыми» необходим мотоцикл, о котором искренне мечтает Наташа: «А я хочу купить себе мотороллер» [2, с. 23]. Тем самым она выражает желание влюбиться. Интересно и то, что одно поколение «мотоциклистов» сменяет другое, как род человеческий: «Как другие

мальчишки, / Круг за кругом, / Рвутся к звёздам / По отвесной стенке». И заключительное «Но пока... / Мы – мотоциклисты» наталкивает на ключевой момент, который можно представить в виде латинского афоризма *carpe diem* («лови мгновение»). Выходит, пока существуешь, не теряй времени и спеши любить.

Главные герои пьесы – Евдокимов и Наташа – двое влюблённых. Каждый из них связан со своим кругом персонажей. Говоря о взаимоотношениях персонажей, нельзя не отметить «броуновского движения» в сфере любовных отношений. Постоянно образуются «любовные треугольники», где он любит (любил) ее, а она любит другого, и с переменной слагаемых по гендерному признаку: Феликс – Наташа – Электрон, Карцев – Наташа – Электрон, Мышь – Карцев – Наташа, Электрон – Галя – Владик, Семенов – Галя – Владик. Так создаются миры Евдокимова и Наташи, пересекающиеся в одном персонаже – Феликсе.

Рассмотрим семантику имен ключевых действующих лиц.

Феликс (от лат. *felix* – «преуспевающий», «счастливый», «плодородный») – везунчик, счастливчик [3]. В нём заключено прошлое Наташи, одновременно и её настоящее с Евдокимовым. Феликсу она присылает цветы на каждый день его рождения, это один из атрибутов Наташи: она пытается принести человеку счастье, руководствуясь выражением «мелочь, а приятно». И никакого подтекста в этих действиях нет, они бывшие влюбленные, а теперь всего лишь соседи. Его «удачность» и «счастливость» вносит свои коррективы в отношения влюблённых: через ревность к Феликсу Евдокимов осознаёт серьёзность своих чувств к Наташе.

Наталья (от лат. *natalis* – родной) – «благословенная», «рождественская» [3]. Благословенный человек – тот, который несёт добро, счастье. Наташа приносит счастье Евдокимову в его карьере. Также она «благословит» Карцева и Феликса своим поцелуем. Этим жестом она выражает свою жалость к любящим ее, но нелюбимым ею людям. Не случайно Феликс называет Наташу святой Боннеттой [2, с. 64], которая является покровительницей путешественников, курьеров, стюардесс. Это имя этимологически близко значению имени героини – от лат. *bonus/bona* – «добрая, хорошая» [3]. Словом, Наташа разделяет несчастье людей, даруя благо. При этом о себе героиня утверждает, что «она несчастная» [2, с. 16]. Возможно, по отношению к ней самой значение её имени и не действует. Значение имени Феликс, аналогично, играет не на своего владельца, а испытывает чувства Наташи и Евдокимова.

В связи с данным именованим – святая Боннетта – прослеживается и христианский код, который объясняет Наташину противоречивость в плане любовных отношений. С одной стороны, она согласна на свободные отношения и старается не обременять своего партнёра проблемами и собой в целом. С другой стороны, святость предполагает аскезу и отказ от чувственной любви, что ведет к восприятию героиней себя как грешницы.

Помимо этого со святой Боннеттой связан и мотив видений. Наташа в самом начале пьесы признаётся в том, что ей каждую ночь снятся сны. Одно из таких сновидений становится пророческим: «Ночь. Поле. Какой-то кол. Почему-то каска. Она звонит на колу от ветра. Как колокол» [2, с. 24]. Видимо, здесь содержится намек на известную цитату из стихотворения Дж. Донна, ставшую названием романа Э. Хемингуэя: «По ком звонит колокол». Иными словами – кому предвещается смерть. Сон, рассказанный в момент знакомства с Евдокимовым, воплощается в самом конце, когда герои поставили все точки над «i» в своих отношениях, признались друг другу в любви. В день, когда Евдокимов и Наташа должны были встретиться после его рискованного эксперимента на «Альфе» и ее полёта в Брюссель, Наташа погибает. Мышь рассказывает Евдокимову о случившемся: «Они сели на аэродром. Я как раз была на поле. У них загорелось» [2, с. 125]. Поле, сначала сновидение, стало трагичной реальностью для Наташи. А колокол, звеневший во сне, был, таким образом, предупреждающим, предвещающим гибель.

После первой ночи с Наташей Евдокимову впервые в жизни приснился сон. Так в нём открывается бессознательное, что не подвластно контролю. И это не свойственно Евдокимову, так как он привык относиться ко всему окружающему как к чему-то временному, а свои чувства держать «в узде». Данные изменения в герое пробуждает именно Наташа. Здесь воплощается наименование Наташи как «тургеневской барышней», которая характеризуется такими качествами как нравственная сила, взрывная экспрессивность, жертвенность, мечтательность. Такой характер создает «тургеневского юношу». Наташа видит в Евдокимове то, что он сам не способен осознать.

Евдокимов выделяется из всех персонажей своим необычным именем – Электрон. Следовательно, это имя особенно важно, служит ключом для понимания логики отношений персонажей. Электрон «прячется» под своей фамилией Евдокимов (с греч. «славный») [3], изображая себя идеальным, независимым от эмоций. Он любит, когда его называют по фамилии, стесняется собственного имени. Суффикс «-ов-» имеет значение принадлежности, либо отношения к кому-то. Так подчёркивается масочность данного персонажа. Его маска не совсем сливается с его настоящей сущностью, и он мечется между показными качествами и реальными, от «лапочки» до «кретина»: «Евдокимов – лапочка. Евдокимов – дуб. Евдокимов – душечка. Евдокимов – кретин» [2, с. 33].

Отношения людей в пьесе организованы по закону «единство противоположностей». Значение имён Феликса и Наташи очень близки: «счастливчик» и «приносящая счастье и добро». Поэтому-то персонажи в итоге и стали по разные стороны, разъединились. Плюс на плюс отталкивает, а не объединяет.

Значение притяжения противоположностей отражено в имени Евдокимова: Электрон (от греч. «янтарь») [3]. Янтарь как материал имеет свойство притягивать другие предметы. Имя «Электрон» вызывает ассоциации

с физикой. Как известно, атом состоит из электронов – отрицательно заряженных частиц, протонов – положительно заряженных частиц и нейтронов – нейтральных частиц. Протоны и электроны имеют свойство притягиваться, поэтому атом в целом не только нейтральный, но и устойчивый. Эти частицы лишь по знаку разные, но по значению совершенно одинаковые.

Электрон притягивается к Наташе, как к положительно заряженной частице. Тем самым, они дополняют друг друга, становясь единым целым: она начинает говорить, а он – заканчивает, она сомневается в выборе решения, а он его смело принимает. При этом почти каждая их встреча заканчивается ссорой или недосказанностью. Ощущается тяжесть. Это можно объяснить тем, что Наташа очень близко перенимает качества Электрона. До такой степени, что начинает не только говорить его словами, но и думать. Будто уподобляется ему, теряя своё «я», и становится отрицательно заряженной, как и он сам. И минус на минус даёт эффект разъединения, что и плюс на плюс.

В тот момент, когда Наташа точно понимает, что они с Электроном разные, как и предрекал встретившийся им вначале Гражданин, она осознаёт и свои чувства к Электрону, свою любовь. Она даёт ему своё благословение в виде значка птицы, которая ассоциируется с полётом и является покровительницей Наташи и всех бортпроводников. Так, отдавая «птичку», Наташа отдаёт себя Электрону и впоследствии «сгорает», не имея при себе покровителя. Самое важное, что Наташа это предчувствовала и стоически принимала свой возможный исход, что снова является отсылкой к христианскому коду, мотиву святости и мученичества.

Следует сказать и о персонаже, названном «Гражданин». Вначале он даёт точные характеристики основным персонажам: «Вся история человечества началась с яблока. Прекрасно... Вы добрая. А он злой. Вы от Чернышевского. А он от Достоевского» [2, с. 19]. Говоря о Наташе, как о персонаже «от Чернышевского», подразумевается её самостоятельность и независимость. В случае персонажа Евдокимова как «от Достоевского» имеется в виду его мечтательность и деятельность. Таким образом, Гражданин подводит к тому, что они разные, но при этом они вместе – такова история человечества: «Тысячелетняя поэма. И он увел ее, как Ромео увел Джульетту... как Фауст увел Маргариту... и еще кто-то увел еще кого-то» [2, с. 20]. Не случайно Гражданин говорит, что «для иллюзии нужны двое» [2, с. 124], «рифмуя» при этом имена главных персонажей, живущих в 60-е годы XX века, с именами-архетипами, создающими «иллюзию», характерную своему времени (иллюзия в данном контексте понимается как синоним процесса творчества и любви). Заметим и то, что атрибутом Наташи, помимо птицы-брошки, является яблоко. Яблоки она привозит после каждого своего путешествия то из Ташкента, то из Адлера. Яблоко – известный символ познания добра и зла, связанный с хронотопом рая и с сюжетом об изгнании из него. В контексте пьесы, как видится, рай – состояние гармонии, единения влюблённых, а сюжет изгнания реализуется как утрата любимого. Иллюзия рая для двоих рушится при потере Наташи.

В процессе смены номинаций персонажей (Парень → Евдокимов → Он → Голос Евдокимова; Девушка → Наташа → Она → Её голос) прослеживается логика смены имён: универсальное – частное – универсальное. То есть, некая пара (парень-девушка), наделяется конкретикой (Евдокимов-Наташа), погружается в контекст эпохи, а затем происходит её развоплощение (переход в голоса). Таким образом, исчезает конкретность, частность, и определённая ситуация ставится уже в ряд мировых историй любви с трагическим концом в финале.

Поэтому Гражданин, появляясь в начале пьесы, «открывает» первую страницу про любовь, а в заключении своим присутствием будто бы ставит точку. Так как уже в названии пьесы заложена семантика «границы», «цикличности», он закольцовывает данную историю. Намёк на повторяемость, бесконечность этой истории состоит и в том, что подруга Наташи Лилька даёт своему ребёнку имя Электрон, считая это имя «необычным» и «современным». Возникает преемственность, своеобразная реинкарнация, что отражено в конце, когда Наташа и Электрон превращаются в голоса, становясь бестелесными, существующими на метафизическом уровне. Их любовь вечна, не имеет телесных границ. Она была, есть и будет в любой другой истории, на любых других жизненных страницах про любовь.

Список литературы

1. Дубровская В.В. Литературоведение: художественный мир : учебно-методическое пособие / В.В. Дубровская; прим. и библиогр. Т.А. Богумил. – Барнаул : АлтГПА, 2014. – 123 с.
2. Радзинский Э. 104 страницы про любовь / Эдвард Радзинский. – Москва : АСТ, 2007. – 126 с.
3. Европейские имена: значение и происхождение. – URL : <http://kurufin.ru/index.html> (дата обращения: 11.04.2017)

*А. Шелепова
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель д. фил. н., профессор А. И. Куляпин*

РЕАЛИЗАЦИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО ОБРАЗА КРАБА ЧЕРЕЗ ИНДУИСТСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ ЮРИЯ ДОМБРОВСКОГО «ФАКУЛЬТЕТ НЕНУЖНЫХ ВЕЩЕЙ»

Аннотация

Роман «Факультет ненужных вещей» – вершина творчества писателя Юрия Осиповича Домбровского. Сюжет романа зиждется на библейских мотивах: красной нитью через весь роман проходит мотив предания Иисуса Христа Иудой, стремление главного героя – археолога Георгия Зыбина –

вернуть в устоявшийся антихристианский сталинский режим гуманистические, христианские ценности. Но роман уникален тем, что подобен бриллианту – также многогранен. В нем органично уместаются символы не только христианства, но и язычества, буддизма, индуизма. В данной статье проанализированы и описаны эпизоды и образы, связанные с индуизмом, их место и значение в конкретном фрагменте, характеристика Георгия Зыбина через индуистские символы.

Ключевые слова: символ, образ краба, двойник, теория бесконфликтности, лакировка действительности, Шива, тамас.

«Факультет ненужных вещей» - это вторая книга дилогии Домбровского (первая – «Хранитель древностей»), вышедшая в свет на русском в 1978 году, и то во Франции. В СССР он был издан только лишь 10 лет спустя [1]. Юрий Осипович начал писать роман в 1964 году. Закончил в 1975 году.

Роман богат на символы. Он буквально изобилует ими, причем разнородность символов поражает своим разнообразием.

Реализацию некоторых смыслов предлагаем рассмотреть в необычном ключе: трактовка их будет связана с индуистским началом в произведении, которое имеет место быть в тексте в конкретных эпизодах. Ранее это явление описано не было.

Внимание хотелось бы остановить на образе краба. Краб занимает одно из ключевых мест в системе символов. Он играет одну из самых важных ролей в произведении – является двойником главного героя романа Зыбина Георгия Николаевича. Доказательством этому являются следующие эпизоды.

1. «Вот крабов было тут больше всего – наверно, сотни, – всяких: желтых, красных, розовых, багровых, почти черных – их притаскивали из дома на лотках и осторожно расставляли по циновкам... Так они стояли на колючих ножках, сверкали лаком, походили то на туалетные коробки, то на туфельки-баретки, то на огромные круглые пудреницы, и вокруг них всегда толпились курортники. <...> ему тоже до зарезу нужен был краб, но не такой, как тут, а настоящий, черный, колючий, в шипах и натеках, с варварски зазубренными клешнями, в зеленых подводных пятнах на известковом шишковатом панцире – но именно таких на базар-то и не выносили».

Базар выступает в данном случае как человеческое общество, а крабы, находящиеся там, - люди, живущие и крутящиеся в нем. В эпизоде крабы на циновках похожи на что угодно, но не на крабов: туалетные коробки, туфельки-баретки, круглые пудреницы. Крабы – существа живые, а предметы, с которыми они сравниваются во фрагменте, – неодушевленные, это вещи. Крабы выглядят очень празднично, именно поэтому они привлекают внимание

курортников. «Праздничность» является маской, под которой скрываются это самая «неодушевленность». Но краба похожего на краба, краба «настоящего, черного, колючего, в шипах и натеках, с варварски зазубренными клешнями, в зеленых подводных пятнах на известковом шишковатом панцире» не выносят на базар. Его внешние черты слишком отличаются от черт вышеназванных крабов: он вызывает страх, он не такой праздничный, не такой яркий, он вооружен клешнями и панцирем. Отдыхающие безусловно не приобретут такого краба. Его не выставляют на базар, потому что он не такой как все. Он другой. Но именно так выглядит *настоящий* краб, об этом сказано даже во фрагменте: «<...> ему тоже до зарезу нужен был краб, но не такой, как тут, а *настоящий*». Настоящий краб противопоставляется ненастоящим, праздничным крабам.

Обратить внимание хотелось бы и на то, что праздничные крабы «сверкали лаком». Крабы лакировались, чтобы выглядеть праздничнее, красивее. Но под лаком оставался все тот же настоящий краб: колючий, с шипами, черный. Попытка продавцов скрыть настоящую непривлекательную внешность краба под слоем лака. Крабы, покрытые лаком, - это метафорическая аллюзия на явление, возникшее в советской литературе под название «лакировка действительности». Стремление советских властей показать через самые воздействующие источники – СМИ, литература – не всю трагичность обстановки, не насущные проблемы, требующие незамедлительного решения для блага общества, не горькую правду, а красивую, обнадеживающую картинку, характеризующую обстановку в лучшем беспроблемном, бесконфликтном, непротиворечивом свете. Создавалась иллюзорная действительность, то есть как «должно быть», когда на деле все было по-другому, не так «прекрасно». «Брежнев делал глубокомысленный вывод о «построении общенародного государства», а на Западе «обзывали» это государство тоталитарным» - пишет в своей книге «Да здравствует «Застой»!» Андрей Буровский [4]. Рядом с этим термином стоит еще один – теория бесконфликтности. «В наиболее обнаженном виде Б. «т.» проявилась в период культа личности И. В. Сталина как непосредственное порождение атмосферы парадности, настроений самоуспокоенности и показного благополучия, которые насаждались в эти годы. <...> В соответствии со своими взглядами сторонники Б. «т.» в литературе превозносили такие произв., в которых сов. действительность, трудная, полная героизма борьба народа за социализм и коммунизм, изображались поверхностно, в «облегченном виде», как праздничное шествие «от победы к победе», на эти произв. ориентировали творческих работников и читателей» - говорится в словарной статье «Краткой литературной энциклопедии» [5].

Исходя из вышеперечисленного становится очевидным, что крабы – это тот самый «факультет ненужных вещей», это толпа бюрократов и сталинских подчиненных, а настоящий краб – Зыбин, который противится и противостоит

толпе, который вооружен, как и краб, истиной, своей трезвостью ума и взгляда на происходящее, на ситуацию. Зыбина – несоветского человека – изолируют от советского общества, как краба изолируют и не выносят на базар, потому что он *настоящий*. Яркое противопоставление человека и толпы.

Краб – это двойник главного героя Георгия Зыбина. Настоящий краб в данном фрагменте – символ истины, символ настоящего.

Еще одним ярким доказательством метатекстовой линии двойничества является заточение Зыбина и краба. Для Георгия Зыбина заточением явились камера и карцер, для краба – кровать. В этой сюжетной линии наблюдается интересная закономерность, на которую мы обратили внимание: краба под кровать посадил Георгий Зыбин, являющийся двойником этого самого краба. Из этого следует вывод, что в заточение, то есть в тюрьму, Зыбин угодил не только лишь по прихоти властей : и собственные промахи привели его к аресту (бегство вместе с Кларой на Или, например).

2. «Краб неделю просидел под кроватью – он сидел все в одном и том же месте, около ножки кровати, и когда кто-нибудь наклонялся над ним – с грозным бессилием выставлял вперед зазубренную клешню. На третий день около усов показалась пена, но когда Зыбин к нему притронулся, он пребольно, до крови заклешнил ему палец. Тогда Зыбин ногой задвинул краба к самой стене – вот он там сначала и сидел, а потом лежал. На пятый день его глаза проросли белыми пятнами, но только Зыбин притронулся к нему, как он выбросил вперед все ту же страшную и беспомощную клешню (ох, если бы он умел шипеть!). На панцире тоже появилось что-то вроде плесени. На седьмой день Зыбин утром сказал Лине: «Больше я не могу – вечером я его выпущу».

В данном фрагменте краб ведет себя точно так же, как Зыбин вел себя во время ареста: то сидел, как Зыбин в камере, то лежал, как в карцере, то клешню выбрасывает – обороняется, как Зыбин на допросах. Глаза краба покрылись пятнами, будто бы ослеп. То есть он перестал видеть мир вокруг себя, как Зыбин перестал ощущать реальность и воспоминания о Лине, море, о чем также говорят его видения о Сталине. И к морю краба уносит никто иной как сам Георгий Зыбин. Краб боролся все эти дни со средой, которая ему чужда, и победил. Зыбин боролся в тюрьме со средой, которая ему чужда, и его выпустили на свободу.

В данном эпизоде краб – символ борьбы, символ противостояния.

Как мы указали выше, в произведении есть упоминание индуистской религии, а конкретнее – упоминается один из богов тримурти – идол Шива.

3. « <...> в середине ее сидел краб-крабище – царь крабов, крабий монарх этих берегов, огромная колючая уродина с зелеными змеючими глазами.

Вода не хлынула в ямину, и он так и остался сидеть, а когда Буддо наклонился, этот черт вдруг чуть не с шипом подскочил и выбросил уродливую шишковатую клешню, точь-в-точь заржавевшую скифскую железку. *Сейчас он походил на индийского многорукого идола – бога Шиву, что ли? – черного, древнего и страшного».*

Яркое сравнение краба с богом Шивой неслучайно. Если автор сравнил краба с ним, а Зыбин – двойник краба, то и сам Зыбин вправе называться идолом и сравниваться с многоруким богом.

Бог Шива – довольно противоречивый образ. Одновременно является носителем и созидательного, и разрушительного начал. Согласно индуисткой религии, Шива появляется там, где есть страдания. Шива разрушает мир страданий и создает другой мир, характеризующийся отсутствием этих самых страданий. Образно индуистского бога можно назвать разрушителем разрушений [2].

«Он – каратель всего живого, носитель разных видов оружия, воитель и вместе с тем хранитель лекарств, исцелитель, защитник скота» – пишет в своей книге Григорий Бонгард-Левин о Шиве [3]. В один ряд становятся слова, стоящие по своей семантики на двух противоположных сторонах. Каратель, но исцелитель. Воитель, но защитник. То есть в себе идол совмещает 2 разные ипостаси, одна из которых несет негативную нагрузку (разрушение), а вторая несет положительную нагрузку (созидание).

Георгий Зыбин характеризуется ровным счетом также – он стремится противостоять деспотическому, тираническому правлению в стране, он пытается открыть глаза людям на их существование. Зыбин хочет сломать, разрушить мир страданий – сталинский режим, он мечтает, как гуманист, о новом мире и является его пропагандистом, о мире демократии, где голосом будущего станет народ.

Шива обладал одним из трех основных качеств бытия, которые есть в каждом человек, согласно индуисткой религии, – тамасом [3]. Среди трёх гунн тамас является самой негативной. Основными ее характеристиками принято считать в первую очередь невежество, которое развивает впоследствии тьму, смерть, разрушение, лень, безумие и т.п. Характеристика невежество полностью реализовывается в романе Георгием Зыбиным. В толковом словаре

Ожегова «невежество» – это отсутствие знаний. Мы не хотим сказать о том, что Зыбин был недостаточно образован, наоборот, имел блестящее образование, глубокие познания в различных областях наук, широчайший кругозор. Но если обратить внимание на иллюстративную зону в словарной статье, обнаружим следующее «Обнаружить свое невежество в чем-нибудь» [6]. Георгий Зыбин обнаружил свое невежество в причине его ареста. Показателен диалог Буддо и Зыбина в камере:

- <...> А что они вам предъявляют? [Буддо]

- Не знаю. [Зыбин]

-И даже приблизительно не догадываетесь? [Буддо]

- Нет. [Зыбин]

Незнание причины, вечный ее поиск привели к развитию следующих характеристик гунны, которые сформировали внутреннее состояние Зыбина, когда он находился в тюрьме: лень – вечное сонное самочувствие героя, обусловленное тяжелой усталостью, причем не только физической, но и моральной; безумие – его видения, в которых он разговаривал с вождем, порицал его; тьма – в данном случае она является синонимом к невежеству, то есть незнание того, что ждет его в дальнейшем.

«Оказавшись под преобладающим влиянием гуны невежества, о сын Куру, человек погружается во тьму, делается сонным, утрачивает разум и становится жертвой иллюзии» - говорится в Бхагават-Гита [7].

То есть в данном эпизоде краб осмысляется как символ двух противоположных полюсов – разрушительного и созидательного.

Зыбина на протяжении романа называют хранителем древностей. «А по-нашему – хранитель древности» – представляет его директор музея Дубровскому. Древности – это найденные при раскопках экспонаты. Сама семантика слова «древности» говорит за себя – то, что сохраняется долгое время, то, что было давным-давно. То есть древность – это время. Зыбин – хранитель времени.

В индуизме Шива также является богом времени. Цитируем Бонгарда-Левина: «И поэтому он в курсе всех закономерностей развития универсума, что позволяет всем существам достичь совершенства и добиться самых высоких целей» [3]. Время – циклично. Быть связанным со временем значит знать не только прошлое, но и будущее. Это говорит о цикличности истории, о повторении уже прошедшего, возврат к ушедшему. И Зыбин, будучи хранителем древностей, прекрасно это понимает. Ярким примером служит эпизод, где Георгий Зыбин видит в своем видении вождя – Иосифа Сталина – и беседует с ним.

4. « <...> Будет война, голод, смерть, разрушение. Последние люди будут выползать откуда-то и греть ладони около развалин. Но и они не останутся в живых. Но знаете? Я благословил бы такой конец. Что ж? Человечество слукавило, сфальшивило, заслужило свою гибель и погибло. Все! Счет чист! *Можно звать обезьян и все начинать сначала <...>. Но мне страшно другое: а вдруг вы правы? Мир уцелеет и*

процветет. Тогда, значит, разум, совесть, добро, гуманность – все, все, что выковывалось тысячелетиями и считалось целью существования человечества, ровно ничего не стоит. И тогда демократия просто-напросто глупая побасенка о гадком утенке. Никогда-никогда этот гаденыш не станет лебедем <...>. Ох, как будет страшно, если кто-нибудь из вас – Фюрер или вы, Вождь, ее выиграете. *Тогда мир пропал*. Тогда человек осужден. На веки вечные, потому что только кулаку он и служит, только кнуту и поклоняется, только в тюрьмах и может жить спокойно <...>».

В данном случае прозвище Георгия Зыбина и есть символ – символ той функции, которую он выполняет – хранить время, которое быстротечно. И данный символ можно трактовать через призму индуизма.

Краб – один из ярчайших символов романа. На их примере можно пронаблюдать динамику смысловых полей, носителями которых символы являются. Один образ предстает в разных эпизодах с различных сторон, например краб. Меняется контекст – меняется метатекст символа. Двойничество главного героя с символами неслучайно: все значения, которыми наделяются символы, проецируются и на двойника – Георгия Зыбина. То есть сам Зыбин является символом, образом единства созидательного и разрушительного, символом противостояния, символом истины. Георгий Зыбин своего рода оппозиционер. Он противится внешнему натиску, но неотвратимо является и его частью.

Напрямую об этом в тексте не сообщается, но за «пределами» текста эта связь становится очевидной. И естественно все характеристики, касающиеся двойников главного героя, соотносятся и с ним самим, что демонстрирует ранее проанализированный пример сравнения краба и бога Шивы. Отсюда и следует трактовка и прочтение эпизодов сквозь призму индуизма и элементов, касающихся его.

Список литературы

1. Абдуллаева (Шамардина) Ю.Д. Романы Ю.О. Домбровского «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей»: Поэтика и концепция личности [Электрон. ресурс]. – 2003. – URL: <http://www.dissercat.com/content/romany-yuo-dombrovskogo-khranitel-drevnostei-i-fakultet-nenuzhnykh-veshchei-poetika-i-kontse> (дата обращения 07.04.2017)
2. Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов / Пер. с немецкого Г.И. Гасва. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. – С. 48-81.
3. Бонгард-Левин Г.М. 2-е изд. — Древнеиндийская цивилизация. – М.: Наука-ВЛ, 1993. – 317 с.
4. Буровский А.М. Да здравствует «Застой»! Лакировка действительности [Электрон. ресурс]. – URL: <http://www.e->

[reading.club/chapter.php/150171/21/Burovskiii -
_Da_zdravstvuet_Zastoi!.html](http://reading.club/chapter.php/150171/21/Burovskiii_-_Da_zdravstvuet_Zastoi!.html)

5. Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. — М.: Сов. Энцикл., 1962—1978 [Электрон. ресурс]. — URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke1/ke1-5771.htm> (дата обращения 20.04.2017)
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Электрон. ресурс]. — URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения 01.04.2017)
7. Семенцов В.С. Бхагавадгита: перевод с санскрита, исследования и примечания В.С. Семенцова [Электрон. ресурс]. — URL: <http://www.orlov-yoga.com/Gita/index.htm> (дата обращения 01.04.2017).

*С. Ю. Чубосова
Россия, Барнаул*

*Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель к.ф.н., доцент Н.Ю. Абузова*

МОТИВ ОБОРОТНИЧЕСТВА В ПОВЕСТИ Н.С. ЛЕСКОВА «НЕСМЕРТЕЛЬНЫЙ ГОЛОВАН»

Аннотация

Статья посвящена изучению мифопоэтики Н.С. Лескова на примере повести «Несмертельный Голован», а именно рассмотрение мотива оборотничества, как одного из наиболее частотных и значимых в творчестве автора. Его истоки и видоизменения, семантические наполняющие, признаки и условия.

Ключевые слова: миф, мифопоэтика, архетип, мотив

Мотив оборотничества берет свои истоки в фольклоре, он закреплён в древних мифах как архетипическая схема метаморфоз в русских народных сказках: «Царевна-лягушка», «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», «Финист-Ясный Сокол» и др.

Оборотничество – это перерождение, превращение, магическое изменение внешнего вида. Другими словами, это временное, контролируемое или неконтролируемое видоизменение с последующим возвратом к своему первоначальному виду. Так определяет мотив Л.Н. Виноградова.

«Мотив оборотничества в литературе базируется на маскировке, на некоторых тотемических¹ и анимистических² воззрениях о воплощении души человека в животном, растении, предмете, о человеческой или животной сути божеств. В оборотничестве отразились представления о двойной

¹ Тотемизм - некогда весьма распространенная и ныне ещё существующая религиозно-социальная система, в основании которой лежит культ так называемого тотема, который в данном случае - название животного, которому клан оказывает специальный культ // Академический словарь

² Анимизм - вера в существование души и духов, вера в одушевлённость всей природы // Академический словарь

зооантропоморфной³ природе мифологических персонажей»⁴ - , отмечает С.Ю. Неклюдов [4, с. 240-275].

Оборачиваемость – черта, характерная для проявлений потустороннего мира, начиная от времени (вместо дня - ночь), заканчивая взаимозаменяемостью земных норм, общечеловеческих ценностей, сменой обычного уклада, распорядка, поведения, мотивов и желаний.

С.Ю. Неклюдов отмечает: «...оборотничество – это ничто иное как смерть в одном статусе и рождение в другом», т.е. исследователь связывает мотив с процессом/ритуалом инициации.

Мотив оборотничества берет истоки в фольклоре и характеризуется сменой состояния, заключающейся в преодолении пространственных и временных границ, в ходе которого, герой переживает действительное состояние слабости и физической боли.

В зарубежной литературе мы сталкиваемся с различными образами оборотня (в европейском фольклоре - человек-оборотень, становящийся волком, медведем; в китайском - лис-оборотень). Эти образы находят место в произведениях многих авторов волшебного-фантастических и романтических произведений (Пу Сун-Лин в Китае, С. Т. Колридж в Англии, А. фон Арним в Германии, П. Мериме во Франции и др.).

Русские писатели также прибегали к мотиву оборотничества в своих произведениях (А.С. Пушкин, «Евгений Онегин», «Руслан и Людмила», Н.В. Гоголь «Ночь перед Рождеством», «Майская ночь, или Утопленница», «Вий», М.Е. Салтыков-Щедрин, «Пошехонская старина», А.И. Куприн, «Оборотень», М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита», «Собачье сердце», др.

Для Н.С. Лескова, увлекавшегося русским фольклором, творчеством Н.В. Гоголя, обращение к теме оборотничества закономерно (например, «Несмертельный Голован», «Зверь», «Пугало»).

Так, в повести Лескова «Несмертельный Голован» (1880) из цикла «Праведники», оборотничество представлено через смешение границ человеческого и животного. В повести это обретение человеком животной силы, мощи, некоего дара, который находится под контролем главного героя.

Мотив актуализируется уже в описании персонажа, представленного в традиционной для мотива оборотничества ситуации «борьба волка-оборотня с собакой»: «...надо всем этим стояла огромная человеческая фигура с огромною головою, и она взяла и понесла бешеного пса. Во все это время лицо человека улыбалось...» [3, с.130] – герой предстает в характеристиках зверя – огромного и мощного. «Взяла и понесла» именно *фигура* – это говорит о том, что существо по очертанию тела, примерной его фактуре лишь напоминало

³ Зооантропоморфизм - наделение людей качествами животных. Очень часто используется для обозначения представления [богов](#) в образах [животных](#), а священных животных — как воплощение сущности богов //академический словарь

человека, но, вероятно, мешали признать его таковым характеристики животного.

«Я, конечно, не помню, откуда взялась взбешенная Рябка и куда ее дел Голован, после того как она захрипела, барахтаясь лапами и извиваясь всем телом в его высоко поднятой железной руке; но я помню момент... *только момент*. Это было как при блеске молоньи среди темной ночи» [3, с.130] - спасая ребенка, Голован выступает защитником. Издревле люди приручали собак для охраны себя и своей семьи. Мотив оборотничества проявляется в принятии модели поведения животного у человека, т.е. в зооантропоморфизме.

«В одном таком моменте я как сейчас вижу перед собою огромную собачью морду в мелких пестринах – сухая шерсть, совершенно красные глаза и разинутая пасть, полная мутной пены в синеватом, точно напмаженном зеве... оскал, который хотел уже защелкнуться, но вдруг верхняя губа над ним вывернулась, разрез потянулся к ушам, а снизу судорожно задвигалась, как голый человеческий локоть, выпятившаяся горловина» [3, с.132]. При этом *улыбка* Голована, по своей семантике, - показатель положительных эмоций, но в тексте проиллюстрирована опасная ситуация, нападение «взбешенной Рябки» на ребенка, и то, как Голован справился с псом. Оскал бешеной Рябки и улыбка человека - два зверя, сражающихся в поединке и «переворачивающие» его семантику: домашний пес – зло; «волк» - добро.

Далее Лесков уделяет внимание описанию тела «оборотня»: «В нем было, как в Петре Великом, пятнадцать вершков; сложение имел широкое, сухое и мускулистое; он был смугл, круглолиц, с голубыми глазами, очень крупным носом и толстыми губами» [3, с.133]. Лесков сравнивает Голована с Петром Великим не только по росту, но и прослеживает тождество по социальной роли: власть Голована перед народом, его покровительство, его кормильческая, «материнская» сущность исподволь сравнивается с ролью «царя-батюшки» Петра I. Кроме того, этот эпизод скрыто аллюзионирует к пушкинской «Полтаве», к сцене Полтавского боя. Пётр – защитник:

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен как бой.
Он поле пожирал очами [10].

Тема оборотничества развивается Лесковым далее: «Одевался Голован мужиком - всегда, летом и зимою, в пеклые жары и в сорокаградусные морозы, он носил длинный, нагольный овчинный тулуп, весь промасленный и почерневший. <...>и отец мой, помню, частенько шутил над этим тулупом, называя его «вековечным» [3, с.136] - важной деталью в рассматриваемом аспекте мотива, является то, что герой носил тулуп мехом внутрь. Истолковать это можно следующим образом: тулуп-шерсть на голом теле - отсылка к образу животного. Но с учетом описания сильной и большой мужской фигуры тулуп мехом внутрь подчеркивает и человеческое и невоинственное начало героя (Ср: Геракл, носивший на теле шкуру убитого им немейского льва мехом наружу как символ своей воинственности).

Стоит учесть, что спасенного ребенка Голован носит за пазухой: «...тулуп содержался в опрятности от всяких мелких жильцов – это я знал лучше других, потому что я часто сиживал у Голована за пазухой, слушая его речи, и всегда чувствовал себя здесь очень покойно» [3, 140], т.е. внутри тулупа тепло и безопасно. Кроме того, материнская ипостась героя проявлялась в том, что он, являясь молаканом (поставщик молока – народная этимология слова «молакан»), является кормильцем. И в итоговом сравнении Голован с оборотнической стороны – хищное животное, а с другой и главной – домашнее, млекопитающее, помогающее в быту и охраняющее от напастей и недругов.

Свою животную сущность, звериную мощь он контролирует, берет верх над потусторонним миром. В связи с этим актуализируется фразеологизм «волк в овечьей шкуре». По описанию хищного, мощного, сильного животного с оскалом справедливо предположить, что это волк. «Овечья шкура» привносит в тексте мотив агнеца – жертвенного, смиренного и покорного животного, создавая двойную ипостась зверя «хищник-жертва».

Далее писатель очерчивает «ареал обитания» зверя: «Голован жил, впрочем, не в самой улице, а «на отлете». Постройка, которая называлась «Головановым домом», стояла не в порядке домов, а на небольшой террасе обрыва под левым рядом улицы. Площадь этой террасы была сажен в шесть в длину и столько же в ширину. Это была глыба земли, которая когда-то поехала вниз, но на дороге остановилась, окрепла и, не представляя ни для кого твердой опоры, едва ли составляла чью-нибудь собственность. Тогда это было еще возможно» [3, с.141]. Важной деталью является то, что жил Голован поодаль от других, в этом его обособленность, замкнутость, проявление его самости.

Символика дома важна в литературе: дом – очаг, приют, родина, «родное пепелище», модель мира. В повести эти функции выполняет «сарай», так называют дом Голована местные жители: «Голованову постройку в собственном смысле нельзя было назвать ни двором, ни домом. Это был большой, низкий сарай, занимавший все пространство отпавшей глыбы» [3, с.141].

Описание пристройки больше подходит для держания хозяйства, скота, чем для жилья с человеческими условиями. Важно и то, что своеобразный ковчег Голована «...был так велик, что оба отделения – жилое и скотское – были очень просторны, но, несмотря на всю о них заботливость, плохо держали тепло. Впрочем, тепло нужно было только для женщин, а сам Голован был нечувствителен к атмосферным переменам и лето и зиму спал на ивняковой плетенке в стойле, возле любимца своего – красного тирольского быка...» [3, с.142]. Таким образом, Голован – часть животного мира, его дом – в «скотской» половине сарая. И там же его друг, любимец, бык Васька. Не зря быку дано человеческое имя. Это говорит о том, что происходит полное смешение человека и животного, что граница между ними в «доме» Голована сдвигается, обретает противоположные смыслы, стирается, становится неощутимой (Ср:

миф о Минотавре, критском быке, в облике которого соединены воедино и человеческие, и животные черты).

Писатель приводит очередной эпизод, в котором Голован предстает защитником людей, обладающим нечеловеческим даром. Героя обступают многие болезни, которые «прилипают» ко всем - «люди начали здесь умирать «сплошь и без всякой помощи», – и вдруг там, на ниве смерти, появился с изумительным бесстрашием Голован. Он, вероятно, знал или думал, будто знает, какую-то медицину, потому что клал на опухоли больных своего приготовления «кавказский пластырь»; но этот его кавказский, или ермоловский, пластырь помогал плохо: «Пупырухов» Голован не вылечивал, так же как и Андросов, но зато велика была его услуга больным и здоровым в том отношении, что он безбоязненно входил в зачумленные лачуги и поил зараженных не только свежей водою, но и снятым молоком, которое у него оставалось из-под клубных сливок» [3, с.150]. Без страха герой помогает людям, кормит, ухаживает за ними, реализует в повести мотив личности.

«Язва Голована не касалась. Во все время, пока она свирепствовала в слободах, ни сам он, ни его «ермоловская» корова с бычком ничем не заболели; но этого мало: самое важное было то, что он обманул и извел, или, держась местного говора, «изништожил» саму язву, и сделал то, не пожалев теплой крови своей за народушко» [3, с.155]. Справедливо говорить о жертвенности Голована: ради народа, принося в жертву себя, он отрезает кусок плоти (только так можно избавиться от «пупырухов»), чтобы не заразить никого и дальше пригодиться и помочь людям.

Важно то, как он проводит этот обряд: «Голован заметил косаря и, встав на ноги, в одной рубахе, громко крикнул ему: – Малец, дай скорей косу! - малец принес косу, а Голован говорит ему: – Поди мне большой лопух сорви, – и как парень от него отвернулся, он снял косу с косья, присел опять на корточки, оттянул одною рукою икру у ноги, да в один мах всю ее и отрезал прочь. Отрезанный шмат мяса величиною в деревенскую лепешку швырнул в Орлик, а сам зажал рану обеими руками и повалился» [3, с.158]. Образ косаря – сама смерть («язва»), которой Голован и приносит жертву во имя своего народа. Встреча с косарем – некий контакт с потусторонним миром, который происходит в пограничной ситуации: Голован переплывает реку (плывет из безопасного, незараженного морем мира, в инобытийный, откуда за ним наблюдает косарь).

«Услышавшие про это сразу догадались, что Голован это сделал неспроста, а что он таким образом, изболясь за людей, бросил язве шмат своего тела на тот конец, чтобы он прошел жертвицей по всем русским рекам из малого Орлика в Оку, из Оки в Волгу, по всей Руси великой до широкого Каспия, и тем Голован за всех отстрадал, а сам он от этого не умрет, потому что у него в руках аптекарев живой камень и он человек «несмертельный». Голован знал, что и зачем делает. Аптекарев беззар-камень – находка, которую Голован использует не в своих целях, а опять же во благо народа всего» [3, с.161]. Цепь

совершенных Голованом поступков закрепляет за героем ореол праведности: смысл его жизни в любви ко всему народу и в том, что других Голован всегда ставит на первое место. В этом его жертвенность собой ради блага других. Следует отметить, что образ жертвенника и мученика-агнца прослеживается на протяжении всего произведения, что тоже является выражением его *оборотности*: герой постепенно, шаг за шагом, раскрывает свою скрытую сущность.

После случая на Орлике Голован почти не пострадал «...с той поры мало-помалу ходить начал и снова за свое дело принялся. Здоровье его, по-видимому, нимало не пострадало, но только он «шкандыбать» стал – на левую ножку подпрыгивал» [3, с.162]. На правую ногу он наступал твердою поступью, а с левой подпрыгивал - это важная деталь, т.к. ноги - одна из самых мифологизированных частей человеческого тела. Они подчёркивают фундаментальное биологическое отличие человека от животных — его прямохождение, они связаны с хтоническим началом, поскольку более других частей тела приближены к земле и с ней соприкасаются: «на одну ступал твердо» - человеческое, «с другой подпрыгивал» - оборотническое начало («потустороннее»), которое закрепляется после жертвоприношения, интерпретируемого как перерождение.

В повести Головану уготовано не только физическое, но и нравственное испытание: он вынужденно страдает от «мнимого греха» - ситуации с Павлагеюшкой и ее злосчастным гражданским супругом Фрапошкой, который помыкает Голованом. Ситуация мнимой вины разрешена в повести двояко: с одной стороны, Голован смиряется перед Фрапошкой (такое поведение символизирует безусловную морально-нравственную победу Голована); с другой стороны, через много лет становится известно, что грех Голована мнимый. Такой исход вновь позиционирует героя как «покорного агнца».

Таким образом, мотив оборотничества у Лескова демонстрирует двойственную природу героя и выступает обманым, ложным. Для писателя важны христианские добродетели человека, которые проявляются на каждом судьбоносном этапе человеческой жизни-метаморфозы.

Список литературы

1. Доманский, Ю. В. Архетипические мотивы в русской прозе XIX века: автореф. дис. канд. филол. наук / Ю. В. Доманский. — Тверь, 1998. Телегин, С. М. Жизнь мифа в художественном мире Достоевского и Лескова / С. М. Телегин. — М., 1995, - 232 с.
2. Кедров, К. А. Фольклорно-мифологические мотивы в творчестве Н. С. Лескова / К. А. Кедров // В мире Лескова: сб. ст. - М., 1983, 41 с.
3. Лесков Н.С., Собрание сочинений: «Несмертельный Голован» т. 2, - СПб., 1889, 126–180 с.
4. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа/ Е. М. Мелетинский. 3-е изд., репринтное. - М.: Издательская фирма «Восточная литература», РАН, 2000. - 406 с.

5. Зеленин, Д.К. Восточнославянская этнография: [монография] / Д.К. Зеленин; [пер. с нем. К. Д. Цивина]. - М. : Наука, 1991. – 507 с.
6. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. М.: Лабиринт, 1998. - 512 с.
7. Петров, Н. В. Сюжетно-мотивный состав русского эпоса: модели эпического нарратива: автореф. дисканд. филол. наук / Н. В. Петров. М., 2007. - 24 с.
8. Телегин, С. М. Мифологические мотивы в творчестве писателей 60-80-х годов XIX века (Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. С. Лесков) / С. М. Телегин // Литературные отношения русских писателей XIX - начала XX вв. - М., 1995., -180 с.
9. Шкута, Г. А. Фольклорные и древнерусские сюжеты и мотивы в творчестве Н. С. Лескова: мифопоэтический аспект / Г. А. Шкута. - Барнаул, 2005, - 198 с.
10. Пушкин, А.С. Полтава [Электронный ресурс] / А.С. Пушкин. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/pushkin_aleksandr_sergeevich/poltava/read/. – Заглавие с экрана.

Е. С. Сукач
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель к.фил.н., доцент О. И. Плешкова

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ РАССКАЗА В. ОСЕЕВОЙ «ПОЧЕМУ?»

Аннотация

В работе впервые представлена попытка рассмотрения художественных особенностей рассказа В. Осеевой «Почему?» Произведение входит в круг детского чтения, и до настоящего времени рассматривалось только с точки зрения нравственно-педагогического потенциала содержания.

Ключевые слова: детская литература, художественная система, рассказ, художественное пространство, инициация.

Рассказ Валентины Осеевой «Почему?» входит в круг детского чтения. Все рассказы В. Осеевой, в том числе и «Почему?», повествуют о жизни детей и, самое главное, они являются поучительными историями.

В рассказе «Почему?» повествуется о том, как мальчик разбил папину чашку и побоялся сказать об этом маме, поэтому всю вину переложил на пса

Бума. Идея произведения состоит в том, что нужно отвечать за свои поступки, иначе могут пострадать невинные.

По заглавию рассказа нельзя понять, о чем будет идти речь, поэтому возникает желание прочитать данное произведение и узнать, почему оно так необычно называется.

В первом предложении сразу же появляются герои, но еще непонятно, о ком идет речь. Неизвестно, кто такой «я» и кто такой «Бум». Прочитав второе предложение, можно предположить, что героями рассказа являются мальчик («болтал под столом ногами») и собака («легонько покусывал меня за голые пятки») [2, с. 4]. По первым трем предложениям произведения можно ощутить приподнятое настроение и тёплую атмосферу, царящую в комнате («болтал ногами», «легонько покусывал», «щекотно и весело» [2, с. 4]). Далее рассказывается о папиной карточке, висящей над столом. Образ папы как будто незримо присутствует в комнате. Неслучайно фотография большая. Мальчику кажется, что папа наблюдает за ним и оценивает его поступки.

Папа как будто покачивает головой, после чего мальчик начинает говорить шепотом. Данные действия предвещают, что сейчас что-то произойдет. Мальчик хватается за край скатерти, тянет ее на себя, в результате чего со стола падает чашка и разбивается. Скатерть является символом согласия в доме. Мальчик сдвигает скатерть со стола, с ее привычного места, после чего согласие в доме нарушается.

Для мамы папина чашка значит очень много, поэтому у героя замирает сердце от того, что произойдет дальше.

Как и предполагал мальчик, мама очень расстроилась. «Мама опустилась на колени и закрыла лицо руками. - Папина чашка...папина чашка... - горько повторяла она». «Колени у нее дрожали, язык заплетался». Эту напряженную атмосферу не чувствовал только Бум. И герой, испугавшись гнева и упреков матери, переложил свою вину на пса, что было сделать легче всего, потому что Бум не сможет оправдаться. Казалось, что мама не до конца поверила мальчику, но все же выгнала пса на улицу. «Её пальцы медленно сгребали в кучку крошки хлеба, раскатывали их шариками, а глаза смотрели куда-то поверх стола в одну точку». Можно предположить, о чем задумалась мама. Скорее всего, ее мысли были о погибшем муже. Неслучайно она притянула к себе мальчика и поцеловала, ведь сын – это продолжение ее любимого человека. Хлеб является символом мира и любви. Крошки хлеба – это крохи земной любви и отношений, вернее то, что от них осталось, между героиней и ее мужем.

Мама еще раз пытается вывести сына на правду, но тот продолжает утверждать, что чашку разбил Бум. И тогда снова появляется образ отца: «Над столом с фотографической карточки смотрел на меня папа...» [2, с. 11]. Папа выступает в роли совести мальчика. И мальчика еще сильнее охватывает чувство стыда.

В рассказе представлено два пространства: пространство дома и пространство вне дома. Пространство дома пропитано любовью, заботой и теплотой. Пространство вне дома имеет противоположную характеристику. И как раз наказание для пса заключается в том, что его переместили из уюта и комфорта в совершенно противоположное пространство.

На душе у мальчика становится всё тяжелее и тяжелее. Погода является отражением его душевного состояния: на улице темно, дождь и ветер. Темно и в комнате мальчика, который лег спать. Но в комнате мамы еще горит свет, и желтая полоска света проникает в комнату к герою. Опять идет противопоставление: темное и светлое. Плохой поступок мальчика «погасил свет», но еще есть шанс на исправление – это полоска света, пробивающаяся из комнаты мамы. Мальчик чувствует, как плохо и одиноко Буму в ночи. «Бум...Бум... Ведь он тоже папин» [2, с. 12]. Из-за шалости героя уже пострадало то, что принадлежит папе (чашка), и нельзя допустить подобное еще раз. Мальчик бросается будить маму, чтобы признаться ей во всем. «Она открыла глаза, обняла меня теплыми руками. Тоскливый собачий лай донесся до нас сквозь шум дождя» [2, с. 413]. В этом абзаце опять представлено противопоставление двух пространств, что побуждает мальчика рассказать правду.

Данный рассказ можно разделить на 5 частей. Вступление представляет собой первый абзац, который знакомит читателей с героями и атмосферой, в которой они находятся. Завязка начинается со второго абзаца, в котором мальчик, качнувшись на стуле, хватается за край скатерти, вследствие чего разбивает папину чашку. Далее происходит развитие событий. Кульминацией является момент, когда мальчик вскакивает с кровати и бежит признаваться маме в своей вине. После чего следует завязка событий.

В рассказе четыре героя: мальчик, мама, папа и пес Бум. Данные герои не имеют описания внешности, так как это не представляет важности для осознания идеи текста. Читатели могут проследить внутреннее и внешнее эмоциональное состояние героев и проанализировать их поступки. Несмотря на то, что папы мальчика нет в живых, папа все равно является героем произведения. Он присутствует в мыслях мальчика, «оценивает» поступки своего сына, является его совестью. Имена мальчика, мамы и папы не названы, так как это тоже неважно. Кличку имеет только пес. Она символична. «Бум» - звук удара. В данном рассказе это используется в переносном значении. Ударом для пса было то, что его безосновательно обвинили и наказали.

Произошедшая ситуация является обрядом инициации для мальчика. Он становится взрослее и мудрее, прожив всё это. И мама это поняла. Именно поэтому она не стала ругать своего сына, а обрадовалась тому, что он рассказал ей правду. Со временем это поймет и мальчик, ответит на свой возникший вопрос: «Почему...?» И мама до конца осознает, как ответить на свой вопрос: «Почему...?» Лишь только Бум будет просто рад, что его снова пустили домой, хотя вопрос: «Почему...?» возник и в его голове.

Список литературы

1. Арзамасцева, И. Н. Осеева Валентина Александровна (1902-1969) / И.Н. Арзамасцева // Русские детские писатели XX века: Биобиблиографический словарь / [редкол.: И. Н. Арзамасцева [и др.]. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 512 с.
2. Осеева, В. Почему? / В. Осеева. – М.: Детская литература, 1969. – 16 с.

References

1. Arzamastseva, I.N. Oseeva Valentina Aleksandrovna (1902-1969) / I.N. Arzamastseva // Russkie detskie pisateli XX veka: Biobibliograficheskiy slovar / [redkol.: I. N. Arzamastseva [i dr.]. – 3-e izd., pererab. – M.: Flinta: Nauka, 2001. – 512 s.
2. Oseeva, V. Pochemu? / V. Oseeva. – M.: Detskaya literatura, 1969. – 16 s.

М. Д. Жаирбаева
Россия, Барнаул
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель д. ф. н., профессор В. И. Габдуллина

МОТИВ ПТИЦЫ В ПОВЕСТИ И.С. ТУРГЕНЕВА «ДНЕВНИК ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА»

Аннотация

В статье рассматривается мотив птицы в повести Тургенева «Дневник лишнего человека», который определяет психологическое состояние главного героя – автора дневника, называющего себя «лишней птицей». Мотив птицы складывается из орнитологических сравнений, которые строятся на противопоставлении (воробей) или сопоставлении (снегирь в клетке), а также рассказа о перипетиях первой любви героя, когда он вначале ощущает окрылённость («словно крылья вдруг выросли»), мечтает о своём «гнезде», а после неудачи опускает «ошибленные, и без того несильные крылья»).

Ключевые слова: мотив птицы, лишний человек, орнитологические сравнения, символика птицы.

И.С. Тургенев в русской литературе является признанным писателем-художником, мастерски изображающим мир природы. Особое место в его произведениях отводится птицам. Очевидно, что писатель как великолепный знаток русской природы хорошо знал разные породы птиц, их повадки, особенности их поведения. Птицы населяют природный мир его произведений, на страницах повестей и романов писателя звучат их голоса, аккомпанируя переживаниям героев. Помимо этого, сравнение с птицей является одним из

излюбленных приемов художественной антропологии писателя: при описании портретов своих героев Тургенев часто прибегает орнитологическим определениям, сравнениям и метафорам. Художник широко использует символику птицы, которая связана с наличием у неё крыльев и способностями птицы к полёту, связью с воздушной средой, свободой, лёгкостью, скоростью передвижения и способностью к пению. Птицы в мифологии являются символом человеческой души, что также получило воплощение в символическом подтексте произведений Тургенева. Частое повторение орнитологической образности позволяет говорить о наличии сквозного мотива птицы в произведениях Тургенева.

По определению Б.М. Гаспарова, мотив – любой смысловой компонент текста, который не наделяется никакими постоянными свойствами: «...в роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое «пятно» – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т. д.; единственное, что определяет мотив, – это его репродукция в тексте, так что в отличие от традиционного сюжетного повествования, где заранее более или менее определено, что можно считать дискретными компонентами («персонажами» или «событиями»), здесь не существует заданного «алфавита» – он формируется непосредственно в разворачивании структуры и через структуру» [1, с. 30].

Мотив птицы – один из самых частотных в произведениях И.С. Тургенева. Небольшая по объёму повесть «Дневник лишнего человека» особенно насыщена птичьими сравнениями, метафорами, прямыми и косвенными упоминаниями птиц, их образа жизни, поведения и др. Мотив птицы в этой повести связан с настроением одиночества главного героя. Автор изображает подлинную трагедию «лишнего человека», не понятого и отвергнутого людьми, которые его окружают.

Следует отметить, что в «Дневнике лишнего человека» природа играет особую роль. В дневниковых записях героя фиксируются изменения, происходящие в природе. Хронологические рамки дневниковых записей расписаны на протяжении всей повести с 20-го марта по 1-е апреля 1850 года, когда природа пробуждается к жизни, в то время, как жизнь самого героя угасает. Одна из первых дневниковых записей Чулкатурина открывается описанием пробуждающейся природы: *«Тепло, ясно; солнце весело играет на талом снеге; всё блестит, дымится, каплет; воробьи кричат около отпотевших темных заборов; влажный воздух страшно раздражает мне грудь»* [4, с. 267]. В этом отрывке кричащие воробьи становятся яркой приметой пробуждающейся к жизни природы. Следующее далее описание воробья даётся по контрасту с состоянием самого героя, который узнал от доктора, что очень скоро умрет: *«Вон прыгает самец-воробей с растопыренными крыльями: он кричит – и каждый звук его голоса, каждое взъерошенное перышко на его маленьком теле дышит здоровьем и силой. <...> Он здоров и имеет право кричать и ерошиться; а я болен и должен умереть –*

вот и всё» [Там же]. В статье, посвященной символике птиц в русской танатологической поэзии, Т.В. Сафронова пишет: «...мифологема птиц в русской поэзии намного чаще связаны с онтологической категорией “жизнь”, нежели “смерть”» [3, с. 184]. Образ воробья, вселяющий веру в жизнь, появится в последнем цикле Тургенева «Стихотворения в прозе» в стихотворении «Мы еще повоюем!».

Повествование о своей жизни уже в самом начале повести Чулкатурин завершает мыслью: «*Я был совершенно лишним человеком на сем свете или, пожалуй, совершенно лишней птицей...*» [4, с. 271]. Образ «лишней» птицы, который появляется в повествовании неоднократно свидетельствует тому, что главный герой душевно не спокоен и его мучают вопросы своего существования в бренном мире.

Связь героя с природой особенно ярко проявляется в записи от 21-го марта, где он рассказывает о своей семье и о доме, где он рос «*дурно и не весело*». После переезда в Москву по смерти отца герой грустит о продаже «гнезда» но признаётся, что по-настоящему грустит о своём *саде и луге*. При описании природы особенно чувствуется тяга героя к воздушной стихии, которая обозначена в тексте «*сладким запахом жатой гречихи, горькой свежестью поляны*», которыми герой ещё раз хотел бы надышаться, «*следом ветра, тёмной струёю бегущего по золотистой траве нашего луга*» [3, с. 270], что, видимо, объясняется болезнью Чулкатурина (чахотка), при которой человеку не хватает воздуха. С этим, очевидно, связано появление «птичьих» сравнений и образов в тексте.

Главное место в Дневнике отводится воспоминаниям Чулкатурина о своей несчастной любви. Во время первой встречи и знакомства с дочерью своего начальника Лизаветой Кирилловной она показывает ему снегиря в клетке со словами: «*Это папенькин снегирь... <...> посмотрите, какой он хорошенький. Посмотрите, он не боится!*» [4, с. 279]. Несмотря на то, что сам Чулкатурин «предпочитает чужей», он себя ассоциирует с этим снегирем в клетке, замечая в скобках: «*Меня удивляло то, что я не боялся*» [Там же]. Птица в клетке – символ неволи, несвободы. Именно таким предстаёт в повествовании автор дневника, неспособный открыть свою душу, объясниться в чувствах, которые он испытывает к Лизе. В записи от 24 марта, в которой герой вспоминает эпизод прогулки с Лизаветой Кирилловной, в которую он был тайно влюблён, в небе «*одобрительно*» пели птицы и была прекрасная погода. Картина птичьего пения иллюстрирует любовные переживания героя, раскрывая гармоничный мир человеческой души: «*Птицы одобрительно чирикали над нами, голубое небо ласково сквозило сквозь мелкую листву. Голова моя кружилась от избытка удовольствия*» [4, с. 279].

В записи от 27 марта Чулкатурин сравнивает себя с соловьём, а, как известно, образ соловья являлся символом поэтического начала и несчастной любви. В душе героя бурлит чувство ревности, которую он скрывал внутри себя, как истинный поэт, страдающий от безответной любви: «*Впрочем,*

распевая, как говорится, соловьем, я все продолжал наблюдать за князем и Лизой» [4, с. 294].

История первой любви героя передается через орнитологические сравнения. «...Я даже на ходу подпрыгивал – право, словно крылья вдруг выросли у меня за плечами», – описывает он своё состояние, когда впервые ощутил в душе чувство любви. Герой мечтает «свить себе хотя временное гнездо» [4, с. 277], а когда терпит неудачу, пишет: «...мне пришлось опустить свои ошибленные, и без того несильные крылья» [4, с. 282].

Как отмечает Г.П. Козубовская по поводу поэтики романов Тургенева, «"птичья символика" возникает в "ударных" моментах сюжета: именно так обозначается соприкосновение планов – эмпирического и метафизического» [2, 156]. В повести «Дневник лишнего человека» орнитологическая образность связана с порывом души умирающего героя к жизни. Образ смерти рисуется в заключительной записи «Дневника» как некое крылатое существо: «... она здесь, она порхает вокруг меня...» [4, с. 313].

Мотив птицы раскрывается в повести в виде дневниковых записей и определяется темой одиночества «лишнего человека» в мире, и самое главное темой безответной любви, которая даёт понять герою трагичность своей судьбы. Мотив «перешибленного птичьего крыла» сопровождает повествование о трагическом исходе главного героя: зная о скорой смерти, он всё же стремится, подобно птице, покинуть «клетку» и упорхнуть на свободу, но болезнь не даёт ему такой возможности. Чулкатурин вынужден доживать последние дни с воспоминаниями, о своей несчастливой любви. Мечта о любви и счастье отождествилась в повествовании с мотивом птицы.

Список литературы

1. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX века. - Москва: Наука, 1994. – 304 с.
2. Козубовская Г.П. Середина века: миф и мифопоэтика: монография. – Барнаул: АлтГПА, 2008. – 273 с.
3. Сафронова Т.В. Символика птиц в русской танатологической лирике // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 3. – С. 182 – 184.
4. Тургенев И.С. Отцы и дети. Повести. Рассказы. Стихотворения в прозе. – М.: Олимп; ООО «Издательство АСТ», 1998. – С. 265 – 402.

А. М. Захарова
Россия, г. Барнаул,
Алтайский краевой педагогический лицей
Научный руководитель: д.ф.н. Е. А. Худенко

ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.И. КУПРИНА

Аннотация

В статье предлагается изучение геометрической символики в произведениях А.И. Куприна «Гранатовый браслет», «Суламифь», «Олеся». Происходит выявление сквозной функции фигур круга, квадрата (прямоугольника), треугольника в данных рассказах. Анализ взаимосвязи фигур, их символического наполнения позволяет по-новому подойти к раскрытию концепции любви в произведениях Куприна на основе графического символизма.

Ключевые слова: Геометрическая символика, символ художественный, пространственная организация авторской концепции, сквозная функция, графический символизм.

Геометрическая символика – это выстраивание математических фигур в литературном произведении, связанных с пространственной организацией авторской концепции через линии, фигуры, чертежную символику. Символ художественный - образ-знак, выражающий смысл какого-либо явления в предметной форме и подразумевающий множественность значений и толкований, близок к аллегории, но шире ее.

В рассказе «Олеся» органично введен представленный в виде бус самоцвет коралл, сначала в качестве оберегающего Олесю талисмана, а затем как единственной вещи, оставшейся на память влюбленному в нее Ивану Тимофеевичу. Бусы – это фигура **круга** или эллипсис (замкнутой кривой на плоскости).

Древние все округлое приписывали миру, солнцу, надежде и счастью. Окружность означала небо, части ее (дуги, чаши) - Луну. Совокупность, совершенство, единство, вечность - символ полноты, законченности, который может заключать в себе идею и постоянства, и динамизма. Символические значения и функции при использовании круга для измерения времени (солнечные часы) и пространства (основные астрологические и астрономические исходные точки) составляли неразрывное единство. Круг также представлялся объектом, заключающим в себе гармонию, - как Круглый Стол в легенде о короле Артуре. В архитектурных сооружениях круглые своды и купола несут небесную символику.

Сквозная функция фигуры круга прослеживается в трех произведениях А.И. Куприна: коралловые бусы («Олеся»), гранатовый браслет («Гранатовый браслет»), венец из кроваво-красных рубинов («Суламифь»).

Венец — славянский головной убор, корона. Венцом называлась лента, вытканная из золотных нитей, украшенная по всей окружности жемчугом, драгоценными камнями или их заменителями.

Рассмотрим фигуру прямоугольника. Вспомним цитату Ивана Тимофеевича из повести «Олеся»: «С стесненным, переполненным слезами сердцем я хотел уже выйти из хаты, как вдруг мое внимание привлёк яркий предмет, очевидно нарочно повешенный на угол оконной рамы. Это была нитка дешевых красных бус, известных в Полесье под названием «кораллов», — единственная вещь, которая осталась мне на память об Олеся и об ее нежной, великодушной любви».

Фигуры прямоугольников также встречаются в Гранатовом браслете (молитвенник, подаренный Вере сестрой Анной, футляр из под сережек и браслета, икона). Цитата Желткова: «У вас есть милый обычай — вешать на изображение матки боски кольца, ожерелья, подарки. Так вот исполните мою просьбу: вы можете этот браслет повесить на икону?».

Квадрат (прямоугольник) - древний знак земли. Представляет собой еще одну разновидность эмблематического изображения четырех сторон света, сочетает с "женской" символикой числа четыре. Является символом постоянства, безопасности, равновесия, божественного участия в сотворении мира, пропорциональности, ограничения, нравственных устремлений и честных намерений. Во многих культурах квадрат - эмблема идеального города, построенного на века, - символ, основанный на "прочности" четырех стен, в противоположность круглому основанию недолговечной кочевой юрты. Квадрат противостоит "динамичным" знакам - кругу, спирали, кресту, треугольнику, являясь наиболее статической из геометрических форм, используемых в качестве символов. Комбинация квадрата с кругом символизирует единство земли и неба. Именно такая геометрическая комбинация выстраивается у Куприна.

Взаимосвязь круга и квадрата чрезвычайно важна; религиозное и символическое творчество, а также языческое искусство дают нам чрезвычайное многообразие форм, содержащих и круг, и квадрат. Скрытая логико-символическая сила таких образов настолько велика, что любое обращение к абстрактному символу космического порядка, способное выразить тесную и напряженную взаимосвязь «двух миров», неизбежно приводит к подобному сочетанию знака земли (квадрат) со знаком неба (круг).

По Юнгу, круг, объединенный с квадратом, - символ связи между душой (круг) и телом (квадрат). Исследуя психологию формы, Юнг заключает, что противоположности обычно обозначаются квадратом (символ горизонта) или

крестом (символ внутренних импульсов); круг же символизирует возвышение над этими импульсами.

Также, у Куприна встречаются формы, выходящие за пределы евклидовой геометрии: кораллы (риффы), очевидно, восходящие к треугольнику, грушевидная форма сережек, подаренных Вере Шеиной мужем, морской петух на подносе, напоминающий фигуру треугольника в кругу.

Треугольник - один из наиболее мощных и универсальных символов. Равносторонний треугольник - мужской и солнечный знак, представляющий божество, огонь, жизнь, сердце, гору и восхождение, благополучие, гармонию и королевскую власть. Перевернутый треугольник - возможно, более древний знак, - женский и лунный символ, представляющий Великую Мать, воду, плодovitость, дождь, божественную милость.

В христианстве треугольник - знак Бога. Бог христианской Троицы иногда представлен глазом внутри треугольника или фигурой с треугольным нимбом. Треугольник, символизирующий в различных мифопоэтических контекстах плодоносящую силу земли, брак, обеспеченность; пламя, главу бога, гору, пирамиду, троицу, число 3, физическую стабильность; рождение — жизнь — смерть, жизнь — смерть — новую жизнь (возрождение), тело — ум — душу, отца — мать — дитя, три космические зоны (небо — земля — нижний мир);

Таким образом, в графическом символизме нет ничего произвольного: все подчинено системе, которая развивается из одной точки в более сложные образования, где форма, ритм, количество, расположение, порядок и направление — все это помогает объяснить и определить характер рисунка. Геометрический символизм помогает по-новому взглянуть на концепцию любви в повестях Куприна.

Список литературы

1. Куприн А. И. (1994). Олеся, Гранатовый браслет, Суламифь, Кемерово: АО Кемеровское книжное издательство.
2. Афанасьев В. (1960) А.И. Куприн Критико-биографический очерк, Москва: художественная литература.
3. Юнг К. Словарь символов
4. Михайлов О. (2002), Загадка художника, Москва: Олимп
5. Волков С. (2002) «Любовь должна быть трагедией». Из наблюдений над идейно-художественным своеобразием повести Куприна «Гранатовый браслет».

А. В. Коротеева
Россия, г. Барнаул
Алтайский государственный университет
Научный руководитель д.ф.н, профессор М. П. Гребнева

АНГЛИЙСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ Е.Р. ДАШКОВОЙ

Аннотация

В данной статье рассматривается образ дворянской усадьбы в воспоминаниях княгини Е.Р. Дашковой и гостей, посетивших имение. Особое внимание уделяется английским мотивам, присутствующим в усадьбе.

Ключевые слова: дворянская усадьба, Е.Р. Дашкова, Троицкое, английские особенности, Кэтрин Вильмот, Марта Вильмот

Изменения в жизни русских помещиков дают о себе знать на рубеже XVII–XVIII вв. «в связи с процессом «обмирщения» и становления «новой» светской культуры, когда проявился интерес к научным знаниям, литературе и искусству, что отразилось на мироощущении русского человека» [1; 150]. Секуляризации сопутствовала европеизация, а контакты русских людей с иностранцами сказались на трансформации их бытового уклада жизни. Дворянская усадьба начала воплощать мечту её владельца о создании особого мира: со своими традициями, праздниками, способами ведения хозяйства и т.д. Со второй половины XVIII в. русское поместное дворянство испытало сильное воздействие английских традиций.

По словам Д.С. Лихачёва, «английские парки создаются с 1760-х г.: Гатчинский, Екатерининский в Царском Селе, Английский в Петергофе, бесчисленные подражания в русских помещичьих усадьбах. Различные по масштабу и семантическому богатству, английские парки оказали колоссальное влияние на русскую культуру, отчасти сопоставимое с ролью великой русской литературы, став проводником либерального самосознания в эпоху Просвещения и сентиментализма» [2; 226].

В это же время увеличивается количество заграничных поездок. Одной из известных путешественниц была княгиня Е.Р. Дашкова, занимавшаяся общественно-политической, научной и литературной деятельностью и посетившая Англию в 1769 году. Свои наблюдения она опубликовала в «Путешествии одной российской знатной госпожи по некоторым английским провинциям» (1775 г.). В нём она рассказала, как изучала устройство английских садов, посещала дома и усадьбы английских вельмож, в том числе Бленхейм герцога Мальборо и Уилтон-хауз лорда Пемброка.

Дашкова изучала всё британское, от садов до последних технических достижений, записывая то, что её интересовало не только в искусстве, обществе и образовании, но также в техническом прогрессе и сельскохозяйственных достижениях.

По возвращении на родину княгиня стала использовать приобретенные знания при переделке своего имения Троицкое на английский манер. Так, «её посадки стали гораздо менее формальными, когда она перестала стилизовать сады на французский лад согласно великолепному дизайну, развитому во Франции XVII века, предпочитая лужайки и виды английского стиля» [3; 50], «английский вкус княгини помог на довольно скучном ландшафте создать одно из самых приятных и великолепных имений» [4; 264], «слуги княгини одеты, как английские матросы» [5; 268].

Светлым событием в жизни Дашковой был приезд в 1784 г. из Англии её подруги, леди Гамильтон, которая происходила из семьи портового служащего в Корке и была ирландкой протестантского вероисповедания. Они познакомились в Спа, во время путешествия Дашковой, и «заключили тесный дружеский союз» [6; 42]. Гостья пробыла у княгини около года, за это время она познакомилась с русским деревенским бытом, любовалась на сельские праздники, игры и хороводы, от которых осталась в восторге. Хозяйка Троицкого вспоминала это время с особой радостью: «Меня привело в восторг, что моей приятельнице понравилась красивая местность, в которой расположен этот прелестный уголок, и что она, хотя, как англичанка и видела чудесные парки своей родины, одобрила и мой сад, который был не только распланирован мной, но где каждое дерево и куст были посажены по моему выбору и на моих глазах» [7; 157].

По просьбе Кэтрин Гамильтон имение Дашковой посетили сёстры Вильмот. Они происходили из знатной англо-ирландской семьи, получили хорошее образование и воспитание, много путешествовали по Европе. По приглашению княгини сёстры жили в России в период с 1803 по 1808 гг. (Марта – в 1803–1808 гг., Кэтрин – в 1805–1807 гг.).

Общение с гостями у Дашковой сложилось по-разному – с младшей Мартой, которая была добрее и мягче, они стали духовно очень близки, их отношения для княгини были самыми светлыми моментами в конце её жизни. В течение дня они обменивались записками, в которых выражали своё отношение друг к другу. Беспокоясь о здоровье Марты, Дашкова обращалась к ней «моё английское дитя», а Марта называла княгиню «матушка».

Кэтрин была яростной, насмешливой, ей совсем не нравилось, что в России существовало крепостное право. Однако в Троицком она видит, что «три тысячи крестьян («мои подданные», как она (Е.Р. Дашкова – А.К.) их называет) счастливо живут под её абсолютной властью; из всех людей, имеющих доброе сердце, она – самая добрая» [8; 346].

Несмотря на то, что княгиня не стала единомышленницей с Кэтрин, как с младшей сестрой, впечатление и у старшей сестры было положительным:

«Если взять моё представление о ней, то княгиня – само совершенство» [9; 363]. Ей нравилось, что помещица уважает своих подданных, помогает работающим в усадьбе и успеваает развлекать гостей.

Во время пребывания в России Марта и Кэтрин вели дневники, писали родным и друзьям. Полное английское издание воспоминаний сестёр вышло только в 1934 году в Лондоне. Их дневники и письма – это богатый источник сведений о русском быте, обычаях, одежде, а также о повседневной жизни в русской усадьбе. Во время поездки сёстры изучали русскую культуру так же, как Дашкова знакомилась с английской культурой во время своего заграничного путешествия.

Наслаждаясь русским бытом, прекрасным ландшафтом и музыкой, сёстры затеяли очень важное дело, они уговорили Дашкову рассказать о своей жизни в автобиографической форме, потому что она показалась им очень интересной и наполненной яркими событиями. Княгиня согласилась, добавив: «[Я] написала эти мемуары, так как она очень этого хотела. Мисс Вильмот (Марта Вильмот – А.К.) является единственной их распорядительницей с условием, что они будут напечатаны только после моей смерти» [10; 226]. Дашкова сразу же села за работу, собирая в кучу бумаги, письма и необходимые документы. С раннего утра она трудилась в кабинете, а вечером, после ужина, сидела в кресле в гостиной и сочиняла «Записки».

Марта, воодушевлённая работой своей покровительницы, решила помочь ей и, по её словам, «начала переводить на английский «Записки» моей дорогой княгини, она пишет их по-французски» [11; 295]. Они работали вместе и обнаружили, что рукопись принимает дискуссионный характер, потому что её автор не хотел ничего скрывать и решил рассказать правду.

После заграничного путешествия Е.Р. Дашкова не только придала своему имени и особенно парку в нём английские черты, но и пригласила в гости своих подруг-англичанок – Кэтрин Гамильтон, Марту и Кэтрин Вильмот. Благодаря этому её усадьба на время стала средоточием культурной жизни, реальным свидетельством русско-английских литературных связей, запечатлённых княгиней в её «Записках», а сёстрами Вильмот в их воспоминаниях о Троицком.

Список литературы

1. Краснобаев, Б.И. Русская культура XVIII в. Предмет и задачи изучения // История СССР, 1976, № 6, с. 150.
2. Лихачёв, Д.С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. Спб., 1991.
3. Воронцов-Дашков А. Екатерина Дашкова // Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2010, с.50.
4. Записки княгини Дашковой. Письма сестёр Вильмот из России. – 2-е изд./Под общ. ред. С.С. Дмитриева. – М.: Сов. Россия, 1991. – с.264.
5. Записки княгини Дашковой. Письма сестёр Вильмот из России. – 2-е изд./Под общ. ред. С.С. Дмитриева. – М.: Сов. Россия, 1991. – с.268.

6. Огарков, В.В. Екатерина Дашкова. Ее жизнь и общественная деятельность. - М.: Директ-Медиа, 2014. - с.42.
7. Записки княгини Дашковой. Письма сестёр Вильмот из России. – 2-е изд./Под общ. ред. С.С. Дмитриева. – М.: Сов. Россия, 1991. – с.157.
8. Записки княгини Дашковой. Письма сестёр Вильмот из России. – 2-е изд./Под общ. ред. С.С. Дмитриева. – М.: Сов. Россия, 1991. – с. 346.
9. Записки княгини Дашковой. Письма сестёр Вильмот из России. – 2-е изд./Под общ. ред. С.С. Дмитриева. – М.: Сов. Россия, 1991. – с. 363.
10. Записки княгини Дашковой. Письма сестёр Вильмот из России. – 2-е изд./Под общ. ред. С.С. Дмитриева. – М.: Сов. Россия, 1991. – с. 226.
11. Записки княгини Дашковой. Письма сестёр Вильмот из России. – 2-е изд./Под общ. ред. С.С. Дмитриева. – М.: Сов. Россия, 1991. – с. 295.

К.Н. Кузьмина

Россия, г. Омск,

Омский государственный педагогический университет

Научный руководитель к.ф.н, доцент Е. А. Глотова

МОТИВЫ МАТЕРИ В РУССКИХ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ (НА ПРИМЕРЕ ПЕСЕН СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)

Аннотация

Статья посвящена реализации концепта МАТЬ в русских лирических песнях. Целью исследования было выделить основные мотивы, связанные с образом матери в лирических песнях Сибири и Дальнего Востока. На основе анализа был сделан вывод о том, что песенные тексты подтверждают наличие русских национальных мотивов, связанных с образом матери.

Работа представляет интерес для читателей и специалистов, работающих в этой отрасли. Материалы исследования могут быть использованы на уроках русского языка и для создания факультативного курса.

Ключевые слова: концепт, песня, фольклор, национальные мотивы, русская языковая картина мира.

Песня занимает особое место в творчестве любого народа, так как она сопровождает человека всю его жизнь: от рождения до смерти. «Русская песня – это русская история», – говорил А.М. Горький. В песне русские люди рассказывали о своих радостях и горестях, о мечтах, о великих битвах и собственной личной жизни.

Том «Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока» [1] является наиболее полным научным изданием необрядовых лирических песен русского населения Сибири и Дальнего Востока. Основная цель серии – научное издание выдающихся в художественном отношении фольклорных

произведений народов Сибири и Дальнего Востока. Главным критерием отбора текстов было художественное совершенство и историко-познавательная ценность произведения. Тексты воспроизводятся без искажений и литературного вмешательства, с сохранением подлинной народной речи.

В сборнике «Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока» 520 песенных текстов, которые разделены по признаку их сословной принадлежности на следующие тематические группы: крестьянские песни; казачьи и солдатские; песни тюрьмы, каторги и ссылки; песни рабочих (далее нумерация песен приводится в соответствии с расположением песен в сборнике).

Крестьянские любовные и семейно-бытовые песни, наиболее представленные в сборнике, преимущественно женские. Хороводные песни тоже в основном посвящены теме молодости, любви и сватовства.

Единственным разделом, в котором отсутствует сема *мать*, является раздел с игровыми песнями. В хороводно-игровых песнях образ матери в основном используется в значении 'женщина по отношению к рождённым ею детям' с целью объекта для рассказа (в начале игры):

*70. Как у родной маменьки дочь была одна,
Без ума, без разума замуж отдана. <...>
Рассержусь на маменьку, в гости не пойду.
Через восемь годичков пташкой прилечу.
Сяду я у мамоньки в зеленом саду.
Запою я песенку разунылую.
Разбужу я мамоньку рано поутру.
Станет моя мамонька снох своих будить:
– Ох, вставайте, сношеньки, дочери мои.
Кто-то в нашем садичке жалобно поет.
Не моя ли доченька в горюшке живет?*

*124. Был я, мамонька, во иной земле,
Вот и так, сяк, во иной земле!
Видел, мамонька, девок хоровод.*

Можно выделить множество песен, в которых образ матери использован в значении 'то, что является родным, близким, дорогим, представляет собой какую-либо духовную ценность' или 'то, от которого или в котором зарождается, образуется что-либо новое или подобное ему':

*2. Восударушка, ты жисть, радость будто моя,
Э-ох, [во...] в отдаленнушке ты живешь от меня.
В отдаленнушке ты живешь от меня, <...>
Э-ох, да ты во матушке живешь во Москве.*

3. Солнышко, ты взойди-ка из-за..

*Взойди-ка из-за лесу. <...>
Ой, ведь, обогрей-ко тыжа со...
Ма... ой, ведь мать сиру...
Мать сыру-то ее землю.*

*23. Уж ты, матушка Угрюм-река,
Про тебя лежит слава добрая...*

В песнях употреблён также образ свекрови-матушки. В текстах явно прослеживается негативный оттенок в отношении между матушкой-свекровью и «дочкой»:

*275. Свекровь-матушка у ворот стоит,
Кричит-гаркает: – Сноха, иди домой!*

*310. Свекровь-матушка на кухонке похаживает,
Стучит-гремит, стучит-гремит, сношке спать не дает..*

В песнях крестьян нами был выделен мотив обвинения матери, жалоб на неё:

*75. – Я тебе, мамонька, наказывала, –
Я тебе, родимая, говаривала,
Не отдай меня на ту сторону.*

*88. Черной да шля... шляпой принакрылся,
Родной да ма... матери склонился?
– Ой, ты да мать, мать моя родима,
Пошто да ра...рано спородила...*

*371. Увидали нас ребятушки,
Рассказали нашей матушке.
Наша матушка ничем не годна –
Никакого нам совета не дала.*

Но обычно мать выступает в качестве советчицы или защитницы:

*153. – Мамонька, родная, брюшко болит,
Ой, ой, брюшко болит.
– Доченька родная, полезай на печь,
Ой, ой, полезай на печь.*

*154. Бей меня, матушка, жури-брани,
Государоня, жури-брани!
Не отдай, меня, матушка,
За старова замуж.*

В русском национальном сознании мать и отец – это некое единство, что подтверждается и во многих лирических песнях Сибири и Дальнего Востока:

78. Поезжай-ка ты, братец мой, до дому да до дому,

*Скажи-ка ты тятеньке ты с мамой по поклону да по поклону.
Скажи ты тятеньке ты с мамой по поклону да по поклону,
Скажи-ка ты дедушке с бабушкой по второму да по второму.*

*227. Говорила Настасьюшка
Родному батюшке с матушкой:
– Государь ты мой батюшка,
Государыня матушка,
Постройте мне горенку...*

Казачьи и солдатские песни посвящены художественному отражению наиболее характерных черт военной службы, эпизодов, картин и отдельных памятных событий. Песни проникнуты чувством горечи и печали, исполнены глубокого сочувствия к служивому, вследствие этого распространен мотив расставания с близкими и горя:

*382. Не кукушечка во сыром бору скуковала, скуковала,
Не в высок терем раскукушечкавестку подавала, вестку подавала –
То родная матушка слезно спрочитала:
– Что хорош, что пригож, мое дитяtko, хорош уродился,
Что хорош уродился, да несчастливо снарядился.
– Моя матушка, не плачь, не крушись, что во солдаты годился <...>
– Собер-ка я свои кудрецы во итальянский плат;
Отошцлю-ка я свои кудрецы к матушке родной!*

*400. Калина с малинушкойранешенькой расцвела,
На ту пору-времячкомати сына родила,
Спородила маменька, на ноженьки возняла;
Возняла на ноженьки, в чужии люди отдала <...>
Услышала маменька про казацкое жительство <...>
Закричала маменька своим громким голоском:
– Воротись-ка, дитяtko, воротися ты назад!*

*445. Как во этих палатах кукушка кукует –
Родина мать горюет.*

О своей близкой смерти казак (солдат) в первую очередь спешит рассказать родителям – об этом сложено немало песен. Мотив смерти в них неразрывно связан с мотивом свадьбы: распространены такие параллели, как жена – гробовая доска.

*437. Побегу-ка ты, конь, по дорожке вдоль,
На родну сторону к отцу с матерью.
Расскажи ты им, конь, что хозяин твой
За Аргунью-рекой там кончается,
С отцом, с матерью он прощается.*

438. – Уж ты конь, ты мой конь, конь товарищ родной,
Ты бежи-ка, мой конь, к отцу с матерью домой.
Не скажи, ты мой конь, что убит я лежу,
А скажи, ты мой конь, что женат я хожу. <...>
А жена у меня – гробовая доска,
А мать у меня – мать сырая земля.

439. Ой, да ты лети в край родимой,
Ой, неси мамоньке поклон,
Ой, да ты скажи-ка, ой, родимой,
Ой, да что женился в поле под кустом. <...>
Ой, да постель-то у меня –
Ой, да мать сыра, мать сыра земля.

Наиболее распространенные значения, в которых употребляется слово мать в казачьих и солдатских песнях, это 'то, что является родным, близким, дорогим, представляет собой какую-либо духовную ценность' и 'то, от которого или в котором зарождается, образуется что-либо новое или подобное ему':

388. Ой, что придет на тебя,
Да мать да дубровушка...

415. Уж ты, матушка Россия, –
Всему свету голова.
419. Ты только Россия-мать наша Россия,
Куда ж от.. от нас скрылась?

420. – Господа вы, казаченьки, где же ваши матки?
–Наша матки – сосны гладки во сыром борочке.

422. Спокачались горы, доли,
Сотрясалась мать-сыра земля.

428. Прощай, матушка город Чита,
Да нам стоять тут – некогда.

История сибирской ссылки начинается еще в XVII веке и состав ссыльных за всё время её существования был необычайно разнообразен. Отсюда и та необычайная пестрота сибирского арестантского песенного репертуара, самые разнообразные по происхождению, содержанию и художественным особенностям. Наибольшее распространение получили острожные песни, потому что они достаточно глубоко отражали суровую действительность.

Отношение матери к узнику различно и зависит от отношения певца к персонажу песни:

➤ Мать и отец отрекаются от заключенного.

458. ...стал письмо писать.

*Не пером писал, не чернилами,
А своими-то горючими слезами.
Запечатывал кровью алою,
Отсылал письмо к отцу-матери.*

Отец-мать мои отпираются:

– У нас не было в роду разбойника.

➤ Матери для выкупа не хватает последней тысячи.

459. К нему матушка его родная,

Не гостить зашла, а проведать

<...>

– Ах ты, матушка, ты родимая!

Ты сходи, сходи к прокурору в дом...

460. Прилетала к доброму молодцу родна матушка.

Она плачет-то родная матушка – как река течет;

– Иишио чем-то я, дитя мило, выкупать буду?

Золотой казны у бедной вдовы не случилось.

В некоторых песнях раскрывается обратная сторона ситуации: обвинение узником матери в своих бедах.

468. А породила меня моя матушка

Во дремучем лесу, что во темном бору

<...>

Во недобрый день да во пятницу.

Пеленала меня моя матушка

Зеленой травой, не атлас-бархатом.

«Песни тюрьмы, каторги и ссылки» является единственным разделом, где был найден образец песни с образом Священной Матери:

463. Белы ручки опустилися,

Как головушка покатилося.

Помолился я богу крепкому

И пречистой его матери.

Песни рабочих отличаются самобытностью, многие из них возникают на основе крестьянских. Главная тема этих произведений – недовольство рабочих своим каторжным положением, также распространен мотив бегства и связанного с ним жестокого наказания.

В песнях рабочих образ матери используется в значении того, что является родным, близким, дорогим, представляет собой какую-либо духовную ценность:

502. Мать-сыра земля богата,

По тыщи пудов на брата.

Также рабочие используют слово мать в значении 'то, от которого или в котором зарождается, образуется что-либо новое или подобное ему':

507. – *Гей, тайга, ты тайга, тайга-матушка,
Ты вскормила меня, возлелеяла.*

<...>

*И давай кайлить-разворачивать
Кайлой острою мать-сыру землю!*

516. – *Ох, ты, шахта, мать родная,
Иду урок своё выполнять.*

Таким образом, можно отметить, что песенные тексты подтверждают наличие русских национальных мотивов, связанных с образом матери.

Список литературы

1. Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока / Сост. С.И.Красноштанов, В.С.Левашов, В.М.Щуров. – Новосибирск: Наука. Сиб.предприятие РАН, 1997. – 524 с.

*Е.Ф. Шадринцева
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный университет
Научный руководитель к.ф.н., доцент О. А.Скубач*

МОТИВ «БРАК-ОШИБКА» В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА

Аннотация

В данной статье рассматривается регулярно встречающийся в рассказах А.П.Чехова мотив «брака-ошибки», анализируется его роль в творчестве писателя. На примере нескольких рассказов А.П.Чехова автор статьи показывает, что использованный мотив подчеркивает не только комичность ситуаций, но и является отражением мировоззрения Чехова.

Ключевые слова: мотив «брак-ошибка», А.П.Чехов, тема любви, брак, комизм

Ни для кого не секрет, что творческое наследие драматурга и писателя А.П.Чехова необычайно широко, а в произведениях автора затрагиваются основные проблемы российского общества рубежа XIX – начала XX века. Тема взаимоотношений мужчины и женщины, тема любви в конце XIX столетия, на фоне ибсеновских драм и движения суфражисток, зазвучала заметно по-новому, и Чехов не мог обойти ее стороной. Сюжеты, связанные со

взаимоотношениями полов в прозе Чехова, несомненно, приоткрывают некоторые взгляды самого автора. В этой связи особого внимания заслуживает мотив брака, появляющийся в чеховской прозе регулярно. При этом стоит отметить, что данный мотив в произведениях Чехова не имеет почти ничего общего с темой любви. Счастливые семьи наслаждаются своим одинаковым счастьем за пределами чеховского универсума, в мире же писателя брак – это вынужденная мера, результат внешнего давления или внутренней несвободы, решение, к которому невозможно прийти по собственному желанию; следовательно, брак – это всего лишь ошибка, жалкое недоразумение.

Женившийся только раз (и то в довольно зрелом возрасте) писатель оставил после себя множество искрометных цитат, в том числе о женщинах и о браке. Приведем некоторые из них:

- 1) «Женятся, потому что обоим деваться некуда» [1, с.66];
- 2) «Муж и жена любили гостей, потому что без гостей ссорились» [1, с.68];
- 3) «Если боитесь одиночества, то не женитесь» [1, с.66];
- 4) «Я заметил, что, женившись, перестают быть любопытными» [1, с.69].

Отсюда видно, что к институту брака Чехов относился с определенной долей цинизма. Вместе с тем, очевидно, что тема семьи и брака волновала писателя на протяжении всей его жизни и, несмотря на полное отрицание позитивных эффектов союза мужчины и женщины, возможно, он все же не был столь категоричен. Обратимся к некоторым рассказам А.П.Чехова, наглядно иллюстрирующим выявленный нами мотив.

В рассказе «Брак по расчету» (1884), снабженном явно не случайным авторским подзаголовком «роман в двух частях», перед читателями разыгрывается семейная «драма», последовавшая за, казалось бы, невинным разговором героев об электричестве. Комизм и нелепость ситуации прослеживаются буквально с самых первых строк:

«В доме вдовы Мымриной, что в Пятисобачьем переулке, свадебный ужин. Ужинает 23 человека, из коих восемь ничего не едят, клюют носом и жалуются, что их «мутит». Свечи, лампы и хромая люстра, взятая напрокат из трактира, горят до того ярко, что один из гостей, сидящих за столом, телеграфист, кокетливо щурит глаза и то и дело заговаривает об электрическом освещении – ни к селу, ни к городу...» [2, с.82]

Примечательно и то, каким образом автор рисует портрет невесты. Налицо открытое высмеивание глупости Дашеньки: «Невеста Дашенька, у которой на лице написаны все добродетели, кроме одной – способности мыслить, вспыхивает и говорит:

– Они хотят свою образованность показать и всегда говорят о непонятном» [2, с.83].

Настоящая комедия разворачивается в тот момент, когда жених по фамилии Апломбов (использование «говорящих» фамилий – очевидный, даже демонстративный прием; вспомним и то, как зовут тещу), решив, что один из гостей – телеграфист Блинчиков – подозревает его в неискренности намерений, начинает приводить доказательства своей «любви».

«– Позвольте вам выйти вон! Желаю, чтобы и вы были таким честным человеком, как я! Одним словом, позвольте вам выйти вон!

– Да оставь! Будет тебе! – осаживают жениха его приятели. – Ну, стоит ли? Садись! Оставь!

– *Нет, я желаю показать, что он не имеет никакой полной правы! Я по любви вступил в законный брак. Чего же вы сидите, не понимаю! Позвольте вам выйти вон!»* [2, с.84]

Во второй части произведения мы узнаем, чем закончилась эта печальная повесть о любви. Развязка такова: «– В доме Мымириной, что вчерась была свадьба, жениха обсчитали. Вместо тысячи – девятьсот дали.

– Ну, а он что?

– Осерчал. Я, говорит, того, говорит... *Распорол в сердцах перину и выпустил пух в окно... Ишь, сколько пуху! Снег словно!»* [2, с.85]

Таким образом, от былых чувств героев здесь остается лишь пух, с одной стороны, являющийся метафорой пустоты и иллюзорности; в то же время здесь буквально обыгрывается понятие ссоры «в пух и в прах», приведшей к известному результату.

Далее обратимся к еще одному чеховскому рассказу под названием «О том, как я в законный брак вступил» (1883). Подчеркнем, что данное произведение писатель озаглавливает как «рассказец», и, как нетрудно догадаться, эта номинация приобретает иронический подтекст.

В центре повествования – история о том, как одного молодого человека (его имя читателю неизвестно) заставляет жениться отец потенциальной невесты – Зои Андреевны. Поначалу героя терзают сомнения, но в дальнейшем он приступает к решительным действиям: *«Но могу ли я объясняться ей в любви, – прошептал я, – ежели я ее не люблю?»*

– Не твое дело... *Ты, дурак, ничего не понимаешь...»* [2, с.201]

Наконец «влюбленный» и напуганный жених переходит к исполнению родительской воли. При этом следует заострить внимание на театральности ситуации. «Выйдемте в сад, – сказал я. – Здесь душно... Вышли и пошли по аллейке. Родители, подслушивавшие за дверью, при нашем появлении юркнули в кусты. По Зоиному лицу забегал лунный свет. Глуп я был тогда, а сумел прочесть на этом лице всю сладость неволи! Я вздохнул и продолжал:

– Соловей поет, женушку свою забавляет... А кого-то я, одинокий, могу позабавить?

Зоя покраснела и опустила глазки. *«Это ей было приказано так сактрисничать...»* [2, с.202]

Еще одной любопытной деталью рассказа становится то, что Чехов вновь рисует образ недалекой и глуповатой невесты: «Бедная девочка не любила меня. Она ненавидела меня, как собака палку, и презирала, ежели только можно допустить, что глупые презирать способны» [2, с.202].

Непостоянство и метания героя отчетливо проявляются в сцене любовного признания и последующего раскаяния: «От одной особы всё мое счастье зависит, – продолжал я. – Я питаю к этой особе чувства... обоняние... Я люблю ее, и ежели она меня не любит, то я, значит, погиб... помер... Эта особа есть вы. <...>

Зоя Андреевна, голубушка моя, не верьте! Ей же богу, не верьте! Не люблю я вас! Будь я трижды анафема проклят, ежели я люблю! И вы меня не любите! Всё это чепуха одна только... <...>

Не надо! Всё это одна только комедь! Женят нас насильно, Зоя Андреевна, ради имущественных интересов; какая же тут любовь? Мне легче камень осельный на шею, чем вас за себя взять, вот что! Какого ж чёрта! Какое они имеют полное право? Что мы для них? Крепостные? Собаки? Не женимся! На зло! Дряни этакие! Довольно уж мы им поблажку делали! Пойду сейчас и скажу, что не хочу жениться на вас, вот и всё!» [2, с.202-203]

Однако главному герою не удастся избежать данного им обещания жениться: «Но нас все-таки поженили...» [2, с.204]

В конечном счете Чехов изображает финал рассказа в свойственной ему насмешливой манере, и кажущаяся на первый взгляд хеппи-эндом развязка приобретает ощущение тягостной безысходности:

«Сегодня мы празднуем нашу серебряную свадьбу. Четверть столетия вместе прожили! Сначала жутко приходилось. Бранил ее, лупцевал, принимался любить ее с горя... Детей имели с горя... Потом... ничего себе... *попривыкли*... А в настоящий момент стоит она, Зочка, за моей спиной и, положив ручки на мои плечи, целует меня в лысину» [2, с.204].

Пожалуй, самый жесткий сарказм в отношении брака звучит в рассказе «Брак через 10-15 лет» (1885). В начале текста Чехов описывает обстановку гостиной; часть этой обстановки – сама героиня: «В гостиной сидит девица лет 20-25. Одета она по последней моде: сидит сразу на трёх стульях, причём один стул занимает она сама, два другие – её турнюр. На груди брошка, величиной с добрую сковороду. Причёска, как и подобает образованной девице, скромная: два-три пуда волос, зачёсанных кверху, и на волосах маленькая лестница для причёсывающей горничной. Тут же на пианино лежит шляпа девицы. На шляпе искусно сделанная индейка на яйцах в натуральную величину» [3, с.409].

Оказывается, принарядившаяся девушка ждет брачного агента. Вступление в брак для героев равносильно заключению торговой сделки:

«– «Общество» указало мне на несколько невест, но думаю, что ваши условия для меня будут самыми подходящими. Из этой вот записки, данной мне секретарём «Общества», видно, что вы приносите с собой мужу дом на

Плющихе, 40 тысяч деньгами и тысяч на пять движимого имущества... Так ли это?

– Нет... За мною идёт только 20 000, – кокетничает девица. – В таком случае, сударыня, виноват... извините за беспокойство... честь имею кланяться...

– Нет, нет... я пошутила! – смеётся девица. – В вашей записке всё верно... Деньги, дом и движимое... В «Обществе» вам, конечно, говорили, что ремонт дома будет производиться на счёт мужа... и... и... – я ужасно застенчива! – и деньги муж получает не все сразу, а с рассрочкой на три года...

– Нет, сударыня, – вздыхает Балалайкин, – нынче с рассрочкой никто не женится! Если уж вы так настаиваете на рассрочке, то извольте, я дам вам год...

Девица и Балалайкин начинают торговаться. Девица в конце концов сдаётся и довольствуется годом рассрочки» [3, с.410].

Стоит отметить, что в данном произведении комично и нелепо все, начиная от обстоятельств, в которых между героями протекает разговор, до самих героев. Действительно, жених «на зависть», а невеста по-настоящему «счастлива». Посмотрим, как презентует своего клиента Балалайкин и в какой восторг приходит мечтающая стать женой девушка:

«Займы – это его главное занятие. Но, как натура широкая, не узкая, он не довольствуется одною только этою деятельностью... Без преувеличения можно сказать, что лучше его никто не сбудет с рук фальшивого купона... Кроме того, он состоит опекуном своей племянницы, что даёт ему около трёх тысяч в год... Далее, в театрах он выдаёт себя за рецензента и таким образом получает от актёров бесплатные ужины и контрамарки... Два раза он судился за растрату и ныне ещё под судом за подлог...

– Скажите, что я подумую...

– О чём же думать, сударыня? Не смею советовать вам, но, желая вам добра, не могу не выразить своего удивления... Человек порядочный, блестящий во всех отношениях и... и вдруг вы не соглашаетесь сразу, зная, как гибельна может быть для вас проволочка. Ведь пока вы будете думать, он войдёт в соглашение с другою невестой!

– Это правда... В таком случае я согласна...

– Давно бы так! Позвольте получить с вас задаток?

Девица даёт комиссионеру 10-20 рублей. Тот берёт, расшаркивается и идёт к двери.

– А расписку? – останавливает его девица.

– Mille pardons, сударыня! Я совсем забыл! Ха-ха...

Балалайкин пишет расписку, шаркает ещё раз и уходит, девица же закрывает лицо и падает на диван.

– Как я счастлива! – восклицает она, охваченная новым, неведомым ей доселе чувством» [3, с.411].

Таким образом, рассмотрев несколько рассказов А.П. Чехова, мы обнаружили, что мотив брака в творчестве писателя играет важную роль. Создается ощущение, что автор абсолютно убежден в том, что брак и любовь – две вещи несовместимые. Любовь возможна, но только в том случае, если двое не связаны узами брака. Вступающие же в брак, согласно Чехову, стремятся получить выгоду или просто глупы.

Можно заключить, что представленный в произведениях Чехова мотив «брака-ошибки» не только подчеркивает комизм и ничтожность ситуаций, но и отражает авторское мировоззрение.

Список литературы

1. Так говорил Антон Чехов/сост.М.А.Сычева. – Ростов н/Д: Феникс, 2016;
2. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах/ А.П.Чехов – М.: Правда, 1985. Том второй;
3. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах/ А.П.Чехов – М.: Правда, 1985. Том третий.

*А. А. Кармазина
Россия, г. Краснодар,
Кубанский государственный университет
Научный руководитель к.фил.н., доцент В. В. Сайченко*

ОБРАЗЫ ПИСАТЕЛЕЙ В КРИТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация

В статье рассматривается критическая проза писателя на материале «Дневника писателя».

Прижизненная критика Достоевского - критическая проза в составе его моножурнала «Дневник писателя» — занимает особое место в ряду его работ. Актуальность работы обусловлена непреходящим вниманием мыслящих людей к творчеству Достоевского.

В работе выявлены особенности критической прозы Достоевского. Статья представлена авторским анализом образов русских писателей, чье творчество было значимым для России.

Работу возможно использовать в учебном процессе при изучении творчества писателя как в школе, так и в других учебных заведениях на спецкурсах, факультативных занятиях.

Ключевые слова: критическая проза, «Дневник писателя», публицистика, воспоминания, очерк, фельетон, Пушкин, Некрасов.

В «Дневнике писателя» Достоевский предстает перед читателем в качестве гениального литературного критика. Его перу принадлежат статьи о писателях как зарубежных, так и русских. Статьи об А. С. Пушкине, Н. В. Гоголе, Н. А. Некрасове, Л. Н. Толстом и других русских писателях являют собой поразительную картину. Представленные в «Дневнике» литературные характеристики отличаются тонкостью и глубиной, обладают большим эстетическим потенциалом, являются подлинным источником знаний о том или ином писателе.

Одним из ярких примеров такой критики стал очерк «Пушкин», написанный писателем в рамках пушкинских торжеств 1880 г. Именно на торжествах в честь пушкинского дня рождения Достоевский и произнес свою речь в июне 1880 г. в Москве. Эта речь была опубликована сначала в «Московских ведомостях», а затем в августовском номере «Дневника писателя».

Очерк открывается цитатой другого великого писателя — Николая Васильевича Гоголя. Если Гоголь называл Пушкина явлением чрезвычайным, то Достоевский еще и пророческим. Пушкин приходится на начало правильного самосознания нашего народа. Достоевский делит деятельность поэта на три периода и отмечает, что эти периоды не имеют четких границ. Так, начало работы над романом «Евгений Онегин» критик относит к первому периоду, тогда как окончание — ко второму. Достоевский подчеркивает чрезвычайную самостоятельность гения Пушкина, потому что, несмотря на влияние, которое оказали на творчество нашего стихотворца европейцы: Поэты, Шенье, Байрон и др., — наш национальный поэт явил миру глубокое русское самосознание, творческую силу и стремительность.

Уже в Алеко, герое поэмы «Цыгане», виден настоящий русский тип бездомного скитальца, который все тот же русский человек. В Алеко Достоевский находит тип благодушного русского характера «с оттенком европейского социализма». Алеко, конечно, еще далек от спасительной дороги «смиренного общения с народом», однако тоска, присутствующая в этом герое, позволяет причислить его к будущим борцам за народную правду.

По Пушкину, решение вопроса в умении победить, усмирить самого себя, чтобы прийти к пониманию своего предназначения. Свое дальнейшее распространение эта мысль получила в «Евгении Онегине». В начале романа Евгений еще слишком мало жил и жил в светском обществе, чтобы уже полностью разочароваться в действительности. Но уже первые звоночки этого разочарования во вся и всех появляются в душе героя. Онегин и любит родную землю, и в то же время не знает, что ему на ней делать. Он не доверяет Родине, чувствуя себя дома, словно в гостях.

Онегин не находит идеалов на родной ниве, он только лишь твердо уверен, что невозможно найти применение собственным силам на родной земле, невозможно работать в своем Отечестве. На тех же, кто в это верит, Онегин смотрит со снисходительной насмешкой. Онегин хандрит и хандрит тем сильнее, чем дольше бесполезно живет в деревне. Он и Ленского убивает от того, что хандрит. И возможно, по мировому идеалу.

Сравнивая Онегина с Татьяной, Достоевский называет Евгения «нравственным эмбрионом», неспособным увидеть и оценить совершенство главной героини романа. Для Достоевского Татьяна — идеал — каких мало — русской женщины. Даже в русской литературе, кроме Лизы из «Дворянского гнезда», никто не может сравниться с Лариной. Нравственная красота Татьяны до конца проявляется в сцене последнего объяснения героев.

А Онегин даже не сумел разглядеть ее совершенство и законченность, потому что не привык интересоваться человеческой душой. Его называет критик отвлеченной душой, беспокойным мечтателем. Ведь Онегин не узнал Татьяну не только в образе скромной и робкой невинной девушки, но и в образе светской львицы, затмевающей остальных. Беда их романа, по мнению такого знатока человеческих душ, как Федор Михайлович, в том, что Татьяна прошла мимо Онегина, человека, которого она искренне любила.

Достоевский отмечает духовное лакейство героя, в то же время подчеркивает честность Онегина по отношению к Татьяне. Кроме того, анализируя поступки героев, Достоевский не устает восхищаться красотой строк пушкинского романа и силой его поэтического дарования. Писатель говорит о Татьяне с восхищением, испытывая уважение к ее стойкости и порядочности.

Достоевский замечает то, что не видели другие. Он оценивает ум героини, ее смелость. Жизнь высшего света, куда теперь вхожа и она, не нравится Татьяне, но она вынуждена ее терпеть из-за статуса близких ей людей. Весь смысл поэмы Достоевский видит в знаменитой фразе героини:

Но я другому отдана
И буду век ему верна.

И здесь не идут в расчет религиозные взгляды Татьяны, не стоит говорить и о таинствах брака. Татьяна верна мужу по другой причине. Она продолжает любить Онегина с прежней силой, однако твердо отвергает возможность быть вместе с Евгением. И это решение достойно уважения. Будучи смелой и отважной женщиной, Татьяна не побоялась бы решительных действий, если захотела бы оставить мужа. Но она этого не делает и заслуживает великое уважение не только Достоевского, но и всех читателей романа.

Татьяна понимает, что ее муж — достойный человек, который очень любит жену, гордится ей и уважает. Он ни разу не обидел свою супругу, и она просто не может черной неблагодарностью отплатить за все добро, которое видела от мужа. Она понимает, что ее измена убила бы мужа, и не хочет делать больно человеку, вина которого лишь в том, что Татьяна его не любит. Но она

сама сделала свой выбор и сказала «да» этому человеку. Она не может так поступить с мужем. Кроме того, невозможно построить счастье на несчастье другого. Да и вообще, как можно жить с мыслью, что за душой стоит «нечестный, безжалостный, бесчеловечный поступок».

Гуманизм Достоевского проявляется в каждой строчке этого очерка. Он на примере дает объяснение, почему для Татьяны немислим подобный поступок. Татьяна с ее высокой душой, чутким сердцем не может пойти на подлый поступок. Поэтому Татьяна предпочитает остаться несчастной сама. А это настоящая трагедия, но героиня уже сделала свой выбор.

По мнению Достоевского, Онегин не знает Татьяны, он принимает ее за что-то другое, чем она не является. У Онегина нет опоры в жизни, его носит, как былинку. Взгляды Достоевского на героев Пушкина новы, интересны и доказательны. Писатель превозносит главную героиню романа, признавая именно за ней величие, доброту и правду. У Татьяны есть корни, она русская всей душой, образом мыслей, поступками, отношением к людям и событиям. Достоевский считает роман «Евгений Онегин» недостижимо великим творением гениального поэта. Кроме того, Пушкин является по-настоящему народным поэтом, умеющим увидеть самую глубину нашей сути. Пушкин первым показал миру тип русского скитальца, угадав его своим безошибочным чутьем. Именно Пушкин увидел его огромное значение в грядущей судьбе русского народа. И Пушкин же поставил рядом с героем прекрасную русскую женщину, неспособную к подлости, низости, предательству.

Достоевский видит родство Пушкина с русским народом. Писатель признает, что в России есть еще два автора, вроде бы близких к народу. Но это все не то, не так, как у Александра Сергеевича. Поэт сроднился с народом взаправду, это его родство, по мнению Достоевского, доходит до какого-то «простодушнейшего умиления».

Достоевский уверен, что Пушкин как бы указывает направление всем последующим талантам. Без этого его указующего направления вряд ли бы проявился талант грядущих за ним художников.

Пушкин представил нам также типы русской красоты, вышедшей из народной правды, из русской почвы. Все эти положительные типы русского человека с красивой душой присутствуют в разных произведениях поэта. Все они отличаются народным духом, который Пушкин видел и понимал лучше многих. Читая Пушкина, каждый сознавал, что пока существуют такие народные типы на нашей земле (Татьяна, герои «Капитанской дочки», исторические персонажи и др.), русским нечего опасаться за свое будущее. Пушкин разглядел и смог показать в своих произведениях главные нравственные сокровища русского духа, не зависящие ни от экономики, ни от материальных богатств.

Также весьма интересны наблюдения и заметки Достоевского по поводу другого русского поэта — Николая Алексеевича Некрасова. Автор «Дневника» знал Некрасова лично, общался с ним, навещал во время болезни. Именно

поэтому Достоевский считает необходимым высказаться по поводу всех тех заметок, которые вышли по поводу смерти и похорон Некрасова. В своей статье Достоевский отдает дань памяти великому человеку и вспоминает, каким был Некрасов. В «некрасовской» главе декабрьского выпуска «Дневника» Достоевский полемизировал со Скабичевским, Бурениным и студентами-радикалами. Эта полемика особенно оживленно обсуждалась в газетах того времени.

А. Г. Достоевская так охарактеризовала мнение большинства журналистов и писателей о «некрасовской» главе «Дневника»: «По мнению многих литераторов, статья эта представляла лучшую защитительную речь Некрасова как человека, кем-либо написанную из тогдашних критиков» [Достоевская 1971: 38]. Такой же была оценка и читательницы Е. А. Штакеншнейдер: «Его глава в «Дневнике писателя» о Некрасове разве не перл? Кто из поклонников и панегиристов Некрасова сказал о нем то, что сказал о нем Достоевский? И сказал не превознося его, не хваля, не выставляя его добродетель и умаляя пороки» [Достоевский в воспоминаниях современников 1964: 316].

Благожелательно восприняли оценку Некрасова и публицисты «Нового времени» и «Недели»: «Вот, по моему искреннему убеждению, оценка поэзии и личности Некрасова столь же глубокая, сколько верная. <...> Только таким любящим народ сердцем и можно постигнуть настоящую суть поэзии Некрасова и отличить в этой поэзии то, что действительно составляет ее великую сущность, ее плодотворное зерно, от наносной шелухи, которой в стихотворениях покойного найдется немало» [Достоевский «Дневник писателя»].

В связи с кончиной поэта многие, как бы извиняя Некрасова, говорили о его практичности, как о последствии тяжелой юности, полной лишений. Достоевский с ходу отмечает подобные замечания, говоря, что Некрасов не нуждался и не нуждается в подобных извинениях. Некрасов, как писал о нем Федор Михайлович Достоевский, «потрясал сердца, вызывал восторг и умиление к доброму и прекрасному стихами своими» [Достоевский «Дневник писателя»]. Подобные извинения принижают, затемняют и умаляют образ Некрасова, а согласиться с этим автор «Дневника», конечно же, не мог.

Достоевский уверен, что разговоры о практической жизни покойного похожи на сплетни, где большая часть является чистой ложью и вздором. Писатель отмечает характерность такого замечательного человека, как Некрасов, а это говорит о том, что у него не могло не быть недругов. Однако если отбросить старания врагов, то все равно в личности Некрасова присутствует что-то мрачное и мучительное, и Достоевский дает этому объяснение. Он считает, что суть мучительной половины жизни Некрасова была заложена еще на заре его дней, когда он почти ребенком оказался один в чужом городе без денег, без поддержки, без близких. Именно тогда Некрасов решил, что материальное благополучие оградит его в будущем от толпы людей, к которым он по молодости относился крайне скептически. Достоевский,

рассказывая о своем знакомстве с поэтом, говорит, что Некрасов стремился к богатой жизни, чтобы никогда, ни от кого и ни в чем уже не зависеть. Однако Достоевский считал, что желание богатства никак не сочетается со стихами бессмертной красоты. Вот почему, по мнению автора «Дневника писателя», Некрасов страдал всю свою жизнь. Поэт понимал, что деньги могут интересовать людей низких, примитивных, которых он сам же и презирал. В его душе жила потребность бросить все денежные занятия и отдаться творчеству, радовать хороших людей стихами. Он всю жизнь разрывался между двумя этими крайностями: наживой и бескорыстным служением людям. Но Некрасов так и не смог отказаться от богатства, желания иметь миллионы. Это желание Достоевский называл демоном: «За то и заплатил страданием, страданием всей жизни своей. В самом деле, мы знаем лишь стихи, но что мы знаем о внутренней борьбе его с своим демоном, борьбе несомненно мучительной и всю жизнь продолжавшейся?»

Достоевский всегда утверждал, что Некрасов — певец скорби народной — всегда был честен перед собой и читателем. Главным для Некрасова было создание стихов для народа, и если бы его стихотворения не приносили дохода, поэт все равно не перестал бы их писать. Он всю жизнь посвятил своему народу, писал о нем и для него. Некрасов очень любил свой народ, его тянуло к нему в тяжелые минуты жизни. По мнению Достоевского, любовь к народу была у Некрасова как внутренняя потребность, он в служении своему народу находил очищение перед самим собой. Народная любовь оправдывала существование поэта, который в свою очередь становился лучше, сознавая свое предназначение.

Достоевский показывал Некрасова настоящим подвижником. Поэт не находил предмета любви в своем окружении, потому что люди его круга эгоистичны, порочны, тщеславны. Он уходил от этих людей к тем, кто жил оскорбленным, терпящим невзгоды, к несчастным. Он шел к простым людям в минуты, когда на него находило отвращение к той жизни, которой он «минутами слабодушно и порочно отдавался; он шел и бился о плиты бедного сельского родного храма и получал исцеление. Не избрал бы он себе такой исход, если б не верил в него. В любви к народу он находил нечто незыблемое, какой-то незыблемый и святой исход всему, что его мучило» [Достоевский «Дневник писателя»]. Достоевскому удалось объяснить противоречия, существовавшие в личности Некрасова.

Автор писал, что Некрасов преклонялся перед народной правдой, признавал народную истину, признавая ее присутствие только в народе. И это осознание шло от сердца. Достоевский ставил Некрасова в разряд тех литературных деятелей, которые признавали народную правду, вечно искали ее, стремились к ней. И никакие практические соображения не могли заставить русского народного поэта Некрасова отказаться от нее. А значит, подытоживает Достоевский, никто не имеет права судить и обвинять Некрасова в том, что он писал стихи ради прибыли.

Достоевский причисляет Некрасова к русским историческим типам, поэт — пример того, до каких нравственных противоречий доходит русский человек. Но этот человек останется в сердце народном навсегда. «Порывы любви этого поэта так часто были искренни, чисты и простосердечны!», — пишет Достоевский, не раз вспоминая историю знакомства с Некрасовым. С первых встреч у автора «Дневника» сложилось убеждение, что Некрасов — это человек с раненым сердцем, с незакрывавшейся раной. Эти обстоятельства и наложили свой отпечаток на творчество поэта, который испытывал страстное сочувствие к каждому, кто страдает от насилия, от жестокости, грубости, необузданности. Из-за своего детства в доме отца он тонко чувствовал, что гнетет нашу русскую женщину, русского ребенка в семье, нашего крестьянина в горькой его доле.

Достоевский вспоминает об откровенной беседе с Некрасовым, когда поэт поведал о своем детстве. Некрасов показался Достоевскому человеком, очень любящим свою мать. Достоевский увидел человека, которому в детстве пришлось много страдать и за себя, и за мать, ведь Некрасов видел и понимал, как ей тяжело. Сын считал мать страдальцей, и были часты случаи, когда они вдвоем плакали где-нибудь в укромном месте. Мать для поэта была существом высшего порядка, он любил ее безмерно, и она так же любила сына. Именно картины детства оставили глубокий след в сознании поэта. Некрасов всегда был чуток к человеческой боли, а еще он был единственным нашим поэтом, у которого, по мнению Достоевского, присутствовала такая чисто русская черта, как склонность к покаянию.

Достоевский писал о похоронах Некрасова, которые показали истинное отношение России к своему поэту. Пришло огромное количество народа, прощание затянулось, с кладбища разошлись уже в сумерки. Когда Достоевский начал говорить о Некрасове, поставив его на третье место после Пушкина и Лермонтова, чей-то голос его перебил, выкрикнув, что Николай Некрасов выше этих поэтов.

Достоевский высказал убеждение, что в поэзию нашу Некрасов пришел со своим «новым словом». Он был в высшей степени своеобразен и займет в русской литературе видное и памятное место, которое навсегда за ним и останется. Достоевский описывал и первое знакомство с Некрасовым, которое произошло, когда обоим было по двадцать с небольшим лет. Уже тогда характер поэта показался Федору Михайловичу странным: в отношениях двух литературных гениев были разные периоды, они то сходились, то расходились — и надолго — из-за недоразумений, занятости, разных взглядов и пр.

Достоевский не только хвалил поэта: есть страницы «Дневника», где автор достаточно критично описывает творчество Некрасова. Это те строки, в которых писатель говорит о мундирности приемов, мыслей, слога, натуральности двух поэтов Некрасова. То есть нельзя сказать, что Достоевский не видит некоторых отрицательных моментов в творчестве поэта. Однако, Федор Михайлович отмечает даже в этих неудачных поэмах отдельные

хорошие моменты, которые намекают на талант поэта. А в наличии таланта Достоевский и не сомневается! Речь идет о поэме «Русские женщины», и Достоевский критикует тот эпизод, когда жена через всю страну с невероятными трудностями и лишениями приехала к мужу на каторгу и бросилась целовать его цепи. В этом Достоевский видит искусственность и какую-то небывальщину. Он еще в некоторых моментах отмечает ненатуральность и надуманность описываемых ситуаций. А потом замечает, что и вся поэма написана, «чтобы к первому января отвязаться...» [Достоевский «Дневник писателя»]. Однако Достоевский и тогда признавал, что Некрасов — это громкое имя в литературе, это поэт, написавший много прекрасных стихов. Автор «Дневника» называет Некрасова поэтом страдания и повторяет, что человек заслужил это имя. И действительно, сам Николай Алексеевич Некрасов всю жизнь старался дорасти до народной правды. Он, как никто другой понимал, двойственность своей природы и страдал от нее искренне и глубоко.

Таким образом, Достоевский объективно представляет поэта на суд читателей. Автору «Дневника» Некрасов важен, прежде всего, как человек и как поэт, писавший для народа и о народе. Заметки Достоевского помогают открыть новую грань характера замечательного русского поэта, оставившего свой след в нашей литературе.

В «Дневнике» и современный читатель найдет много нового и интересного, почерпнет полезные знания, необходимые для понимания как сегодняшней действительности, так и каких-либо потаенных личных переживаний. Публицистика Достоевского не потеряла своей актуальности и в двадцать первом веке. Не потеряет и дальше.

Список литературы

1. Достоевская А. Г. Воспоминания. — М., «Художественная литература», 1971.
2. Федор Достоевский. Дневник писателя. URL:http://www.e-reading.by/bookreader.php/20389/Dostoevskiii_-_Dnevnik_pisatelya.html.
3. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. — М., 1964.

Н. Е. Редькина
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный университет
Научный руководитель к.ф.н., доцент О. А. Скубач

МЕЖДУ ЛИТЕРАТУРОЙ И ИСТОРИЕЙ: МЕХАНИЗМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Б. АКУНИНА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ТУРЕЦКИЙ ГАМБИТ»)

Аннотация

Борис Акунин является одним из самых ярких представителей российского постмодернизма. Его романы, по мнению исследователей, дополняют актуальную в постмодернистской литературе тенденцию обращения к прошлому. В данной статье мы попытаемся показать на материале романа «Турецкий гамбит», как писатель работает с историей, каким образом он трансформирует исторический материал в тексте произведения.

Ключевые слова: постмодернизм, исторический материал, интертекстуальная стратегия, стилизация, газетный дискурс.

Одним из самых ярких представителей российской постмодернистской прозы является Борис Акунин. Ему принадлежит авторство серии детективных романов на историческую тематику, так называемого «фандоринского цикла». Как отмечают исследователи, эти произведения Б. Акунина дополняют актуальную в постмодернистской литературе (европейской и американской) тенденцию обращения к прошлому. Однако такая «любовь к истории» имеет цель не столько изобразить документированную историческую действительность, сколько реконструировать прошлое, причем с позиций сегодняшнего дня.

История воспринимается, как правило, многовариантной и предстает перед авторами в первую очередь как текстовый материал, который подлежит осмыслению и обработке. По мнению ученых, разрушая границы между историографией и литературой, писатели-постмодернисты скорее придумывают историю, нежели воспроизводят ее. Особенно важен для постмодернистского романа принцип интертекстуальности. Писатель пронизывает свой текст аллюзиями, прорабатывая использовавшиеся ранее в других текстах темы и сюжеты.

Образцом такого рода прозы в современной российской литературе является серия романов Б. Акунина о приключениях гениального сыщика Эраста Фандорина. На материале романа «Турецкий гамбит» мы попытаемся показать, как писатель работает с историческим материалом, каким образом этот материал трансформируется в тексте произведения.

В основе данного романа – повествование о событиях русско-турецкой войны (24 апреля 1877 – 3 марта 1878). Автор упоминает исторические факты, к примеру, форсирование Дуная или неудачу русских войск под Плевной (в начале военной операции), подкрепляя их указанием точных дат. За некоторыми героями произведения, имеющими прямое отношение к военным событиям и сюжету романа, угадываются реальные фигуры. Однако важно отметить, что автор изменяет имена этих героев. Например, генерал Михаил Скобелев, участник русско-турецкой войны, в романе становится генералом Соболевым, а генерал-адъютант Николай Мезенцов в тексте Акунина имеет созвучную фамилию Мизинов и т.д.

Особое место в романе занимает образ Великого Писателя. Точка зрения исследователей, которые говорят о переплетении в данном персонаже сразу двух портретов «великих писателей», нам наиболее близка. Подтверждение этому можно встретить в тексте.

Например, к фигуре Л. Н. Толстого нас уже отсылает само имя «Великий Писатель». Ученые указывают на известное обращение И. С. Тургенева к Л. Н. Толстому: «Великий писатель земли русской». Когда же заходит речь о том, как Варя «попала стенографировать роман к Великому Писателю», сразу возникает ассоциация с Ф. М. Достоевским. Известно, что вторая жена Ф. М. Достоевского, Анна Сниткина, работала с писателем, стенографируя его произведения.

Итак, восхищенная творчеством Великого Писателя, молодая девушка Варя оказывается объектом его любовной страсти. Вот как описывается эта сцена в тексте: «Он был ужасно старый, на шестом десятке, обремененный большим семейством и к тому же совсем некрасивый. Зато говорил красноречиво и убедительно, не поспоришь: действительно, невинность – смешной предрассудок, буржуазная мораль отвратительна, а в человеческом естестве нет ничего стыдного ...» [1, с. 11]. Учеными подмечено, что в свою золотую пору Л. Н. Толстой был уже человеком немолодым, с большой семьей и обладал, бесспорно, красноречием. Однако ни Толстой, ни Достоевский никогда не ратовали за сексуальную раскрепощенность. Это было характерно, скорее, для радикальных авторов эпохи модерна (А. Арцыбашев и некоторые другие), но никак не литераторов периода русско-турецкой кампании.

Отметим также, что в начале каждой главы, непосредственно перед сюжетным повествованием, Б. Акунин размещает фрагменты текста, которые презентуются как отрывки статей из различных газет 1877-1878 гг. Тем самым автор вводит читателя в атмосферу эпохи, а также дает картину сложившейся военной ситуации, причем со стороны не только российской, но и западной. Названия газет не вымышлены («Русский инвалид», «Ревю паризьен», «Дейли Пост» и т. д.), это создает мощный эффект документальности повествования. Однако мы предполагаем, что эти тексты являются авторской стилизацией. В них очень явно ощущается иронический взгляд писателя на, прежде всего, реалии российской действительности: «Герб Российской империи, двуглавый

орел, превосходным образом отражает всю систему управления в этой стране, где всякое мало-мальски важное дело поручается не одной, а по меньшей мере двум инстанциям, которые мешают друг другу и ни за что не отвечают. То же происходит и в действующей армии» [1, с. 32]. И далее: «На ум приходит уже не двуглавый царь пернатых, а остроумная русская басня про лебедя, рака и щуку, опрометчиво запряженных в один экипаж...» [1, с. 32]. Это, на наш взгляд, подтверждает суждение о том, что Б. Акунин, как и другие писатели постмодерна, стремится создать видимость документальности; он не пишет исторический роман, но лишь стилизует историю. Применение стилизации, как отмечают исследователи определяется стремлением автора, направленным на воссоздание духа и атмосферы XIX века.

С иронией, на наш взгляд, писатель стилизует и следующий фрагмент: "... После заключения перемирия между Портой и Сербией многие патриоты славянского дела, доблестные витязи земли русской, служившие добровольцами под водительством храброго генерала Черняева, устремились на зов Царя-Освободителя и, рискуя жизнью, пробираются через дикие горы и темные леса на болгарскую землю, дабы воссоединиться с православным воинством и завершить долгожданную победою свой святой ратный подвиг" [1, с. 14]. Иронически, по нашему мнению, автор изображает здесь нарочитый, гиперболизированный патриотизм. Итак, эта статья опубликована в петербургской газете "Русский инвалид" «2(14) июля 1877 г.» [1, с. 14]. Генерал Черняев – реальная историческая и политическая фигура, однако в сюжете данного произведения никакой роли не играющая. На наш взгляд, именно по этой причине фамилия персонажа никак не изменена.

Таким образом, историческая тема является одной из ключевых при подходе к осмыслению творчества Б. Акунина. Тем не менее, она остается пока малоизученной. Сопоставив факты российской действительности, события и лица, с изображенными в романе «Турецкий гамбит», можно сделать вывод, что история для Б. Акунина – это текстовый материал, подлежащий переработке. Мы имеем дело с характерным для писателя-постмодерниста принципом «смещения» исторического материала, иронического «дрейфа».

Список литературы

1.Акунин, Б. Турецкий гамбит. М.: Захаров, 2010. 208 с.

Е. Ю. Шкоркин
Россия, г. Новокузнецк,
Новокузнецкое училище (техникум) олимпийского резерва
Научный руководитель, преподаватель И. И. Фатыхова

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В «ИСПОВЕДИ» АВГУСТИНА АВРЕЛИЯ

Аннотация

Статья посвящена анализу исповедальной литературы. На основе «Исповеди» Августина Аврелия изображается образ идеального человека эпохи раннего средневековья.

Ключевые слова: Августин Аврелий, исповедь, образ человека.

В письме Порфирия философа к Марцелле образ обозначен как *σχῆμα* (схема).[1;249] Схема – это описание, изложение чего-либо в общих, главных чертах. Поэтому, мы будем рассматривать образ человека в «Исповеди» Августина Аврелия через схему поступков самого автора, а именно в получении им знания и образования.

В первых книгах «Исповеди» мы находим ее автора глубоко разочарованным, прежде всего в системе классического римского образования, в котором главное место занимали словесность, риторика и обучение языкам[3;47]. Августин писал: «Я не знал ведь еще ни одного слова по-гречески, а на меня налегали, чтобы я выучил его, не давая ни отдыха, ни сроку и пугая жестокими наказаниями».[2;31] Наряду с этим он был противником принуждения: «Было время, когда я, малюткой, не знал ни одного слова по-латыни, но я выучился ей на слух, безо всякого страха и мучений, от кормилиц, шутивших и игравших со мной, среди ласковой речи, веселья и смеха. Я выучился ей без тягостного и мучительного принуждения, ибо сердце мое понуждало рожать зачатое, а родить было невозможно, не выучи я, не за уроками, а в разговоре, тех слов, которыми я передавал слуху других то, что думал. Отсюда явствует, что для изучения языка гораздо важнее свободная любознательность, чем грозная необходимость»[2;31]

Учителя и родители хотели, чтобы Августин начал «искать в этом мире успеха и совершенствоваться в краснобайстве, которым выслуживают людской почет и обманчивое богатство».[2;28] Он писал: «Меня и отдали в школу учиться грамоте. На беду свою я не понимал, какая в ней польза, но если был ленив к учению, то меня били; старшие одобряли этот обычай». [2;28]

Чем меньше Августин уделял времени письму, чтению и урокам, тем больше он боялся своих учителей. У него не было недостатка в способностях к обучению и образованию: «я любил играть, и за это меня наказывали те, кто сами занимались, разумеется, тем же самым»,[2;28] писал он.

В юности Августин увлекся римскими поэтами, особенно Вергилием, за что он осуждает себя. Автор пишет: «Что может быть жалостнее жалкого,

который не жалеет себя и оплакивает Дидону, умершую от любви к Энею»[2;30]

О своем обучении Августин писал: «В детстве моем, которое внушало меньше опасностей, чем юность, я не любил занятий и терпеть не мог, чтобы меня к ним принуждали». [2;30] Здесь мы сталкиваемся с противоречиями, которые возникали у Августина при получении образования. С одной стороны это учителя, которые настаивали на получении образования, с другой - и сам Августин, который не понимал, какая польза была в его обучении.

Автор в «Исповеди» дает оценку своим действиям : «меня, тем не менее, принуждали, и это было хорошо для меня, но сам я делал нехорошо; если бы меня не заставляли, я бы не учился».[2;30] Таким образом, Августин признает, что образование, которое он получал, несло в себе пользу даже через принуждение.

Изображая свои молодые годы и все, что с ними связано автор не использовал яркие краски, весь этот период изображен в серых тонах.[4] Исключение составляет лишь единственный случай, когда при изучении красноречия он прочитал диалог Цицерона «Гортензий», после чего «с невероятным душевным пылом возжаждал бессмертной мудрости» [1.43].

Итак, на основе проделанной работы мы можем нарисовать образ человека в «Исповеди» Августина. Основаниями для составления этого образа будут являться те знания, которым автор позволил прижиться у себя в ходе получения образования, такие как: греческий язык, который впоследствии стал важным для формирования богословских воззрений. Чтение произведений римских поэтов в дальнейшем оказало влияние на возможность понимания таких историков, как Саллюстия. Чтение Цицерона привило Августину любовь к философии. Таким образом, перед нами предстает человек, который наделен знаниями и качествами оратора, богослова, философа. Августин так же признавал те науки, которые помогают понять Священное Писание: теорию знаков, учение о языке и отвергал науки, которые изобретены людьми.[4]

Список литературы

1. Порфирий. Письмо к Марцелле. Сочинения. – Спб.: Изд-во Спб.ун – та. 2011.- 328с.
2. Аврелий Августин. Исповедь. Лабиринты души. – Симферополь: «Реноме», 1998.- 416с.
3. Попов И. В. Личность и учение блаженного Августина. Т.1. - Ч. 1-2. Сергиев Посад, 1916. - 567с.

Ю. С. Гацер
Россия, Барнаул
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель к.ф.н., доцент Н. Ю. Абузова

«ЭРОС» - СТИХОТВОРЕНИЕ Э. ЛАСКЕР-ШЮЛЕР О ЛЮБВИ

Аннотация

В статье представлены характерные черты творчества немецкой поэтессы Эльзы Ласкер-Шюлер. Стихотворение «Эрос» (лексика, тропы, слово-образы, колоризм) интерпретировано с точки зрения его принадлежности к одной из ключевых тем поэзии Э. Ласкер-Шюлер, теме любви.

Ключевые слова: декаданс, тема любви, экспрессионизм.

Эльза Ласкер-Шюлер (1869–1945) – известная немецкая поэтесса и писательница еврейского происхождения, одна из представительниц экспрессионизма.

Творчество Эльзы Ласкер-Шюлер - одно из наиболее примечательных явлений в немецкой литературе первой половины XX в., прежде всего в поэзии. Карл Краус назвал Э. Ласкер-Шюлер «величайшим поэтом современной Германии», а Готфрид Бенн, которому впоследствии поэтесса посвятит 11 стихотворений, - «величайшим лирическим поэтом столетия». Её поэзия – по-настоящему женская, чувственная поэзия и представляет собой редкое явление в немецком экспрессионизме начала XX века.

Начало ее творческого пути определено атмосферой декаданса, прежде всего, символизма. Однако с самого начала ощущается её особое тяготение к поискам нового языка, к словотворчеству. Несмотря на то, что Э. Ласкер-Шюлер выступила на литературной арене вместе со старшим поколением экспрессионистов и была в числе его основоположников, ее творчество не

укладывается в рамки этого направления, так как оно отличается неповторимостью художественных поисков.

Для поэзии Эльзы Ласкер-Шюлер характерна эмоциональная напряжённость и страстность. В стихотворениях поэтессы заметно сложное сочетание экзотики и фантастики, тоска по утраченной гармонии. В ранние годы у Э. Ласкер-Шюлер появились способности к живописи, что в дальнейшем сказалось на красочной палитре её стихотворений.

Важно отметить, что в творчестве Э. Ласкер-Шюлер нашли отображение образы родителей. Если в прозе – это образ отца, то в поэзии – образ матери, которая, по признаниям поэтессы, и пробудила в ней любовь к поэзии.

В творчестве Э. Ласкер-Шюлер преобладают две ключевые темы:

1. бегство от суетного мира и погружение в глубины собственной души;
2. любовь.

Как отмечают исследователи, тайна поэзии для Ласкер-Шюлер неотделима от тайны любви, поэтому любовь и является одной из ключевых и важнейших тем ее поэзии.

Одним из значимых и знаковых стихотворений Э. Ласкер-Шюлер является стихотворение «Эрос».

Любовная тема заявлена уже в названии стихотворения: Эрос – бог чувственной любви, страсти. Имя бога любви встретится и в самом стихотворении, в котором через пластику тела передаётся тоскливое состояние («*всю тоску изливала*») лирического субъекта: «*лежала ничком*», «*никла моя голова*». Любовь лирического субъекта уже в прошлом, сейчас её уже нет. Стихотворение начинается с междометия «*Ах*», в котором уже заложена интонация сожаления. В первом стихе «*любила в исступленьи*» через глагол прошедшего времени (лексику стиха) определимо, что у лирического субъекта в прошлом была любовь, от которой она теряла самообладание (ее основное ощущение - *исступленьи*). Именно поэтому она обращается к Эросу – богу, которому она поклоняется, как жрица, и который коррелирует к

возлюбленному. Она *«жалобно»* изливает у ног его свою тоску. Намеченная тема жреческого поклонения языческому богу закрепляется:

Никла моя голова.

Кроваво-черная, на его колени,

И пламя рук его обвивало.

В жертву Эросу принесено всё; последнее, что кладет на алтарь бога *она*, - голова. *Пламя рук* (её? его?) – жертвенный костер Эроса, костёр страсти, чувственности.

В пятом стихе мотив прошедшей любви, которую лирический субъект характеризует как *«помраченье»*, становится более отчетливым. Риторические восклицания в первом и пятом стихах передают эмоциональное состояние лирического субъекта – отчаяние, тоска, одиночество.

Последующие строки, посвященные воспоминанию о любви (*как «никла голова», как «вынес из сумерек горя» и т.д.*), тонко рефлексировать рождение чувства. Важно отметить, что через мотив воспоминания, который передается посредством лексики стихотворения (глаголы прошедшего времени), раскрывается тема любви и спасения (*«и он вынес меня из сумерек горя»*), утверждается могущество Эроса.

«Кроваво-чёрная голова»: кровь красного цвета, а красный – цвет любви и страсти, в то время как чёрный ассоциируется с тёмным, негативным, т.е. переплетаются одиночество (*чёрный*) и спасительная любовь (*крававый*).

Древний языческий Эрос коррелирует и к архетипу огня и его частному проявлению – образу пламени, что также имеет отношение к теме любви-страсти, *«трепетанью ярому»*. Возникают два типичные символа сердца: *«так досель моя кровь не рвалась к пожарам»*.

В финале стихотворения состояние лирического субъекта передаётся с помощью архетипа огня: *«и все солнца песню огня запели»*, когда чёрный цвет сменяется белым (*«светло-белея»*), расцветает *«лилия заблудшая»* - символ чистоты: в душе расцветает лилия – любовь.

Небольшое стихотворение немецкой поэтессы демонстрирует, как на деле реализуется основной модернистский принцип «оформления окружающего человека мира всеми средствами всех искусств»⁵, который предполагает использование и живописного, колористического приёмов, и приёма звукописи, одористических элементов, др., действующих в синтезе.

В искусстве модерна, связанного с символизмом, цветы знаковы: с ними связывали определённые чувства и настроения; цветы несли символическую нагрузку. В модернистском искусстве предпочтение отдавалось изысканным цветам, в числе которых лилия. В стихотворении «Эрос» присутствует эта иконографическая черта модернистского стиля. Так, у Ласкер-Шюлер лилия, изначально символически многозначная, – прежде всего, символ красоты и нежности, маркирующий лирического субъекта; но лилия – и «апокалиптический цветок — символ, хранящий, в свою очередь, печать молчания», - пишет А. Ханзен-Лёве⁶. Кроме того, лилии «знаменовали трагедию, гибель, смерть», по словам Д. Сарабьянова⁷. Таким образом, внешне благополучный финал любовной истории на самом деле катастрофичен: лирический субъект изнемогает под властью и мощью Эроса.

Список литературы

1. Ермилова, Е.В. Теория и образный мир русского символизма. - Москва: 1989. - С.102.
2. Ратгауз, Г. «Я принесла в мир любовь». Поэзия Эльзы Ласкер-Шюлер // Лехаим. - 2002. - №11 (127).
3. Сарабьянов, Д.В. Стиль модерн. – Москва: Галарт, 2001. - 344 с.

⁵ Ермилова Е.В. Теория и образный мир русского символизма. М., 1989. С.102.

⁶ Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика. – Санкт-Петербург: Академический прехт, 2003. - С.615.

⁷ Сарабьянов, Д.В. Стиль модерн. – Москва: Галарт, 2001. - С. 188.

4. Синило, Г.В. Эльза Ласкер-Шюлер / Г.В. Синило // Литературный процесс в Германии первой половины XX века (ключевые и знаковые фигуры) / отв. ред. В. Д. Седельник, Т. В. Кудрявцева. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. - С. 231-257.
5. Соловейчик, Я. Эльза Ласкер-Шюлер / [Электронный ресурс] / Я. Соловейчик. – Режим доступа: <https://www.stihi.ru/2013/11/13/1509>. - Заглавие с экрана.
6. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика. – Санкт-Петербург: Академический прехт, 2003. – 816 с.

А.Е. Трошина
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель д.ф..н. Е. А. Худенко

ОБРАЗЫ СТАРЦЕВ В ПОЭЗИИ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА

Аннотация

В данной статье рассматриваются образы старцев в стихотворениях О. Э. Мандельштама, относящихся к разным периодам творчества. Образы разделены по разным группам, кроме того, рассмотрены связанные с образами старцев сквозные мотивы. Выявлены связи с литературными, библейскими претекстами. Актуальность данной работы – обращение к теме, которая мало изучена и разработана.

Ключевые слова: старец, патриарх, увядание, мотив, образ, угасание, старость.

Феномен долголетия интересует людей с давних пор. Согласно Библии, древние жили долгую жизнь. Так, Адам жил около 130 лет, Сиф -105 лет, Енос-90 лет, Моисей жил 80 лет, а Аарон - 83 года. Это явление отмечалось в искусстве по-разному, нашло свой отклик оно и в творчестве О.Э. Мандельштама. Нас будут интересовать созданные поэтом образы старцев, сопутствующие им атрибуты, мотивы, связанные с увяданием, старением.

Стихотворение «*Мне стало страшно жизнь отжить*» [6, с. 54] относится к ранней лирике О.Э. Мандельштама (написано не позднее 5 августа 1910 года), однако мотив увядания звучит с первых же строк: «...жизнь отжить». Это вовсе не старость, синонимом которой будет слово «мудрость», это еще юношеское восприятие завершения человеческой жизни. До дрожи в

сердце лирическое «я» поэта доводят думы о конце, ему «страшно» «жизнь отжить», «никого не полюбить», «камнем кануть». Первый терцет построен на параллелизме, очевидно, что для Мандельштама все эти явления находятся в одной плоскости, все они взаимосвязаны, исчезновение одного элемента повлечет за собой разрушение всей системы.

Страх связан прежде всего с метафорой «исчезнуть в пустоте». Во втором терцете отчетливо звучат религиозные мотивы - «крест», «живая душа», называется имя ветхозаветного старца Моисея. «Я» поэта сравнивает себя с ним, проводит параллель. Как известно, Моисей - избавитель израильского народа от власти египетского фараона, его же устами говорил Бог. Что может означать стих: «Исчезнуть в облаке Синая»? Синай - это гора, на которой Моисей получил от Бога десять заповедей: «И сказал Господь Моисею: вот Я приду к тебе в густом облаке, дабы слышал народ, как я буду говорить с тобою, и поверил тебе навсегда», «... были громы и молнии, и густое облако над горою [Синайскою], и трубный звук весьма сильный; и вострепетал весь народ, бывший в стане» [2, с. 73]. Для лирического «я» Мандельштама очутиться в «облаке Синая» значит - приблизиться к Богу, подобно старцу Моисею, изречь новые истины.

Лирическое «я» растворяется во всем окружающем, опознает мир уже не столько органами чувств - зрением, слухом, осязанием, обонянием - сколько ощущает его на интуитивном уровне: «...содроганья теплых птиц / Улавливаю через сети», ему становится доступно существование вне времени и пространства: «...и с истлевающих страниц / Притягиваю прах столетий». Звучит мотив повелевания временем: рядом оказываются и прошлое (истлевание), и настоящее («содроганья...птиц»), и будущее («бытия узорный дым»), а «я» в стихотворении выступает связующей нитью между всеми этими временами, герой может существовать в любом из них.

Стихотворением, в котором прочно слились мотивы угасающей жизни и подразумеваются образы старцев, отражены их атрибуты - посох, трость - является стихотворение 1915 года «Уничтожает пламень» [6, с. 112].

Жизнь в этом тексте Мандельштама «суха», она оказывается в одном ряду с такими вещами, как «дерево», «камень», «огонь». «Пламень» - это неумолимое время, «сухая жизнь» - жизнь, не наполненная эмоциями. Но если присмотреться к первому катрену повнимательнее, то можно обнаружить явное звучание религиозных мотивов: лирическое «я», подобно Иисусу Христу, добровольно принимает «уничтожение» его жизни, не сопротивляется, не бунтует, просто сообщает об этом. Мотив рыболовства, который начинает звучать во втором катрене, тоже отсылает нас к фигуре Христа. Согласно Новому Завету, некоторые из учеников Христа были рыболовами, он сам называет их «ловцами человеков», а Царствие Небесное уподобляется «неводу, закинутому в море и захватившего рыб всякого рода». Такое сравнение встречается не только в Новом завете, например, Климент Александрийский в своем «Гимне Христу» так пишет:

Спаситель, Иисусе,
Пастырь, Пахарь,
Кормило, Узда,
Крыло небесное святого стада!
Ловец человеков,
Спасаемых
Из моря нечестия! [1, с 289]

Конечно, «дерево», которое перетекает в образ «рыбака», наводит на мысль не только об одном Иисусе Христе. Апостол Петр, который прежде именовался Симоном, было сыном рыбака Ионы из Вифсаиды Галилейской. Призван он был Христом за рыбной ловлей на Геннисаретском озере. Образы камня и дерева, отраженные Мандельштамом, вступают в тесную связь, ибо как раз имя Апостола Петра означает «камень», так как он первый решительно исповедовал Иисуса Христа как Мессию.

Другой взгляд на словосочетание «...и нынче я не камень, а дерево пою» тоже возможен. Камень, как отмечает О. Ронен в своей работе «Поэтика Мандельштама», «...в семантике Мандельштама...принадлежит не только к полям прекрасное, тяжелое, но и к полю острое» [7, с. 16]. Получается, поэт отказывается «петь» не только прекрасное в человеческой жизни, но и все тяжелое, сложное, трагическое, он выбирает «легкое» и «грубое» дерево, из которого состоит множество окружающих вещей.

Значение последнего катрена раздваивается: во-первых, изображенный процесс строительства может отсылать к еще одному библейскому сюжету - постройке Вавилонской башни, а голос лирического «я» звучит как благословение на эту деятельность («Вбивайте крепче сваи / Стучите молотки»), второе же значение будет связано с еще одним старцем - Ноем. Процесс строительства образно перекликается с постройкой Ноева ковчега, причем следует заметить, что сооружен он был тоже из дерева: «...сделай себе ковчег из дерева гофер; отделения сделай в ковчеге и осмоли их смолою» [2, с. 15]. Поэтому в предпоследней строчке и звучат слова именно о «деревянном» рае, получается, что пространство Ноева ковчега - это и есть Рай, в котором процветает мир и благодать.

Обращения Мандельштама к любимой античности весьма частотны в его стихотворениях. Так, образ старца Приама можно обнаружить в одном из них - «За то, что я руки твои не сумел удержать» [6, с. 150] (1920). Эсхатологические нотки пронизывают все стихотворение от начала и до самого конца. Лирическое «я» поэта словно предвидит трагическую развязку: «Еще не рассеялся мрак и петух не пропел, / Еще в древесину горячий топор не врезался». Город в предчувствии своей кончины оживает: «Прозрачной смолой на стенах проступила смола / И чувствует город свои деревянные ребра». Однако спастись ему не удастся: «...хлынула к перилам кровь».

Сквозь трагические строчки все ближе к финалу стихотворения проявляется образ царя Трои - Приама: «Где милая Троя? Где царский, где

девичий дом? / Он будет разрушен, высокий Приамов скворешник». Царь-старец не препятствует разрушению города, он словно наблюдает действие непререкаемого рока.

Исследователь Л.С. Клейн в своей работе «Бесплотные герои» замечает, что «...только в конце поэмы он [Приам] предпринимает ряд действий, вносящих существенные перемены в ситуацию» [4, с. 112]. Мандельштам не изменяет образ старца, оставляет его таким, каким он показан в поэме Гомера «Илиада». Причем, следует заметить, что «во всем Троянском цикле роль Приама не очень ясна» [4, с. 113], а в стихотворении Мандельштама это подчеркивается пассивностью старца.

«Литературным» старцем у Мандельштама предстает Г.Р. Державин. Его имя упоминается в «*Стихах о русской поэзии*» [6, с. 66] (1932). Лирическое «я» нисколько не смущает величественная фигура поэта XVIII века, «благословителя» новых поколений (вспомним у А.С. Пушкина в «Евгении Онегине»: «Старик Державин нас заметил / И, в гроб сходя, благословил» [7, с. 156]), он обращается к нему свободно, вольготно: «Сядь, Державин, развалился». В одном стихе точно указано место Державина на «поэтическом Олимпе» - он над всеми поэтами, поэтому и может позволить себе «развалиться». Образ мудреца приобретает у Мандельштама налет свежести, юности: «Ты у нас хитрее лиса», отсюда возникает мотив восприятия старости как возвращения к детству.

Мотив патриаршества отчетливо звучит в стихотворении «*Ламарк*» [6, с. 61] (1932). Оно отсылает нас к видной фигуре XVIII века Жану Батисту Ламарку, основоположнику первой эволюционной теории. В ее основе - ступенчатость или уровневость: все животные поделены на группы и расположены по степени своего развития, причем, каждому присуще движение от простого к сложному, развитие, перемещение от нижних уровней к верхним.

В стихотворении Мандельштама Ламарк охарактеризован точно и лаконично: «неуклюжий, робкий патриарх». Поэт не себя отождествляет с патриархом, а выводит дополнительную фигуру. Ламарк выступает для лирического «я» проводником в мир эволюции, таким, каким был Вергилий в «Божественной комедии» Данте. Происходит градация от человеческого существования к существованию в форме простейшего существа: «К кольцедам спущусь и к усоногим». Но у Данте «опускание» в Ад было устрашающим процессом: «Земную жизнь пройдя до половины, / Я очутился в сумрачном лесу...», «...так горек он, что смерть едва ль не слаще» [3, с. 4]. У Мандельштама же это желанная процедура, освобождающая, возвращающая к первоистокам: «Роговую мантию надену / От горячей крови откажусь». Это делает человека счастливым, свободным от страстей и страданий, душу делает вечной, возвращает ее в ее исконное состояние, возвышает над пространством и временем: «...в пену/ Океана завитком вопьюсь».

Условно можно разделить стихотворение на две части: в первой – Ламарк - это мудрый старец, «за честь природы фехтовальщик», а во второй

части его фигура отождествляется с фигурой Бога. Ламарк всевидящ и всемогущ. Он знает все, может управлять миром: «природа вся в разломах». Он совершает трансформацию: «...зренья нет - ты зришь в последний раз», «довольно полнозвучья...наступает глухота паучья». Существование человека упрощается, его устройство становится примитивнее. «Чудесное» превращение человека можно вспомнить и в стихотворении А.С. Пушкина «Пророк»: «...отверзлись вещие зеницы...», «...моих ушей коснулся он, / И их наполнил шум и звон»[8, с. 146]. Однако у Пушкина это превращение великое, пугающее, рвущееся вверх, доходящее даже до катарсиса, у Мандельштама это упрощение, которое может дойти как до освобождения, так и до полного разочарования: «...и от нас природа отступила / Так, как будто мы ей не нужны».

По воспоминаниям Н. Я. Мандельштам, О.Э Мандельштам изобразил не просто падение человека, а полное его растворение: «это уже не отщепенство и изоляция от реальной жизни, а страшное падение живых существ, которые забыли Моцарта и отказались от всего (мозг, зрение, слух) в этом царстве паучьей глухоты. Все страшно, как обратный биологический процесс» [5, с. 170-171].

Итак, образ старца, патриарха получает у О.Э. Мандельштама широкое развитие: это и литературный старец, и мудрые старцы Библии, и мотивы, связанные с ними (посох, пророчества и др.). С течением времени эти образы и мотивы усложняются, усложняются, становятся сложнее и глубже – динамика развития этого образа позволит рассмотреть изменения в художественной системе поэта в целом.

Список литературы

1. Александрийский, Климент. Педагог / Климент. Александрийский. —: Учебно-информационный экуменический центр ап. Павла, 1996. — 292 с.
2. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: канонические: в русском переводе с параллельными местами и приложением. — Барнаул: День, 1999. — 1024 с.
3. Данте А. Божественная комедия / Пер.с итал. М. Лозинского. СПб. : Кристалл: Респекс, 1999. — 703 с.
4. Клейн Л.С. Бесплотные герои: Происхождение образов Илиады. СПб.: Художественная литература, 1992. — 192 с., ил.
5. Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Книга третья. УМСА-Press ,1987.
6. Мандельштам, О. Э. О. Мандельштам. Собрание сочинений в четырех томах / О. Э. Мандельштам. — М. : АРТ-БИЗНЕС-ЦЕНТР, 1993 – 1999.
7. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 4. М.: ГИХЛ, 1959—1962.
8. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1959—1962.
9. Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб.: Гиперион, 2002. — 240 с.

*М. А. Шестернина
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель д.фил.н., профессор Г.П. Козубовская*

МОТИВНЫЙ КОМПЛЕКС «ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ» В ЭПИСТОЛЯРИИ А.П. ЧЕХОВА

Аннотация

Эпистолярная поэтика русских писателей – в центре внимания лингвистов, культурологов, литературоведов. В исследовании чеховского эпистолярия до сих пор остаются «белые пятна». Семантический комплекс «последняя любовь» – своего рода доминанта в письмах А.П. Чехова к О.Л. Книппер. Мотив последней любви реализуется на разных уровнях эпистолярной структуры в игровой поэтике Чехова.

Ключевые слова: игровая поэтика, мотив, письмо, эпистолярный, семантический комплекс

Эпистолярный – сложный и слабо изученный феномен культуры. Располагаясь на границе между «документальным» и «художественным», письма – объект исследования нескольких дисциплин: истории, литературоведения, языкознания, культурологии и др. Тем не менее, недостаточно прояснена природа писем, специфика диалогичности, формы репрезентации автора и адресата, жанрово-стилевая специфика и т.д.

Письма долгое время рассматривались в литературоведческой науке исключительно как документальный источник в изучении личности писателя. В 20-30-е гг. XX в. русские формалисты включили их в состав такого понятия, как «литературный быт». О пристальном внимании к письму свидетельствуют появившиеся в последнее время диссертации и монографии [1, 5]. Наблюдается всплеск интереса к письму ученых-лингвистов.

Письма Чехова представляют собой одно из самых значительных эпистолярных собраний в литературном наследии русских классиков. Всего сохранилось около 4400 писем, написанных в течение 29 лет – с 1875 по 1904 год.

Отношение к письмам Чехова неоднозначно. Наряду с восторженными отзывами («Письма восхитительны и могли бы дать материала на целую огромную статью» писал И. Бунин [цит. по: 9, XIX, с. 178]) – негативные (как, например, Вл. Ходасевича: «...подвернулись мне письма Антона Павловича Чехова – Царство ему небесное, но был бы он жив, я бы его повесил» [7, с. 397]). Объяснение подобного восприятия писем и самого Чехова писателями начала XX века содержится в содержательной работе Н.В. Капустина [4]. Исследование писем Чехова ведут преимущественно лингвисты [3, 6, 8, 10], в

меньшей степени – литературоведы [2].

Несмотря на то, что переписка А.П. Чехова с О.Л. Книппер-Чеховой попадала в поле зрения ученых, в ее исследовании есть «белые пятна».

О сложном отношении Чехова к браку пишут многие его биографы (Д. Рейфилд, И. Шкуратова и др.), ссылаясь на письмо к А.С. Суворину от 23 марта 1895 г.: «...но дайте мне такую жену, которая, как луна, являлась бы на моем небе не каждый день: от того, что я женюсь, писать я не стану лучше» [9, VI П, с. 40].

Семантический комплекс «последняя любовь» – своего рода доминанта в письмах А.П. Чехова к О.Л. Книппер – выражается и в структурных элементах писем, и в их игровой поэтике.

В начальный период переписки формулы вежливости в письмах Чехова к Книппер достаточно специфичны. В именовании ее актрисой – некоторое дистанцирование, отчужденность. Свое восхищение актрисой Книппер писатель выражает варьированием эпитетов («великая», «драгоценная»). Параллели – актриса и любимая женщина – сопряжены эпитетом «милая» («милая актриса»), а в других письмах 1900 г. – нагромождение эпитетов («милая, необыкновенная актриса», «милая, восхитительная актриса...»). Позиция поклонника / стороннего наблюдателя, предполагающая особый тип поведения (сидеть в углу скромно, не приближаясь, не навязываясь), оригинально обозначается в письме от 28 декабря 1900 г., демонстрируя максимум отстранения: «Мне бывает очень приятно, когда тебя хвалят. А тебя, можешь ты себе представить, очень хвалят» [9, IX П, с. 182-183]. Здесь позиция отстранения демонстративно подчеркнута: «Говорят, будто ты хорошая актриса» [9, IX П, с. 168].

И в то же время именно в этом письме – предельность душевной близости, принимающей шуточную форму: «Ну, деточка, будь здорова и счастлива. Я твой! Возьми меня и съешь с уксусом и прованским маслом. Крепко тебя целую. Твой Antoine» [9, IX П, с. 167]. В зооморфных формулах - предельное выражение интимности («собачка, милый мой песик», «таракаша» и т.д.), аналогично и в детских («карапузик», «балбесик» и т.д.).

В формулах прощания также очевидная динамика. Поначалу они сопровождаются обязательным поцелуем или пожатием руки, пожеланием, здоровья, счастья. Позже обрастают ласковыми прозвищами адресата и шуточными действиями. См., например, неожиданную оксюморонную формулу: «До свиданья, Оля моя хорошая, *крокодил души моей!*» [9, IX П, с. 111], смысл которой в намеке на терзающий душу объект. Нежные формулы («Ну, будь здорова, богом хранима, карапузик мой, актрисуля, собака» [9, IX П, с. 137] перемежаются со «свирепыми», связанными чаще всего с недовольством от отсутствия писем («Жестокая, свирепая женщина, сто лет прошло, как от тебя нет писем. Что это значит?... Пиши, собака! Рыжая собака! Не писать мне писем – это такая низость с твоей стороны!» [9, IX П, с. 179], или с «извинительными» («Милая Книппуша, драгоценная моя, не сердись, что пишу

тебе не каждый день. Так слагаются обстоятельства. Каждый день что-нибудь мешает жить и писать... Послушайся меня, Книппуша, будь разумной женой» [9, X П, с. 122]). В некоторых названиях – намек на семейный статус («Благословляю тебя, половина моя хорошая» [9, X П, с. 62], «Ну, обнимаю мою супружницу» [9, X П, с. 156]), ироничная тема старости, уравнивающая любящих («Целую и обнимаю мою старушку» [9, X П, с. 71]), подтрунивание над захандрившей женой («Ну, замухрышка, прощай, будь здорова! Не смей хандрить и петь Лазаря. Смейся» [9, X П, с. 154]).

Шуточная концовка обыгрывает количество поцелуев, выражающих беспредельность любви: «Целую тебя крепко, крепко, четыреста раз» [9, IX П, с. 230-233], «Целую тебя крепко, до обморока, до ошаления. Не забывай твоего Antoine» [9, IX П, с. 117], «Целую сто тысяч раз» [9, X П, с. 138], «Целую тебя без счета» [9, X П, с. 134], «Голова кружится от дорожного утомления, сегодня ничего не стану писать, напишу завтра, а сегодня только позволь поцеловать тебя 10 000 раз, деточка моя» [9, X П, с. 151], «Целую тебя 1 013 212 раз. Вспоминай обо мне» [9, X П, с. 108]. Нарастающее количество поцелуев как заклинательная формула, пробуждающая память.

Специфика эпистолярной поэтики Чехова проявляется в ролевом поведении, основанном на обыгрывании собственного имени.

Имя «Антон» греческого происхождения. С лат. переводится как «превосходящий», «противостоящий» (греч., лат.). Старая форма этого имени – «Антоний». Производные формы имени Антоний – Antonio, Antoine, Антониус в своих вариациях задают разнообразные «сюжеты». «Ваш Antonio academicus», «Академик Тото» – намек на должность и социальный статус, иронически возвышающий его (к избранию почетным академиком Чехов относился весьма иронично); «Твой Antonio», «Antoine», «Твой муж Антон», «Твой муж Antoine» – намек на степень родства и близости; аналогично «Твой Ан<тон>», «Антониус» и т.д.

Итак, имя – знак семейного герметизма, оно создает подтекст, отсылая к известным только очень близким людям обстоятельствам.

Помимо обыгрывания имени, Чехов использует прием замещения имени прозвищем, формируя ассоциативный сюжет. Таков, например, детективный сюжет («Я решил не писать Вам, но так как Вы прислали фотографии, то я снимаю с Вас опалу и вот, как видите, пишу. Даже в Севастополь приеду, только, повторяю, никому об этом не говорите, особенно Вишневному. Я буду там incognito, запишусь в гостинице так: граф *Черномордик*» [9, IX П, с. 51]). Безумие страсти выражено в формуле «Твой влюбленный в Книппиц дуралей» [9, X П, с. 12]. Особенно часто иронически обыгран роль мужа («Твой муж под башмаком», «Твой муж в шерстяных кальсонах», «Твой мужчинка»).

Подпись «Твой Тото, титулярный советник и кавалер» появляется в письме, где испытывающий хандру Чехов буквально хватается как за соломинку за письма жены («Но ведь без твоих писем я зачахну» [9, IX П с. 172]). Или: «Остаюсь любящий тебя *Академик Тото*» [9, IX П с. 190].

Монашья тема задана подписью «*Твой Антоний. Иеромонах*», которая в одном из писем оговаривается: «Только почему ты не хочешь, чтобы я подписывался иеромонахом? Ведь я живу теперь совершенно по-монашески и имя у меня монашеское. Ну, ладно, не буду больше иеромонахом» [9, IX П с. 224]. Но даже отказ от «чужого» имени не перечеркивает тему: «Оля, жена, поздравь меня: я остригся!! Я живу, как монах, и одна ты только снишься мне. Хотя в 40 лет и стыдно объясняться в любви, но всё же не могу удержаться, собака, чтобы еще раз не сказать тебе, что я люблю тебя глубоко и нежно. Целую тебя, обнимаю и прижимаю тебя к себе. Будь здорова, счастлива, весела! Твой Antoine» [9, X П, с. 102-103].

Имена и прозвища в чеховской эпистолярной поэтике не формального характера, они все связаны со сквозными сюжетами.

Игровая поэтика Чехова задает двуслойность текста: за шуточным разыгрыванием ролей скрыто серьезное чувство. Так, в письме от 22 января 1900 г. прорываются муки ревности по отношению к таинственной фигуре, одетой по моде: «Отчего Вы не пишете? Что случилось? Ну, что делать, бог с Вами...» и в конце: «Итак, стало быть, Вы мне не пишете и нескоро еще соберетесь написать. Виною всему муаровые шелковые отвороты на сюртуке. Я понимаю Вас!» [9, IX П, с. 45]. Или гипотетический сюжет перехвата его писем к нему (Здравствуйте, милая актриса! Вы сердитесь, что я так долго не писал Вам? Я писал Вам часто, но Вы не получали моих писем, потому что их перехватывал на почте один наш общий знакомый» [9, IX П, с. 8]).

Возвышая ее, Чехов как бы принижает себя, так возникают оппозиции больной/ здоровая, мрачный / веселая, великая / скромный. Полноте жизни в пожеланиях контрастирует умалению себя, подчеркиванию своей незначительности (в одной из подписей – «заштатный писатель»).

Мотив ревности («Ты редко пишешь мне, это я объясняю тем, что я уже надоел тебе, что за тобой стали ухаживать другие. Что ж? Молодец, бабуся!» [9, IX, с. 120]) развернут в сюжетах поддразнивая. Таков, например, мотив женитьбы и невесты в духе ранних рассказов: «Благодарю за пожелания по поводу моей женитьбы. Я сообщил своей невесте о Вашем намерении приехать в Ялту, чтобы обманывать ее немножко. Она сказала на это, что когда “та нехорошая женщина” приедет в Ялту, то она не выпустит меня из своих объятий. Я заметил, что находиться в объятиях так долго в жаркое время – это негигиенично. Она обиделась и задумалась, как бы желая угадать, в какой среде усвоил я этот *façon de parler*, и немного погодя сказала, что театр есть зло и что мое намерение не писать больше пьес заслуживает всякой похвалы, – и попросила, чтобы я поцеловал ее. На это я ответил ей, что теперь мне, в звании академика, неприлично часто целоваться. Она заплакала, и я ушел» [9, IX П, с. 46].

В некоторых письмах разыгрывание роли Дон Жуана («Сегодня пошел в город по делу, встретил там Верочку и привел ее к нам обедать. Эта Верочка

приехала из Харькова. Богатая невеста. Видишь, какой я Дон-Жуан!») предваряет ревнивые подозрения: «Ты ходишь с Вишневым в оперетку? Гм...» [9, IX П, с. 104]. Сюжет ревности к сопернику завершается мстительным жестом: «Если ты выйдешь за Вишневого когда-нибудь, то не по любви, а из расчета. Рассудишь, что малый он ничего себе, и выйдешь. Очевидно, он рассчитывает на то, что скоро ты овдоеешь, но скажи ему, что я, нáзло, оставлю завещание, в котором запрещу тебе выходить замуж» [9, X П, с. 19].

И, наоборот, обещания награды также принимают шуточный характер: «Пиши мне почаще, не скупись. За это я тебя награжу, я тебя буду любить свирепо, как араб. Прощай, Оля, будь здорова и весела» [9, IX П, с. 104]. Или в другом: «Из Сахары вернусь я тропически знойным, пыльным адски» [9, IX П, с. 193].

Невыразимость тоски присутствует в подтексте мотива портрета. Отказной жест («Больше писать не буду, пока не пришлете портрета» [9, IX П, с. 127] сменяется пристальным разглядыванием фотографий и «сочинения» биографии, подобно персонажам своих рассказов: «Милая актриса, фотографии очень, очень хороши, особенно та, где Вы пригорюнились, поставив локти на спинку стула, и где передано Ваше выражение – скромно-грустное, тихое выражение, за которым прячется чёртик. И другая тоже удачна, но тут Вы немножко похожи на евреечку, очень музыкальную особу, которая ходит в консерваторию и в то же время изучает на всякий случай тайно зубо-врачебное искусство и имеет жениха в Могилеве; и жених такой, как Манасевич. Вы сердитесь? Правда, правда, сердитесь? Это я мщу Вам за то, что Вы не подписались» [9, IX П, с. 51].

В некоторых письмах прорывается лиризм и элегизм. «Мне все кажется, что отворится сейчас дверь и войдешь ты. Но ты не войдешь, ты теперь на репетициях или в Мерзляковском переулке, далеко от Ялты и от меня. Прощай, да хранят тебя силы небесные, ангелы хранители. Прощай, девочка хорошая. Твой Antonio» [9, IX П, с. 98].

И страх разочарования, скрытый в шуточном портретировании: «Сапоги желтые, о которых ты спрашиваешь, не чищены с того дня, как я проводил тебя. И меня никто не чистит. Хожу весь в пыли, в пуху и в перьях» (усиление мотива одичания, неухоженности, заброшенности) [9, IX П, с. 100]. Мотив старости – сквозной: «Мне так надоело рыскать, да и здоровье мое становится, по-видимому, совсем стариковским – так что ты в моей особе получишь не супруга, а дедушку, кстати сказать. Я теперь целые дни копаюсь в саду, погода чудесная, теплая, всё в цвету, птицы поют, гостей нет, просто не жизнь, а малина. Я литературу совсем бросил, а когда женюсь на тебе, то велю тебе бросить театр и будем вместе жить, как плантаторы. Не хочешь? Ну, ладно, поиграй еще годочков пять, а там видно будет» [9, X П, с. 229-230].

Мотив последней любви возникает уже в обращениях «Здравствуйте, последняя страница моей жизни, великая артистка земли русской», «Будь

здорова и счастлива, немочка моя хорошая. Не хандри, спи крепко и пиши мне почаще. Целую тебя крепко, крепко, четыреста раз» [9, X, с.161].

Список литературы

1. Акимова, Т.П. Лингвокультурологические характеристики эпистолярного текста (на материале писем классиков русской литературы XIX-XX вв.). Дис. д-ра филол. наук / Т.П. Акимова. – Волгоград, 2016. – 421 с.
2. Громов, М.П. А.П. Чехов в переписке с современниками / М.П. Громов // Переписка Чехова: в 2 т. Т.1. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 5-35.
3. Дорфман, И.И. Речевой жанр приветствия/прощания в эпистолярном наследии А.П. Чехова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2011. – № 132. – С. 86-91.
4. Капустин, Н.В. З. Гиппиус о Чехове (К вопросу об античеховских настроениях в культуре «серебряного века») / Н.В. Капустин // Чеховиана: сб. статей. Из века XX в XXI: итоги и ожидания / [отв. ред. А.П. Чудаков]. М., 2007. С. 176-188. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec-dejavu.ru/c-2/Chekhov-2.html>. (17.04.2017).
5. Ковалева, Н.А. Русское частное письмо XIX века. Коммуникация. Жанр. Речевая структура / Н.А. Ковалева. – М.: СТ-ВИНТ, 2001. – 285 с.
6. Кыштымова, Т.В. Ономастическая игра в частной переписке А.П. Чехова (на примере обращений и самопрезентаций) / Т.В. Кыштымова // Молодой ученый. – 2010. – №3. – С. 188-190.
7. Ходасевич, Вл. Ходасевич В. Собрание сочинений: В 4 т. / Вл. Ходасевич. – М.: Согласие, 1997. Т. 4. – 744 с.
8. Четверикова, О.В. Специфика обращений в эпистолярном наследии А.П. Чехова / О.В. Четверикова // Слово и текст: теория и практика коммуникации: сборник научно-методических статей. – Вып. 2. – Армавир: РИО АГПА, 2014. – С. 37-39.
9. Чехов, А.П. Собрание сочинений Письма. В 12 томах. Т. 9. – М.: Наука, 1978. – 775 с.; Т.9. – М.: Наука, 1980. – 616 с.; Т. 10. – М.: Наука, 1981. – 600 с.
10. Шишкина, А.А. Эпистолярный жанр в современных диссертационных исследованиях / А.А. Шишкина // Михаил Муравьев и его время: сборник статей и материалов Пятой Всероссийской научно-практической конференции. – Казань, 2015. – С. 108-113.

ФИЛОСОФИЯ

З. Л. Сакаева

Россия, Омск

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Научный руководитель: д.филос.н., профессор В.И. Разумов

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Аннотация

Предпринят социально-философский анализ феномена правосознания. Осуществлена экспликация понятия «интенциональность» в плоскости правовой реальности. Вне классических представлений юриспруденции и философии проведена рефлексия системы правовых и философских категорий.

Ключевые слова: правосознание, правовая реальность, интенциональность, интенциональные объекты

Социально-философский анализ феномена правосознания немислим без обращения к таким категориям как: интенция, интенциональность, интенциональные объекты, поскольку именно через данные категории возможно раскрытие глубинных и естественных связей между правовой реальностью и правосознанием, правом и правосознанием, правосознанием и иными формами сознания. Интенциональность – это одно из свойств сознания, а также правосознания как одной из возможных форм сознания. В переводе с латинского языка *intention* – стремление. Смысл данного понятия сводится к пониманию интенции как направленности сознания, мышления на какой-либо предмет [1, с. 138]. Наиболее всесторонне такие философские категории как: интенция, интенциональные объекты, описаны и интерпретированы в феноменологии 19-20 веков, такими философами как Франц Brentano, Эдмунд Гуссерль, Джон Сёрл, Дэниел Денет и др.

Ф.Бrentano рассматривает поставленные ещё Аристотелем вопросы: «К чему я должен стремиться? Какая цель правильная, а какая нет?» Для него эти вопросы направлены на уяснение природы интенционального объекта. Философ отвечает на поставленные вопросы так: «Из достижимых благ выбирай лучшее». И далее формулирует новые вопросы: «что же значит наилучшее? Что мы вообще называем «благом»? «И каким путём мы узнаём, что нечто является благом, и лучше, чем что-то другое?» [2, с. 48] Как видим, интенциональный акт всегда связан с целеполаганием, которое связано с достижением какого-либо блага, а значит, уже предполагает в своём существовании интенциональный объект - стремление к благу.

Для Brentano объекты интенционального отношения могут быть как предметно даны в действительности, так и существовать имманентно. Он пишет: «нет слышания без того, что слышат, веры без того, во что верят, надежды – без того, на что надеются, стремления – без того, к чему стремятся, радости – без того, чему радуются, и так во всём» [2, с. 48]. Как видим круг объектов (благ) для интенциональных актов сознания не ограничен.

Итак, по Brentano есть два класса вещей: класс идеальных предметов (чистые фикции) и класс конкретных вещей (сущее). В правовой реальности большая часть интенциональных объектов принадлежит классу идеальных предметов (правосознание, право, государство и т.д.).

Brentano указывает на то, что иногда люди напрасно и ошибочно расценивают что-либо как благо [2, с. 55]. Так, принимая взятку, взяточполучатель полагает, что полученная материальная ценность является благом, когда же взятка раскрывается и к взяточполучателю применяются меры юридической ответственности, то взятка расценивается им как зло. Наказание является благом для преступника с точки зрения социума, поскольку имеет воспитательное, превентивное значение, но наказание жестокое и чрезмерное, то есть не соответствующее степени и тяжести преступления является злом.

Таким образом, из того, что кто-либо стремится к чему-то самому по себе или ради какой-либо цели, не следует однозначный вывод о том, что этот предмет является благом «для него». Но отчего так случается, что то, что нам нравится, не является однозначно благом? Brentano объясняет это «инстинктивными» или «привычными» импульсами. [2, с. 55]. Из сказанного можно сделать следующий вывод: импульсы могут приводить к правильным или же неправильным суждениям, эмоциям, именно к суждениям и к эмоциям, поскольку по Brentano представления не могут быть правильными и неправильными. Так, взяточполучатель систематически получающий материальные средства в обмен на оказываемые им услуги, действительно действует по привычке, основанной, в частности: на чувстве безнаказанности, ощущении контроля ситуации, на его индивидуальной жизненной философии, оправдывающей его поведение.

Благо может быть абсолютным («лучшее благо») и практическим (то есть познанным благом) [2, с. 113]. Абсолютное благо, по Brentano, – это благо, признаваемое таковым всеми. Ответа на вопрос что же конкретно относится к абсолютному благу он так и не дал. Проанализировав суждение Аристотеля («Метафизика») о том, что «...все люди по природе стремятся к знанию...» он, однозначно не соглашаясь и не отвергая тезис, предложил, что в данном случае, противоположностью знания как блага является заблуждение как зло. Для юриспруденции, на наш взгляд, таким всеобщим (абсолютным) благом является жизнь человека. Лучшее благо, для Brentano, – это то, что достойно «большой любви» [2, с. 51]. Очевидно, что его интересует качественная характеристика любви, описываемая с помощью категории интенциональность. Он делает вывод, что интенсивность блага сложно измерить, а попытка

измерения субъективна и превращает абсолютное благо в относительное. Но, тем не менее, рассматривая эмоциональный акт как благо или зло, он допускает, что интенсивность эмоционального акта влияет на благость эмоционального акта.

На наш взгляд в вопросе о высшем благе, об иерархии благ важную роль играет индивидуальное и общественное предпочтение, которое формируется представлениями, суждениями, эмоциями людей конкретной эпохи. Таким образом, лучшее благо - это всегда субъективное (относительное) благо, поскольку является «благом для...» человека определённой эпохи, культуры.

Своеобразны взгляды Brentano об эмоциях (эмоциональных актах) как о благе. Он вводит понятие «чистого» блага [2, с. 110]. Так, неудовольствие от зла нельзя назвать чистым благом, а удовольствие от зла является «злом по преимуществу». Чтобы эмоция (эмоциональный акт) признавалась благом нужно, чтобы, во-первых, эмоциональный акт был правильным, а, во-вторых, это должен быть акт симпатии, а не антипатии [2, с. 107]. Если исходить из того, что эмоциональный акт может содержать моменты симпатии и антипатии, то по своей сущности благом он быть не может. Философ не уточняет, что понимается под правильным эмоциональным актом. Если исходить из того, что, во-первых, средства для достижения цели могут быть правильными и неправильными, а правильными являются такие средства, что «служат достижению цели» [2, с. 46], во-вторых, правильной целью для него является достижение наилучшего блага, то отсюда следует, что эмоциональный акт является благом, если имеет в себе интенцию к благу и является актом симпатии. Таким образом, понятие блага в трактовке Brentano противопоставляется злу и, по-видимому, равнозначно понятию добра.

Сложно согласиться с Brentano в том, что акт антипатии не может быть благом. Например, можно выражать антипатию к преступности, а значит, подобный эмоциональный акт является благом. Неоднозначная в нашем представлении позиция философа немного проясняется в следующем примере из правовой реальности. Он пишет: «Несмотря на свои недостатки, положительное законодательство создаёт такое положение дел, которое лучше анархии, а поскольку всякое неповиновение закону угрожает умалить его силу в целом, то в созданных самим законом обстоятельствах для индивида, даже с точки зрения разума, будет представляться правильным то, что само по себе он никоим образом не мог бы приветствовать» [2, с. 119]. В данном примере отражена позиция, сформированная в рамках формулы римского права: «Закон суров, но он закон». Кроме того, фраза: «...такое положение дел, которое лучше анархии», позволяет предположить, что Brentano придерживался позиции жертвования личными благами, ради всеобщего режима законности. Тем не менее, чуть дальше он добавляет: «но с другой стороны, нельзя забывать, что и здесь имеются свои границы и что не следует пренебрегать принципом, великим в своей возвышенности и независимости: «Богу должно повиноваться более, нежели людям» [2, с. 119]. Таким образом, Brentano

обозначает проблематику определения благости интенционального акта, но уходит от окончательного её разрешения, возможность которого он, возможно, предоставил правоведам.

Обратимся ещё раз к понятию «лучшего блага». Лучшее благо – это результат «правильного предпочтения» заключает Brentano. Если рассмотреть данное выражение с точки зрения права, то в соответствии с обозначенным смыслом понятия можно говорить о правомерном поступке (правильном предпочтении) как о благе и о противоправном поступке (неправильном предпочтении) как о зле.

Отчасти, смысл понятия «правосознания» постигается через категорию блага. Несмотря на выработку множества определений понятия правосознания в теории государства и права, философии права, упоминание категории «благо» при определении понятия правосознания дано в толковом словаре С.И.Ожегова. В толковом словаре правосознание определяется, как сознание необходимости поддерживать правовые нормы для *блага* человеческого общества [3, с. 468]. Данное определение интересно тем, что оно коррелирует с пониманием свободы Спинозы, как осознанной необходимости. Действительно, бесспорным является то обстоятельство, что право защищает и закрепляет субъективные права, свободы, но при этом оно задаёт границы осуществления субъективных прав. Действующий в Российской правовой реальности принцип гласит: «разрешено всё, что не запрещено законом». Таким образом, осознание важности закона и права в целом как блага для достижения иных благ является одновременно и обретением свободы личности и условием для рождения общественного правосознания как феномена.

В юриспруденции понятие «блага» является видовым по отношению к родовому понятию «объекта правоотношений». Существует два подхода в понимании объектов правоотношений: монистический и плюралистический. В соответствии с монистическим подходом объект – только действия субъектов, поступки людей. В соответствии с плюралистическим подходом (теория множественности объектов) (Малько А.В.) объектами правоотношений могут быть различные объекты и явления, такие как: материальные блага (вещи, ценности, имущество); нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство, честь и т.п.); продукты духовного творчества (произведения литературы, искусства, музыки, науки); результаты действий участников правоотношений (например, на основе договора); ценные бумаги и документы [4, с. 80]. В.А. Рыбаков, Морозова Л.А. отождествляет понятия блага и объекта правоотношения. «Объект правоотношения – это то реальное благо, на достижение, использование или охрану которого направлена реализация субъективных прав и обязанностей участников правоотношения» [5, с. 231]. По мнению Спиридонова Л.И. [5, с. 234] объекты делятся на два вида: юридические (правомерное фактическое поведение) и фактические (материальные и духовные блага). А.В.Мицкевич, В.М.Хвостов [5, с. 234-235] полагают, что в качестве объекта можно рассматривать и личность человека,

например в браке. Таким образом, в монистическом подходе объект – это все возможные действия субъектов правоотношений и такое представление затрудняет понимание того, что есть благо в рамках данного подхода, а в плюралистическом подходе благо – это один из объектов правоотношений.

А.Г.Братко различает понятия объекта и предмета правоотношений. Если объект для него – это разнообразные фактические общественные отношения, то предмет – материальные и нематериальные блага, либо поведение лица, по поводу которого возникает правоотношение. Как отмечает Братко, предмет правоотношений - это не любое благо, а только то, что связано с интересами общества, личности и которые регулируются правом [6, с. 150].

По мнению В.С.Афанасьева, Н.Л.Гранат [7, с. 152] объект правоотношений – это то, по поводу чего существуют правоотношения, то на что направлены субъективные права и обязанности сторон; человек не может быть объектом правоотношений, так как он не раб и не крепостной.

Иногда в качестве объекта правоотношений называют интерес его субъектов. Как указывает Морозова Л.А. и в уголовно-правовых и в административно-правовых правоотношениях есть интерес - интерес государства [8, с. 240].

Таким образом, в теории государства и права, в одних случаях, объект и предмет правоотношений не разделяются в понятийном отношении (Рыбаков В.А., Морозова Л.А.), в других же случаях под объектом правоотношений понимают фактические общественные отношения, а под предметом – те блага, по поводу которых отношения складываются (А.Г.Братко). На наш взгляд, необходимо разграничивать понятия объекта и предмета права (отрасли права) и объекта правоотношений. Наиболее обоснованным является плюралистический подход, в соответствии с которым под объектами правоотношений понимаются материальные, духовные блага и др. объекты. Данный подход соотносит объект правоотношений и благо как общее и частное. Включение в объект правоотношений самих общественных отношений (Братко А.Г.) является ошибочным, так как общественные отношения являются объектом регулирования права, а точнее конкретных отраслей права.

Помимо теории государства и права категория «благо» входит в категориальный аппарат и других отраслей права. Наиболее употребляемой и разработанной категория «благо» является в гражданском праве.

Причиной интенции правосознания являются те или иные желания в отношении отдельных объективных и субъективных благ правовой реальности. Интенции предшествуют интерес, желание, в след за которыми следует воление (волевой акт). Более того, сама интенция находит себя в волевом акте. Результатом желания применительно к правовой реальности является само благо: субъективное (материальное и духовное) и объективное (общественный порядок). На наш взгляд, к субъективным благам в правовой реальности следует относить также:

1) ощущение и осознание безопасности, защищённости в правовой реальности;

2) ощущение и осознание справедливости (в результате выполнения какой-либо законной обязанности, например: выполнения обязанности сообщения в правоохранительные органы или начальству о предложении взятки; реализации субъективных юридических прав);

3) ощущение и осознание реальной силы национального законодательства;

4) уважение к праву как социальному институту;

5) понимание закона и логики законодателя;

6) признание и уважение государственных служащих и должностных лиц, понимание логик их решений, действий (бездействий);

7) ощущение и осознание своей значимости как гражданина, возможности влияния на правовую реальность, а также возможности диалога с иными носителями правосознания.

Степень интенциональности желания зависит от ценности блага для конкретного субъекта. Уровень правосознания зависит от существа желаний, ценностных ориентаций, от благ, включённых в содержание интенциональных актов (переживаний, суждений).

Представление об интенциональном переживании вслед за Ф. Brentano рассматривалось Э. Гуссерлем. По Гуссерлю представленный предмет «имманентно присутствует в моём «акте», имеет в нём ментальное существование «(Inexistenz)...» [9, с. 343]. В идеях чистой феноменологии и феноменологической философии Гуссерль именуется направленность акта сознания – ноэзой, а сам объект ноэмой, при этом интенциональность может быть прямой и фоновой. Фоновая интенциональность означает, что в фокус внимания помимо мыслимой вещи входит ещё что-то. Отсюда в ноэзис, под которым понимается акт направленности сознания, входит ноэма, то есть мыслимый объект в том виде, в котором он есть в акте сознания, и иное. Так, в предмет прямой интенциональности входит само преступление, а в предмет фоновой: личность преступника, обстоятельства преступления, мотивы и т.д.

В своём раннем произведении «Интенциональные предметы» Гуссерль ставит вопрос о том, относится ли каждое наше представление к предметам [10, с. 36]. Он различает интенциональные предметы и действительные. Когда мы представляем какой-либо предмет, то существование представляемого предмета является не действительным, а интенциональным. Делая утвердительные суждения о предмете, мы утверждаем его действительное существование, которое «предполагает интерес» [10, с. 40]. В понимании Гуссерля реальным бытием (Dasein), обладают не только реальные предметы, но и мыслимые, подобно геометрическим фигурам [10, с. 57], в силу чего все элементы правовой реальности являются интенциональными объектами. Возможности правовых интенций детерминируются уровнем и формой правосознания. Правосознание способно рассматривать в качестве

интенционального объекта правовую реальность как в целом, так и её отдельные элементы.

В правовой реальности интенциональный объект является составным. Термин составной интенциональный предмет (или другими словами полный, целый) принадлежит Э.Гуссерлю [9, с. 348]. Типы интенциональных объектов это модусы «нечто»: нечто отдельное, нечто большее, целое, некое положение дел, некое отношение и т.д. [10, с. 123]. Правосознание направлено на ситуацию, событие, связи между ними. Внимание к конкретному закону очень часто связано именно с осмыслением правовой ситуации в целом. Закон интерпретирует правосознание в контексте конкретной правовой ситуации (фактического положения дел) и наоборот, сознание интерпретирует закон через правовые ситуации. Именно поэтому мы говорим о том, что в правовой реальности интенциональный объект всегда составной.

Правовое сознание всегда имеет субъект-объектную связь, которая является структурой интенционального переживания. Рудольф Берне пишет: «интенциональность без субъекта или объекта ставит вопрос о возможности сознания без объекта и (или) субъекта» и приходит к выводу о том, что интенциональность без Я – не возможна, но при этом без объекта – вполне [11, с. 149]. Это возможно по Берне в случае аффективных состояний. Если Берне говорит об отсутствии предметно данного объекта, то его позиция бесспорна. Данное понимание применимо для правовой реальности и правосознания, в случае, когда объектом интенции является не реально существующие, эксплицитно выраженные объекты, а лишь мыслимые, образные объекты. Интенцию необходимо отличать от рефлексии, в случае же аффективных состояний можно говорить о рефлексии, но не об интенциональном состоянии. При интенции внимание направлено на объект как таковой, а рефлексия предполагает фиксацию внимания на акте сознания. Когда правосознание направлено на какой-либо объект (например, на личность преступника), то речь идёт об интенции, а если на само себя (почему я думаю, что совершил преступление именно он, какие у меня доказательства?), то это рефлексия.

В заключение следует отметить следующее.

Все элементы правовой реальности являются интенциональными объектами правосознания (поскольку мыслимы), а также составными.

Интенциональный объект правосознания имеет своё место в логической цепочке развёртывания интенционального акта: «интерес-желание-поведение-благо». В этой цепочке всегда присутствует субъект, который выражает себя в интенции «интерес-желание-поведение» и объект (благо).

Под интенциональными благами правосознания понимаются объективные и формальные понятия, при этом объективное понятие – это мыслимая вещь, которая может существовать в мире предметов и не существовать, например: коммунизм, правовое государство. Формальные объекты – выражение объективного понятия в словесном выражении, например законы, преюдиция, недвижимость и т.п.

Круг интенциональных объектов в правовой реальности намного шире, нежели приведённый в нормативно-правовых актах круг объектов правоотношений. Кроме того, круг реальных интенциональных объектов правосознания намного шире, нежели круг действительных объектов, поскольку интенциональные объекты могут быть предметно даны и не иметь материальной формы.

Список литературы

1. Сёрл Джон. Открывая сознание заново. Пер. с англ. А.Ф.Грязнова. М.: Идея-Пресс. 2002.
2. Франц Brentano. О происхождении нравственного познания / Пер. с нем. Анипко А.А., предисловие Разеев Д.Н., Черненко С.В. СПб.: лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ. Серия «Метафизические исследования. Приложение к альманаху». 2000. СПб: Алетейя, 2000.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / под. Ред. Л.И.Скворцова. М: Мир и Образование. 2016.
4. Малько А.В. Теория государства и права в схемах, определениях и комментариях: учебное пособие. Проспект. 2010. С. 80.
5. Рыбаков В.А. Теория государства и права: конспекты лекций (для студентов юридического факультета). Омск : Наука, 2005.
6. А.Г. Братко. Общая теория государства и права: Учебник / под. Ред. В.В.Лазарева. М.: Юрист. 1994.
7. В.С. Афанасьева, Н.Л.Гранат. Общая теория государства и права / под. Ред. В.В.Лазарева. 3 изд. Перераб. И доп. М.: Юристъ. 2011.
8. Морозова Л.А. Теория государства и права. Учебник. 4 изд.
9. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2. ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания. Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Академический проект. 2011.
10. Гуссерль Э. Избранные работы /сост. В.А.Куренной. М.: изд.дом «Территория будущего». Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского». 2005.
11. А.Н.Крюков. О возникновении вещей и их смыслов (дискретное и континуальное в феноменологии Гуссерля // Вопросы философии. 2016. №6.

ИДЕЯ СУДЬБЫ В ФИЛОСОФИИ

Аннотация

В статье анализируется категория судьбы, имеющая сложную историю в философии. Автор раскрывает гносеологические аспекты данной проблемы и устанавливает основные хронологические границы идеи судьбы в философии.

Ключевые слова: Человек, философия, судьба, категория, история.

Представления о человеческой судьбе, пожалуй, самая захватывающая часть философских текстов. Нас всегда интересует вопрос о том случайные ли события, в которых мы участвуем или все предначертано свыше (рок, воля богов, духов и т.д.). Понимая невозможность однозначного определения понятия судьбы в философии, будем рассматривать лишь основные его характеристики. Под судьбой обычно понимают некоторую предопределенность человеческой жизни, которая оказывается зависимой от воли богов, природных стихий, духов, совокупности злых и добрых дел и так далее. Необходимость введения понятия «судьбы» в философский тезаурус возникает тогда, когда объектом философской рефлексии становится жизнь человека. В философии жизни судьба предстает в качестве понятия, посредством которого выражается зависимость человеческой жизни от сил, оказывающих на нее существенное влияние.

Обращаясь к истории философии, отметим две важные для обсуждаемой темы категории – эссенция и экзистенция, которые были актуальны в эпоху схоластики. Как известно, согласно средневековой традиции, все состоит из сущности и существования, а их единство возможно только в Боге. Жизнь человека – это своеобразная диалектика этих двух начал, при этом задача философии, по крайней мере, экзистенциальной, заключается в том, чтобы некоторым образом приблизить понимание сущности человека. Сущность проявляется в сфере существования, но она меняет здесь свои формы, приобретает новые черты. Именно в сфере существования становятся значимыми такие понятия, как судьба, любовь, тоска, озабоченность, совесть и многие другие. Конечно, можно говорить о зависимости человека от внешних или внутренних сил безотносительно к переживаниям человека, но когда мы начинаем включать последние в поле своего исследования, вот тогда, и встает необходимость оперирования понятием «судьба».

Одним из мыслителей прошлого, посвятившим значительное внимание проблеме судьбы человека был французский экзистенциалист А. Камю. Особое место в его атеистическом экзистенциализме отводится вопросам судьбы

человека, его выбора и ответственности. А. Камю, считает, что человек живет в мире лишенном смысла, при попытке понять мир, рождается абсурд. Человек сам себе судья и только перед собой несет ответственность. Для человека, по мнению философа, не существует высшей морали от Бога, все моральные учения не что иное, как оправдание. Человеку абсурдному дозволено все, без моральных ценностей данных свыше все поступки человека равноценны. А.Камю отрицает судьбу, предначертанную богом. Считает, что даже если мир абсурден, но человек всегда может сделать еще один шаг к свободе. Обыденное сознание трагично, если оно озабочено проблемой ежедневного бесполезного никому не нужного, тяжелого физического труда (Миф о Сизифе). Вместе с темой судьбы человека возникает проблемы человеческой свободы. Если все предопределено заранее, то, как возможна свобода человека? По мнению А.Камю, это свобода человека в абсурдном мире. Свобода в таком мире не приносит человеку счастья, поэтому она трагична. А.Камю отвергал самоубийство как решение проблемы абсурдности мира, поскольку это уже бегство от собственной свободы. Абсурд преодолевается человеком лишь в процессе максимального напряжения жизни. Чтобы человеку победить абсурд существует только один выбор – бунт, страсть и свобода в качестве условий существования общечеловеческих ценностей. Французский философ пишет: «Ясность ума, понимание выпавшего удела, дисциплина, но и бунт, отказ примириться с существующим уделом – вот выход, вот что наполняет нашу жизнь смыслом» [1, с. 87].

Эволюция проблемы человеческой судьбы выглядит как трансформация представлений об упорядоченности жизненного его пути. В античности трагическая предопределенность бытия индивида выражались с помощью смыслов и символов политеистической религии, которая ставила человека в полную зависимость от воли всемогущих богов. В античности природа и общество являются для отдельной личности одушевленным целым. Все происходящее в природе и обществе трактуется как необходимое, как абсолютное. Судьба представлялась в мифологическом сознании как давление целого на человека, это целое персонифицировалось в космосе, в языческих богах. Изначально боги представлялись как природные стихии, соответственно совершенно не похожими на человека. Со временем боги антропоморфизировались, стали приобретать человеческие качества и облик. Первую философскую критику антропоморфной религии, как известно, представил основатель элейской философской школы Ксенофан, который руководствовался принципом рациональности. Именно тогда возникает идея разумности человека в отличие от других существ, да, человек смертен, но он обладает разумом. «В греческой культуре, пишет Ж.К. Кениспаев, - впервые сформулирована главная проблематика философии – человек и особенности его бытия. Принципиальное отличие человека от других существ – это его разум, сознание. Теоретическое отношение к миру позволяет создавать новые

искусственные миры, которые с течением времени начинают жить собственной жизнью» [2, С. 91.].

Так как судьба отдельного человека – это часть большого единства в античности подчеркивается зависимость человека от целого, утверждается, что человек является частью большого Космоса. В мифологическом сознании целое предстает живым организмом, все части которого тесно взаимосвязаны между собой. Если Космос имеет упорядоченную структуру и противопоставляется хаосу, то идея судьбы вносит порядок в социальный мир. Человек как часть целого неизбежно вбирает в себя основные характеристики последнего, в частности упорядоченность природы, что было обусловлено тем, что целое господствовало над частью, и человек полностью находился в руках судьбы. Судьба начинает восприниматься античным человеком как нечто не только непостижимое, но и тягостное. Кризис классического полиса повлек за собой кризис самой идеи судьбы. Кризис идеи судьбы, проявления отрицательного отношения к ней, даже прямая ее критика не привели к полному ее преодолению общественным сознанием. И подобно тому, как кризис античного государства был кризисом всего лишь определенной исторической его формы – классического греческого полиса, подобно этому и кризис идеи судьбы, был кризисом только мифологических представлений о судьбе на данном этапе развития. Заметим, что стремление человека к первородному единству с природой и космосом все чаще наблюдается и в современной культуре. Не исключено, что единство с остальным миром является главным фактором человеческого бытия.

В классической философии господствует идея о том, что индивидуальные человеческие устремления подчинены внешней необходимости. Примером может служить гегелевская философия, согласно которой судьба человека определяется «хитростью Разума» или философия А. Шопенгауэра, оппонента Гегеля, в которой судьба человека зависит от деятельности бессознательной Воли. Неклассическая философия акцентирует внимание на случайно выпавших на долю индивида обстоятельствах, в которых он свободно утверждает себя, и это выступает как внутренняя, субъективная необходимость. Подобную схему можно обнаружить, например, в философии экзистенциализма. Во второй половине прошлого века идея судьбы человека по-своему осмысливается в так называемой аналитической философии, которая представляет собой довольно разные по своему содержанию философские концепты. Но и в этом довольно вольном по сравнению с классическим периодом типе философствования отчетливо прослеживается стремление мыслителей определить место человека в мире, а, по возможности, и его судьбу. Принципиальное отличие философии в вопросе о судьбе человека от религии и мифологии заключается в том, что она в анализе этой проблемы широко использует принципы научной рациональности и не ссылается на темные или злые силы потусторонних миров.

Список литературы

1. Камю А. Бунтующий человек: Философия, политика, искусство / А. Камю. – М. : Политиздат, 1990. – 284 с.
2. Кениспаев Ж.К. Философия сознания. Учебное пособие. Курс лекций / Ж.К. Кениспаев. – Барнаул. : Изд-во ААЭП, 2012. – 121 с.

Г.Ж.Бальтанова

Россия, Омск

ФГБОУ ВО Омский ГАУ

*Старший преподаватель кафедры философии,
истории, экономической теории и права*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В ПРАВОСОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Аннотация

Общество и государство заинтересованы в формировании социально активных и в то же время законопослушных граждан. Однако в современных условиях участились случаи искажения правосознания. Правильное понимание видов искажения правосознания позволит выбрать наиболее верные пути преодоления данной проблемы.

Ключевые слова: правосознание, деформация правосознания, дефект правосознания, правовой нигилизм.

Изменение общественного, политического и экономического строя в нашей стране оказала огромное влияние на правосознание российских граждан. Соответственно, очень популярными стали исследования в области формирования правосознания различных социально-демографических и профессиональных групп, так как правосознание каждой такой группы имеет свои особенности, что обусловлено множеством факторов.

Одной из самых распространенных негативных форм деформации правосознания является правовой нигилизм.

По мнению М.Н. Марченко, правовой нигилизм - это патология правового сознания, обусловленная определенным состоянием общества[2, с 486].

Правовой нигилизм определяется как следствие юридической неразвитости, отсталости, нецивилизованности массового сознания общества или конкретной социальной группы. Е.И. Хлуднев считает, что правовой

нигилизм стоит рассматривать как деструктивное явление, вызванное целой совокупностью причин [4, с.253].

А.Ю. Вандин приводит классификацию причин правового нигилизма, к которым относит:

- «а) несовершенство права;
- б) несовершенство деятельности правовых структур;
- в) несовершенство реализации права;
- г) низкая правовая культура населения и некоторых представителей законодательной, правоприменительной и правоохранительной систем;
- д) получение искаженной правовой информации населением через средства массовой информации, путем межличностного общения, фрагментарного индивидуального восприятия, через сознательное спекулятивное манипулирование индивидуальным и общественным сознанием;
- е) отсутствие личностной мотивации повышения правовой культуры» [1, с. 156].

Правосознание жителей сельской местности — это вызванный спецификой образа жизни и труда особый вид правосознания группы людей, обладающей неоднородной структурой, с доминированием психологических элементов.

Автором был проведен опрос жителей города и жителей сельской местности.

На вопрос, считаете ли Вы Россию правовым государством, и жители города, и жители сельской местности отвечали примерно одинаково: 60% ответили «да», 8% - «нет», 32% - «не совсем». При этом, из тех респондентов, кто ответил на предыдущий вопрос «да» среди городских жителей 70% считают закон справедливым и 84% доверяют судебной системе. Среди сельских жителей 38% считают закон справедливым и всего 51% доверяет судебной системе.

Прочитав одно из определений правового нигилизма, 71% жителей города считают это явление опасным для общества, из жителей сельской местности всего 38% в этом вопросе согласились с жителями города.

На вопрос принимали ли вы участие в выборах в различные органы власти, 70% жителей города отвечали утвердительно, среди жителей сельской местности так ответило только 48%. При этом правовыми нигилистами себя считают: жители города 13%, а жители села – 7%.

Считаем также очень интересными ответы на вопрос по поводу источников из которых респонденты узнают об изменениях в законодательстве. 89% жителей города узнают об изменениях из таких источников как телевидение и интернет, 7% - из газет, 4% - от друзей и соседей. Жители сельской местности отвечали следующим образом: 53% - телевидение и интернет, 4% - газеты, 43 % - друзья, соседи.

На вопрос, считаете ли Вы необходимым повышать свой уровень правовой грамотности и жители города, и жители села ответили примерно

одинаково: 91% жителей города ответили положительно, 93% жителей села ответили также.

Городские жители и жители сельской местности обладают разным потенциалом адаптации к произошедшим изменениям. Неравенство адаптивных возможностей, различия в умении преодолевать существующие социальные и правовые барьеры обусловили низкий уровень правового понимания жителями сельской местности новых социально-экономических условий жизни и развития общества, в связи с чем в правосознании большей части жителей сельской местности формируется отрицательное отношение к проводимым преобразованиям.

Специфика формирования правового сознания этой группы людей определяется: экономической и политической нестабильностью в стране; особенностями профессиональной деятельности, менталитета и религиозного мировоззрения жителей сельской местности; низким уровнем образования; недостаточным количеством и низким качеством информации о праве, содержащейся в СМИ, и ограниченным доступом к официальным источникам правовой информации[3, с. 356].

Существенные различия социально-экономического положения между городом и сельской местностью изначально поставили сельских жителей в более узкие рамки, обусловили разные возможности для успешной адаптации к столь быстро изменяющимся социально-экономическим условиям. Это нашло отражение в результатах проведенного автором социологического исследования, которое позволило констатировать низкий уровень правовых знаний и, на этой основе, недоверие респондентов органам государственной власти и в целом законодательству государства.

Список литературы

1. Вандин А.Ю. Правовая культура и правовой нигилизм в современном российском обществе (на примере владимирской области) // Вестник Владимирского юридического института. – 2013. – №4 (29). – С. 154–159.
2. Марченко М.Н. Общая теория государства и права. В 3-х т. Т. 3. Государство, право, общество: Академ. курс/М.Н.Марченко, С.Н.Бабурин и др. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. - 720 с.
3. Потякин А.А. Правовой нигилизм как вариант современного российского правосознания//Общество и политика. - СПб., 2000. - с. 342- 360.
4. Хлуднев Е. И. Правовой нигилизм: понятие и причины [Текст] / Е. И. Хлуднев // Relevantlinesofscientificresearch: theoryandpractice : материалы ХМеждународ. науч.–практ. конф. (Cheboksary, 18 дек. 2016 г.). В 2 т. Т. 2 / редкол.: О. N. Shirokov [и др.]. — Cheboksary: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. — № 4 (10). — С. 252–254. — ISSN 2412-0510.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ В АНТИЧНОСТИ

Аннотация

В статье анализируется тема становления проблемы экологии в философии. Автор обращает внимание на античную эпоху, которая представлена именами философов классического периода. Подчеркивается, что проблемы экологии были актуальны во все периоды существования философской мысли.

Ключевые слова: человек, экология, философия, античность, наука.

Термин «экология» в научный обиход ввел Э. Геккель, который определял ее как науку об отношениях между растительным и животным миром с окружающей средой. В настоящее время этот термин используется в самых разных сочетаниях – экологическая культура, экологическая ниша, экологические проблемы и так далее. Особое место занимает понятие экологического сознания, которое используется практически во всех науках, исследующих особенности взаимодействия человека и природы. Понятие экологического сознания в современной научной литературе определяется как способность человека понимать общие корни с природой, умение согласовывать свои действия с ритмами природы. Относительно статуса категории экологического сознания нет единого мнения. Некоторые исследователи считают, что экологическое сознание – это самостоятельная форма общественного сознания наряду с другими. Другие – настаивают на том, что экологическое сознание органично включено во все сферы общественного сознания и не следует его выделять в качестве особого способа познания мира. «Экологическое сознание не выступает в качестве специфической отдельной формы сознания, но служит неизбежным аспектом всех основных форм сознания, пронизывает и пропитывает их, тем самым выполняя роль интегратора не только индивидуального и общественного сознания, но и разнокачественных форм сознания общества, всей духовной жизни людей» [1, С. 46.].

На наш взгляд, современные тенденции общественной жизни свидетельствуют в пользу первой точки зрения. Предполагаем, что экологическое сознание является самостоятельной формой общественного сознания, которая играет важную роль для формирования мировоззрения человека. Постараемся этот тезис рассмотреть в исторической ретроспективе.

Интерес к сознанию как некоторому посреднику между человеком и природой в наибольшей степени проявился в философии Древней Греции. Фалес, сформулировавший проблему первоначала, объясняет природу, основываясь на научных представлениях своего времени. Заметим, что Фалес значительную часть своих знаний получил на Востоке, в частности, в Египте, куда он уехал специально для того, чтобы получить тайные знания жрецов. Египет, насколько нам известно, выработал особый способ взаимоотношений человека и природы. Вся хозяйственная и социальная жизнь строились согласно циклам водной системы Нила. Не исключено, что идея о воде, как главной субстанции возникла именно под влиянием египетской культуры.

Сократ и его ученики завещали людям следовать естественным природным началам. Особенно ярко эта тенденция проявилась в сократической школе киников, представителей которой отрицали все, что является искусственным и противоречит природному, естественному. Практическая реализация идей киников воплотилась в образе жизни Диогена Синопского. Если рассматривать эту традицию в контексте современной жизни, то можно утверждать, что все чаще люди призывают сограждан жить согласно природе. Возникла теория коэволюции, которая основана на принципе взаимодействий различных экосистем. Подобные духовные интенции были присущи традиционным обществам, в том числе и Алтайскому народу. «Алтайцы считали за грех рубить в лесу деревья, чтобы развести огонь, - для этой цели предпочитали собирать сушняк. Охотники не убивали дичи больше, чем было нужно для пропитания или уплаты ясака. Общество, благосостояние которого всецело зависит от природы, всегда внимательно относится к ее сохранению. Но экологическая культура – это не только разумное природопользование. Это еще и сильное ощущение обществом своей соприродности» [2, С. 67.].

Бережное отношение к природе означает ее изучение при помощи разума, формулировку основных законов ее развития. Если истина возвышает душу человека над невежеством, следовательно, необходимо научиться воспитывать души людей. Между знанием, то есть уровнем развития сознания, и степенью добродетели человека существует, по мнению Сократа, непосредственная связь. Человек, обладающий истинным знанием, наделен добродетелью. Но, к сожалению, знаниями человек может пользоваться не только во благо, но и во зло. Истинное знание с точки зрения древних есть не адекватное отражение мира, а идея, которая позволяет усматривать гармонию в мире, в том числе гармонию между человеком и природой. Значительное место в традиционной культуре занимают обыденные знания, позволяющие человеку ориентироваться в сложных социальных отношениях [3].

Платон не принял идею слияния человека с природой и спорил по многим вопросам с Диогеном Синопским. На наш взгляд, важным представляется мысль Платона о необходимости полноценного воспитания человека. Он

утверждал, что человек должен развивать не только свой дух, разум, но и свое физическое тело. Платон был хорошим атлетом, чемпионом по кулачному бою, что свидетельствует о значимости физического здоровья человека для развития его духовного потенциала. Именно такие задачи стоят перед системой образования и в настоящее время. Физическое здоровье человека – это неотъемлемая часть системы воспитания, важная государственная задача, на решение которой направляются материальные средства. Правильное отношение к природе означает, в том числе и должное развитие физического тела человека. В греческой культуре тело человека было предметом особого почитания. Физическая культура считалась основой общей культуры человека, который представлялся частью великого Космоса. В этом смысле теоретическая философия решала задачу преобразования действительности.

Не является исключением и философия Аристотеля, основателя многих наук, чьи научные достижения и сегодня впечатляют нас своими масштабами. Он утверждал, что обучение и правильное воспитание являются главными факторами в процессе формирования человека. Душа, по мнению Аристотеля, имеет свою основу в большей степени в сфере материального. Человеческая душа отличается от душ растений и животных наличием в ней разума. Хотя мышление и невозможно вне тела, оно не сводимо к физиологическим процессам, происходящим в человеческом мозге. Ум, По Аристотелю, неизменен и не подвержен старению, так как последнее касается только тела человека. Аристотель телеологически объясняет взаимоотношения между телом и душой - все растения и животные существуют ради души. В античной философии, в том числе в ее классический период, проблема взаимоотношений человека и природы была одной из центральных. Человек – это микрокосмос, и изучение его духовного мира может стать ключом для понимания законов развития всей Вселенной. Особое внимание заслуживают философско-педагогические идеи о воспитании человека, чьи действия не противоречат природным законам. Если Сократ исходил из идеи единства знаний и морального действия, то реалист Аристотель понимает тему в более широком контексте. Стагирит утверждал, что знания человека не единственный фактор, определяющий его поведение, так как, если человек есть политическое животное, то он включен во всю совокупность социальных и природных связей.

Список литературы

1. Гимазетдинова А.Х., Солодухо Н.М. Экологическое сознание и экологический архетип / А.Х. Гимазетдинова, Н.М. Солодухо. – Казань. : Изд-во КГТУ, 2008. – 140 с.
2. Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа / А.М. Сагалаев. – Новосибирск. : «Наука», 1992. - 176 с.
3. Кениспаев Ж.К. Философия языка и культурная идентичность этноса // Гуманитарные исследования в Горном Алтае: Материалы межрегиональной

научно-практической конференции. – Горно-Алтайский государственный университет. – 2016. С. 108-113.

*Галуза М. Н.,
Мезенцева Е. А.,
Кириченко Е. С.
Россия, Барнаул*

Алтайский государственный педагогический университет

ФОРМИРОВАНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКИХ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ РЕБЕНКА ЧЕРЕЗ ТЕСТОПЛАСТИКУ

Аннотация

Эстетическое воспитание - это система мероприятий, направленных на выработку и совершенствование в человеке способности воспринимать, правильно понимать, ценить и создавать прекрасное и возвышенное в жизни и искусстве.

Ключевые слова: эстетические способности, интеллектуальные способности, тестопластика.

Эстетическое развитие личности начинается в раннем детстве. Чтобы взрослый человек стал духовно богатым, надо обратить особое внимание на эстетическое воспитание детей дошкольного и младшего школьного возраста. Академик Борис Тимофеевич Лихачев считает, что период дошкольного и младшего школьного детства является едва ли не самым решающим с точки зрения эстетического воспитания и формирования нравственно-эстетического отношения к жизни. Автор подчеркивает, что именно в этом возрасте осуществляется наиболее интенсивное формирование отношений к миру, которые постепенно превращаются в свойства личности. Сущностные нравственно-эстетические качества личности закладываются в раннем периоде детства и сохраняются в более или менее неизменном виде на всю жизнь. Конечно, течение жизни что-то меняет и вносит свои коррективы. Но именно в дошкольном и младшем школьном возрасте эстетическое воспитание является основой всей дальнейшей воспитательной работы[4].

Следующая особенность эстетического воспитания в младшем школьном возрасте связана с изменениями, происходящими в сфере познавательных процессов школьника. Формирование эстетических идеалов у детей, как части их мировоззрения, сложный и длительный процесс. В ходе воспитания жизненные отношения, идеалы претерпевают изменения. В отдельных

условиях под влиянием товарищей, взрослых, произведений искусства, жизненных потрясений идеалы могут претерпевать коренные изменения. Педагогическая суть процесса формирования эстетических идеалов у детей с учетом их возрастных особенностей состоит в том, чтобы с самого начала, с раннего детства, формировать устойчивые содержательные идеальные представления об обществе, о человеке, об отношениях между людьми, делая это в разнообразной, изменяющейся на каждом этапе новой и увлекательной форме.

Чувство красоты природы, окружающих людей, вещей создает в ребенке особые эмоционально-психические состояния, возбуждает непосредственный интерес к жизни, обостряет любознательность, мышление, память. В раннем детстве ребята живут непосредственной, глубоко эмоциональной жизнью. Сильные эмоциональные переживания надолго сохраняются в памяти, нередко превращаются в мотивы и стимулы поведения, облегчают процесс выработки убеждений, навыков и привычек поведения. В эмоциональном отношении человека к тому или иному явлению выражается степень и характер развитости его чувств, вкусов, взглядов, убеждений и воли[2].

Таким образом, младший школьный возраст - это особенный возраст для эстетического воспитания, где главную роль в жизни школьника играет учитель. Пользуясь этим, умелые педагоги способны не только основать прочный фундамент эстетически развитой личности, но и посредством эстетического воспитания заложить подлинное мировоззрение человека, ведь именно в этом возрасте формируется отношение ребенка к миру и происходит развитие сущностных эстетических качеств будущей личности.

Для освоения техники каждого из видов деятельности требуется развитие специальных движений в отношении их силы, точности, темпа, плавности, ритмичности, что существенно облегчает в дальнейшем овладение различными видами учебной и трудовой деятельности[5].

В основе методики эстетического воспитания лежит совместная деятельность педагога и ребенка по развитию у него творческих способностей к восприятию художественных ценностей, к продуктивной деятельности, осознанного отношения к социальной, природной, предметной среде.

Методы эстетического воспитания очень разнообразны. Они зависят от многих условий: объема и качества художественной информации, форм организации и видов деятельности, возраста ребенка. Немалую роль играют уровень подготовки, мастерство и способности педагога.

Каждой группе задач эстетического воспитания соответствуют свои методы.

Первая группа задач направлена на приобщение детей к искусству, на развитие эстетического вкуса, понимание прекрасного.

По тому, как дети получают эстетическую информацию (знакомятся с произведением искусства, слушая музыкальную пьесу, песню, сказку, рассматривая картины, или через учителя, который рассказывает, объясняет, задает вопросы), ведущими методами становятся показ, наблюдение,

объяснение, анализ, пример взрослого. К ним предъявляются определенные требования.

Исполнение литературных и музыкальных произведений должно быть художественно-выразительным, эмоциональным, иначе встреча с искусством не окажет своего влияния.

Также необходимо добиваться яркой образности, чтобы дети поняли не только содержание картины, стихотворения, песни или смысл задания, но и пережили настроение, соответствующее настроению персонажей.

Вторая группа задач связана с формированием навыков художественной деятельности. Для решения этих задач требуются практические методы: показ, упражнение, объяснение, метод поисковых ситуаций[1].

Одна из форм организации - занятия, на которых педагог дает точные указания, показывает или предлагает детям самим найти приемы исполнения. На занятиях художественной лепкой детей обучают приемам, позволяющим им самим составить предмет из отдельных частей или из целого материала, вылепить отдельные детали. Творческие задания и всякое проявление творчества обязательно должны сочетаться с обучением навыкам художественной выразительности[3].

Если ребенок не владеет навыками рисования, он не сможет создать что-то творческое при всей условности понимания данного термина применительно к дошкольникам.

Такие задания можно использовать и при обучении детей танцевальным движениям, в театрализованных играх, при создании музыкально – игровых образов и др.

Другая форма деятельности - самостоятельная, где дети по своей инициативе могут проявлять себя в различных видах художественной деятельности: музыкальной, художественно- речевой, изобразительной, театрально игровой. Если на занятиях воспитатель целенаправленно осуществляет выполнение программы по тому или иному разделу художественной деятельности, то вне занятий ребенок сам определяет цели, задачи, находит средства для передачи своего замысла. В связи с этим самостоятельная художественная деятельность обладает большими возможностями для осуществления многих воспитательных задач, развития таких качеств личности, как инициативность, самостоятельность, творческая активность. При этом существенное значение приобретают разнообразные жизненные впечатления. Прогулка в лес, посещение театра, цирка, рассматривание иллюстраций, картин, игрушек, оставляют след в памяти ребенка, вызывают у него, как правило, положительные эмоции. Образы из любимых сказок, рассказов, мультфильмов находят отражение в детских играх, художественной деятельности. Опираясь на эти впечатления, дети сами создают какую-либо похожую жизненную ситуацию. В таких случаях они выступают и как авторы замысла и как исполнители. Задача педагога – не нарушая замысла ребенка, помочь ему, если возникает такая необходимость.

Использование методов и приемов в обучении зависит от того, какие качества, способности взрослый хочет развить у ребенка.

В одном случае необходимо развить инициативу и самостоятельность, которые нужны при выполнении любой деятельности, в другом — специальные способности, связанные с музыкальной, изобразительной, словесно-художественной практикой.

Методические приемы должны предусматривать сочетание эмоционального начала, осознания учебной цели, упражнений тренировочного характера и самостоятельных действий.

В целом лишь комплекс всевозможных методов может обеспечить полноценное эстетическое развитие ребенка.

Список литературы

1. Венгер, А. Л. Психология, учебное пособие для педагогических училищ / А. Л. Венгер, В. С. Мухина. – Москва, 2013. – 496с.
2. Вернадский, Г. В. История России. Древняя Русь / Г. В. Вернадский. – Москва, 2000. – 448с.
3. Власов, В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства в 10 т. – Т.3 / В. Г. Власов. – Москва, 2015. – 765с.
4. Власов, В. Г. Основы теории и истории декоративно - прикладного искусства. Учебно-методическое пособие / В. Г. Власов. – Москва, 2012. – 156с.
5. Выготский, Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте / Л. С. Выготский. – Москва, 2016. – 96с.

Т.В. Лобанова

Россия, г. Барнаул

Алтайский государственный педагогический университет

Научный руководитель к.с.-х.н., доцент Афонина Р.Н.

ВЛИЯНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ НА СПЕЦИФИКУ ХОЗЯЙСТВЕННО - КУЛЬТУРНЫХ ТИПОВ НАРОДОВ АЛТАЯ В ДРЕВНОСТИ

Аннотация

В формировании древнейших культур, помимо социальных факторов, большое значение имели экологические условия, определяющие тот или иной тип охоты или форму скотоводческого хозяйства. Основные формы хозяйства – охота, рыболовство, собирательство, земледелие и скотоводство – претерпели изменения, в ходе исторического процесса, изменялось и соотношение между ними в общественном производстве. Направление хозяйства и географическая среда в значительной степени определяли

особенности материальной культуры народов – типы их поселений и жилища, пищу и утварь, одежду, средства передвижения и т.п.

Ключевые слова: среда, ландшафт, древность, охота, рыбоводство, земледелие, скотоводство, оседлость, кочевники, скотоводческие культуры.

Первые люди в лесостепном Обь-Иртыше появились в конце эпохи палеолита, примерно 14 тыс. лет до н.э. Сравнительно позднее появление здесь населения объясняется тем, что его проживание в южной части Западно-Сибирской равнины было невозможно из-за сильной заболоченности и обводненности в период плейстоцена. К концу этой эпохи (что совпадает и с завершением палеолита) от воды освобождаются огромные пространства суши, которые постепенно заселяют животные (мамонты и бизоны), а за ними и человек. Для поселений палеолитические охотники выбирали высокие незатапливаемые места — гривы, которых очень много в Обь-Иртышской лесостепи. На территории Южной Сибири в эпоху палеолита были широко развиты перигляциальные ландшафты и охота на крупных стадных животных. Палеолитическую эпоху приблизительно XI тыс. лет до н.э. сменяет эпоха мезолита. В этот период коренным образом изменяются климат, растительный и животный мир, складывается экологическая ситуация, напоминающая современную. С исчезновением мамонта и бизона основными промысловыми животными становятся олень и лось. В результате изменяются способы охоты, человек изобретает лук и стрелу. Значительную роль в хозяйственной жизни приобретает рыболовство. Рыбу добывали при помощи гарпунов, сделанных из кости и рога. Было создано такое чрезвычайно важное орудие труда, как рыболовная сеть [3, с.43-47].

В мезолите и неолите начали появляться различия в темпах прогрессивного исторического развития населения различных ландшафтных зон. Выделилась зона, где зародилось производящее хозяйство, основанное на растениеводстве и разведении домашних животных. Хозяйственные занятия в эпоху неолита Сибири также претерпевают существенные изменения. Так, если обитатели таежной и лесостепной зон по-прежнему занимались охотой и рыболовством, то население более южных районов осваивало земледелие и скотоводство.

С эпохи формирования производящего хозяйства в неолите Северная Евразия, прежде всего степная зона и лесостепь, была тесно связана с основными очагами «неолитической революции»: ближневосточным и дальневосточным. В Евразийской степи занятие земледелием при недоразвитой агротехнике и примитивных орудиях труда в некоторых районах было почти невозможно, а в остальных малоэффективно. Интенсификация хозяйства в этой географической зоне могла идти только за счет увеличения роли скотоводства. Для развития скотоводства евразийская степь представляла оптимальные условия, являясь естественным пастбищем,

на большей части просторов покрытым богатейшей ковыльно-разнотравной растительностью, местами сменяющей полынно- типчаковой. В ковыльно-разнотравной степи можно получать до 15 ц сена с 1 га, в полынно-типчаковой – около 7 ц, а на полупустынных участках – 5 ц. Развитию скотоводческого направления хозяйства способствовало распространение колесного транспорта, применение которого давало возможность скотоводам перемещаться на повозке вслед за стадами. Важным фактором, способствующим развитию скотоводства в степях, было распространение коневодства.

Хозяйство древнего населения Барнаульско-Бийского и юга Новосибирского Приобья в эпоху энеолита и ранней бронзы развивалось в различных экологических условиях, которые, видимо, не оставались неизменными на протяжении этих исторических периодов, что, конечно, наложило существенный отпечаток на его становление и развитие, особенности и динамику. Различия в типах хозяйства, способах ведения и формах становятся заметными, уже начиная с эпохи энеолита, в раннем бронзовом веке они уже более значимы. В будущем это приводит к появлению новых форм ведения хозяйства или изменению значимости его составляющих, что приводит к распаду старых культурных образований и появлению новых. Энеолитическое население Барнаульско-Бийского и южной части Новосибирского Приобья занималось скотоводством, которое по своей значимости стояло на втором месте после охоты на мясных животных. Разводили лошадей, мелкий рогатый скот и, видимо, крупный рогатый скот. Занятию скотоводством способствовал влажный и теплый климат. В процессе формирования энеолитического населения лесостепного Алтая приняли участие племена афанасьевской культуры Горного Алтая [1, с. 138]. С появлением скотоводства в эпоху бронзы и освоением открытых горных склонов, а также лесостепных пространств, помимо продолжающейся охоты на горных животных, в большой степени развивается охота на кабанов. По данным М.П. Грязнова [2, с.45-84] сложение своеобразной самобытной афанасьевской культуры относится к периоду, когда в истории древних племен Южной Сибири совпадают два важнейших независимых революционных процесса: в технике – это переход от камня к металлу, в экономике – переход от хозяйства, присваивающего готовые произведения природы, к хозяйству производящему. Афанасьевская культура в Саяно-Алтае – это начало эпохи бронзы и начало скотоводства и земледелия. Интересны остатки пищи, положенной в могилу. В могилах встречены кости домашних животных (коровы, лошади, овцы), а также диких (зубр, марал, косуля, лисица и бурундук) и рыбы (щука). Очевидно, что в пищевом рационе афанасьевских племен примерно в равных количествах употребляли мясо домашних и диких животных. Отсюда следует, что в афанасьевском обществе охота, как средство добывания пищи, имела не меньшее значение, чем скотоводство. У населения эпохи энеолита Барнаульско- Бийского и южной

части Новосибирского Приобья складывается комплексное хозяйство, которое базировалось на охотничье – скотоводческом типе с преобладанием охоты, где подсобную роль играли рыболовство и собирательство. По данным Ю.Ф. Кирюшина, А.А. Тишкина [3,с.43-47] до настоящего времени на территории лесостепного Алтая четко прослеживался «кустовой» или «гнездовой» характер выявленных и исследованных поселений эпохи ранней бронзы (елунинская археологическая культура). Скопления таких памятников со слабым культурным слоем хорошо известны по берегам крупных проточных озер или озерных систем. Отдельные поселения подобного плана зафиксированы в поймах рек, на елбанах, по берегам стариц, в других местах и даже за пределами лесостепной зоны: в Горном Алтае. Данные обстоятельства объяснялись комплексным типом хозяйства у населения того времени, сочетающим зачаточное скотоводство, охоту на крупных животных и развитое рыболовство. В культурном слое памятника Березовая Лука обнаружено большое количество находок, существенная часть которых представлена костями птиц, рыб, домашних и диких животных. Среди остеологических находок представлены кости таких домашних животных, как лошадь, крупный и мелкий рогатый скот. В конце III – первой трети II тыс. до н.э. направленность хозяйства остается прежней, однако меняются составляющие его отрасли, так, в Барнаульско-Бийском Приобье возрастает роль скотоводства. Эпоха ранней бронзы отразилась существенным изменением этнокультурной ситуации в Приобье и на сопредельных территориях. Увеличение численности населения, слом традиционного присваивающего хозяйства и формирование других видов деятельности, становление новых социальных и мировоззренческих систем в различной степени фиксируется в археологических материалах рассматриваемого периода. К концу второго тысячелетия до н.э. численность животных на юге Сибири достигла уже значительных размеров; им требовался хороший уход в кормление. Все это сдерживало развитие животноводства. Нужна была новая технология ведения хозяйства. И она постепенно была разработана. Перевод скота из жилищ человека в пригоны, начавшись в XVII – XII вв. до н.э., завершился в XII – VII вв. до н.э. в так называемое Карасукское время. Одновременно был осуществлен и перевод его на кормление травой (летние выпаса), а зимой – при наличии глубокого снега – древесным кормом. При этом сохранялся пока оседлый образ жизни людей (вдоль приречных долин). Так были заложены в Карасукское время основы стадного животноводства.

Кроме скотоводства, охоты и рыболовства, древние обитатели края занимались и земледелием. На его существование указывают частые находки бронзовых серпов, изображение человека с мотыгой на одной из писаниц и находки зерен проса в могилах (около начала н.э.). И.П. Трошин считает [7,с.209], что земледелие зародилось в андроновское время (XVI-XV – XIV-XIII вв. до н.э.), как источник создания запасов продуктов питания для человека и заготовки кормов для скота. По данным Е.А. Сидорова [6,с.54-65]

на существование земледелия в этом районе в начале I тысячелетия до н.э. указывают, во – первых, наличие на поселениях орудий переработки зерна – зернотерок и, во – вторых, общий характер культуры оседлых скотоводов – земледельцев, наследников классических андроновских традиций. Для реконструкции хозяйственных занятий носителей ирменской культуры были использованы материалы поселения Милованово – 3, расположенного на правом берегу Оби на границе Алтайского края и Новосибирской области. Было отобрано 50 фрагментов керамики, имеющих на себе отпечатки растений. Ученые пришли к выводу, что ряд отпечатков на керамике принадлежит голозерной гексаплоидной пшенице (*T. antiquorum*). Находка пшеницы этого вида в материалах ирменской культуры представляет значительный интерес. Она предшествовала не только современной мягкой пшенице, но и *T. compactum* – карликовой голозерной пшенице, которая формируется на территории Средней Азии в эпоху бронзы. Встает вопрос о причинах сохранения столь архаичного вида пшеницы на краю земледельческой эйкумены в начале I тыс. до н.э. Вполне возможно, что это связано как с неприхотливостью данного сорта, так и с относительно ранним проникновением земледелия на территорию Западно-Сибирской лесостепи. Считается, что раннее земледелие в Западной Сибири базировалось в основном на возделывании пойменных участков земли, которые были более увлажненными и плодородными.

В хозяйстве корчажкинского населения Барнаульско – Бийского Приобья (поздняя бронза, XII – X вв. до н.э.) скотоводство занимало значительное место. Реконструируемое по материалам поселений Алтайского Приобья корчажкинское скотоводство представляется нам пастушеским с преобладанием в стаде лошади, значительной долей крупного рогатого скота и большим процентным содержанием овцы, однако значительно меньшим, чем в ирменских поселениях, и достаточно высоким содержанием козы. Одной из черт этой культуры является наличие двух типов поселений: временных, или сезонных и долговременных жилищ типа полуземлянок. Такое расположение было связано с хозяйственным типом, который характеризуется сочетанием скотоводства, охоты и рыболовства. Данные по костным остаткам летних поселений дают некоторое преимущество охоты над животноводством. Однако это преобладание получено за счет пушной охоты (5,3 %), тогда как охота на мясных животных дает 46,5 % остеологических остатков, а животноводства – 48,2 %. Зимние поселения дают преобладание остеологических остатков животноводства (53,3 %) над охотой (46,7 %), которая полностью является мясной (лось). Среди костей домашних животных преобладают кости лошади. На поселении Корчажка – 5 они составляли 75 %, а на Фирсово – 17 – 56,8 % от общего количества костей домашних животных. На втором месте идет крупный рогатый скот – 18,7 % и 22,6 % соответственно, и совсем небольшое количество костей овцы – 13,3 % и 2,9 % [1, с.138].

Памятники финальной бронзы Алтая, выделенные в ирменскую культуру (X – IX вв. до н.э.), также имеют следы летних и зимних поселений. Обязательным условием существования летних поселений было наличие пойменных луговых пространств, Это было связано с хозяйством ирменцев, где ведущую роль играло животноводство, подсобную – земледелие и охота. Разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот [8,с.12]. Пшеница в эпоху поздней бронзы являлась одной из распространенных сельскохозяйственных культур в Западной Сибири и Северном Казахстане. Об этом свидетельствует находка обгорелых зерен этого злака на жертвенном месте Алексеевского поселения [6,с.54-65].

Переходное время от бронзового века к железному веку совпадает с началом влажного климатического периода. В это время значительно повысился уровень воды в реках и озерах, что привело к сокращению пойменных угодий, удобных для скотоводства и земледелия. Затопление речных долин затруднило пойменное скотоводство и земледелие, но зато увлажнение степей облегчило освоение в скотоводческом отношении открытых степных пространств. В этих условиях завершился переход от скотоводческо – земледельческого хозяйства к кочевому скотоводству. Упадок земледелия и отсюда потеря оседлости были вызваны также тем, что в связи с похолоданием сократился период, необходимый для вызревания культурных злаков, и увеличилась вероятность гибели посевов от поздних весенних и ранних летних заморозков. В VII – V вв. до н.э. на юге завершается переход на кочевую и полукочевую систему ведения животноводства. Пастушеские племена выходят из прибрежных долин в сухие степи и начинают их освоение. Скотоводство становится главной отраслью производства [8,с.8-9].

Список литературы

1. Алехина Ю.П К вопросу о древнейшем скотоводстве Алтая /Ю.П. Алехин, А.В. Гальченко, И.А. Демина // Известия лаборатории археологии. - Горно-Алтайск: Изд-во Гагу. - с. 138.
2. Грязнова М.П. Афанасьевская культура на Енисее. Новосибирск: Изд-во Дмитрий Буланин, 1956. - С. 45 – 84.
3. Кирюшин Ю.Ф. Проблемы хронологии памятников энеолита и бронзы Южной Сибири. Барнаул: Изд – во АГУ, 1991. – С. 43 – 47.
4. Кирюшин Ю.Ф. Реконструкция системы жизнедеятельности населения эпохи ранней бронзы в лесостепном Алтае. / Ю.Ф. Кирюшина, А.А. Тишкина // Поселения. Среда. Культура. Социум. - Санкт-Петербург, 1998. - С. 75-80.
5. Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1992. - 189 с.
6. Сидоров Е.А. О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья)./ Е.А. Сидоров // Палеоэкономика Сибири. - М.: Наука, 1986. - С. 54 – 65.

7. Трошин И.П. История развития скотоводства Западной Сибири: Труды. Новосибирск, 1969. Т. XXXV. – С.209.

8. Трушников В.А., Лобанова Т.В., Попова И.Ю. Животноводство Алтая (становление, развитие, современное состояние): Монография /В.А. Трушников, Т.В. Лобанова, И.Ю. Попова. - Барнаул: Изд – во АГАУ, 2005. – С.8-9.

Кириченко Е. С.,

Мезенцева Е. А.,

Галуза М. Н.

Россия, Барнаул

Алтайский государственный педагогический университет

ИНТЕРНЕТ КАК ИНСТИТУТ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация

Молодежь является значимой частью общества, ведь именно от уровня духовного развития молодежи зависит последующее развитие и формирование социума. На плечах молодых людей лежит большая ответственность за будущее нашей страны, поэтому государство стремится оказать положительное влияние на формирование мировоззренческих ценностей современной молодежи.

Ключевые слова: интернет, мировоззренческие ценности, молодёжь.

В науке нет единого мнения касательно возрастных границ молодежи, как и нет общепризнанного определения молодежного возраста, поэтому мы будем основываться на данном определении: «Молодежь – социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных теми или другими социально-психологическими свойствами, которые определяются общественным строем, культурой, закономерностями социализации, воспитания данного общества, современные возрастные границы от 14-16 до 25-30 лет, доля в составе населения до 20 %» [3].

По мнению О. И. Белого необходимо «целесообразно выделять, по крайней мере, три подгруппы молодежи - от 14 до 18 лет, от 18 до 22-25 лет и от 25 до 30 лет»[1]. В данной статье мы будем рассматривать подгруппу молодежи от 18 до 22–25 лет.

Актуальность данной статьи обусловлена тем, что изучение формирования иерархии мировоззренческих ценностей молодежи способствует выявлению ценностей современного поколения. Более того, формирование

мировоззрения молодежи является на сегодняшний день одной из главных задач современного общества.

Под понятием «мировоззренческие ценности» мы понимаем ценности, которые выражают предельные основания человеческого бытия и соотносят человек и мир. Другими словами, это те жизненные ориентиры, которые формируют мировоззрение человека и его представление о картине мира.

Основные мировоззренческие ценности основываются на таких ключевых понятиях как жизнь и смерть, вечность и время. В детском и подростковом возрасте в сознание индивида начинает формироваться представление об этих ключевых понятиях. Ответственность за формирование мировоззрения человека на данном этапе взросления берут социальные институты – семья и государство, школа и церковь.

Рассмотрим теперь подгруппу молодежи от 18 до 22-25 лет, и попытаемся выяснить какие институты формирования мировоззренческих ценностей оказывают наибольшее влияние.

Прежде чем приступить к рассмотрению, нам необходимо обозначить психологическое состояние и особенности данной подгруппы. Наступление совершеннолетия соотносится с приходом кризиса юности (18–21 год). Этот кризис характеризуется переходом в самостоятельную жизнь, что несколько снижает влияние семьи как социального института. Кроме того, человек сталкивается с кризисом смысла жизни, его поиском в собственной жизни, что наталкивает молодых людей на обращение по этому вопросу к авторитетным источникам по психологии, религии и этике. О. Б. Дарвиш отмечает, что «происходит выстраивание системы личных нравственных, культурных, духовных ценностей» [2].

В связи с глобализацией общества, а в частности с появлением глобальной всемирной сети Интернет, важное влияние на формирование ценностей молодежи оказывают социальные сети – Facebook, Instagram, Twitter, Youtube, а также Вконтакте (актуально для представителей молодежи России и стран СНГ). С появлением социальных сетей формируются новые взгляды на старые и привычные нам ценности – индивидуальность, творчество, свободу.

Особенность социальной сети как института формирования мировоззренческих ценностей заключается в выделенных нами следующих особенностях:

1. Мировоззренческие ценности молодежи могут формироваться представителями различных культур.

Мир социальных сетей диктует свои правила, но основной смысл этих правил может быть выражен в следующей формуле «уровень влияния прямо пропорционален уровню популярности». Чем выше уровень популярности того или иного пользователя социальной сети, тем большее влияние он оказывает на формирование мировоззренческих ценностей молодежи. Как уже было отмечено ранее, ценности обычного пользователя социальной сети могут быть

сформированы различными представителями национальностей и культур, что в свою очередь приводит к формированию глобального сознания.

2. Мировоззренческие ценности молодежи основываются на мировых тенденциях.

Социальные сети представляют возможность молодежи следить и выражать свое отношение с помощью комментариев и оценок (лайков и дизлайков) по поводу мировых тенденций во всех социальных сферах – в политике, религии и культуры, находясь в любой точке мира. Однако, некоторая часть тенденций направлена на разрушение традиционных мировоззренческих ценностей и несет в себе деструктивный характер.

Например, одной из таких опасных тенденций является пропаганда в социальных сетях отказа от рождения детей – «чайлдфри» (от английского *childfree* – свободный от детей, а также *childless by choice, voluntary childless* — добровольно бездетный). Кроме того, мы можем наблюдать повсеместное распространение людей, которые стремятся освободиться от гендерных стереотипов посредством пропаганды гомосексуализма или отказа от пола вообще (агендеры).

По нашему мнению, такой пример как добровольный отказ от рождения детей или пола является следствием изменения представления о свободе как одной из ключевой ценности. В современном понимании, под свободой подразумевается освобождение от социальных обязательств, финансовая и духовная независимость, что активно пропагандируется под названием *lifestyle* (стиль жизни).

3. Мировоззренческие ценности не несут системный характер.

Ввиду того, что мировоззренческие ценности в социальных сетях быстро сменяются и зачастую не имеют конкретных формулировок, то сознание молодого человека не может систематизировать и конкретизировать мировоззренческие ценности.

Причиной также может служить неустойчивость или несформированность системности мировоззрения личности, на которую ориентируется молодежь, ведь как правило, это медийная личность, которая относится к той же возрастной группе, что и её последователи (подписчики).

4. Мировоззренческие ценности могут быть созданы искусственно.

В силу того, что Интернет позволяет показывать лишь то, что хочет выставить пользователь, у молодежи снижается уровень ответственности за создаваемый контент. Кроме того, многие социальные сети косвенно предоставляют своим пользователям возможность обманывать других пользователей с помощью создания ложного образа, который не соотносится с реальной жизнью.

Наибольшую возможность для этого представляет такая социальная сеть как Instagram, пользователи которой показывают свою жизнь с помощью фотографий. В современном мире социальные сети становятся новой эффективной платформой для рекламы и пропаганды, чем активно пользуются продавцы, звезды, политики, религиозные деятели и многие другие.

На формирование мировоззрения молодежи влияют и СМИ, что не раз описывалось в научных трудах социологов и психологов. Однако, большинство информационных каналов и газет предпочитают вести собственные сайты, интернет-сообщества или аккаунты, чтобы увеличить охват аудитории. Таким образом, СМИ интегрируются в Интернет для того, чтобы удовлетворять потребности молодого поколения в новой информации.

Представители различных религиозных конфессий как мировых, так и локальных религий, также осознают необходимость осуществлять свою деятельность посредством всемирной сети. Кроме того, что современные пользователи могут ознакомиться с деятельностью различных религиозных организаций, создается целая пропаганда религиозного образа жизни, которая включает в себя распространение информации о святых, инструкции по проведению обрядов и ритуалов, советы по формированию семьи и семейного уклада, цитаты из священных книг и многое другое. В зависимости от социальной сети, данный контент может быть предоставлен как в виде статей (постов), так и в виде фото- и видеоматериалов.

Однако, в таком распространении религии через социальную сеть можно усмотреть и негативную сторону, а именно то, что социальные сети становятся платформой для вербовки в секты и экстремистские организации.

Представители террористических организаций активно используют Интернет-пространство для распространения своей идеологии и вербовки молодых людей по всему миру. Один из самых опасных методов на сегодня является вирусный маркетинг – продвижение вирусного контента (видео, статей, аудиозаписей) на основе популяризации экстремистских идей в социальных сетях.

В России этот метод обрел популярность в 2010-ых, но российская общественность обратилась к этой проблеме лишь в 2015 году, когда молодая студентка философского факультета МГУ, Варвара Караулова, совершила попытку побега в Сирию, с целью присоединения к ИГИЛ (запрещенной в России организацией).

Безусловно, что на сегодняшний день социальные сети оказывают огромное влияние на формирование мировоззрения человека, однако в этом есть и положительные стороны. Интернет становится новым социальным институтом, в котором люди всех возрастов, наций и культур могут взаимодействовать между собой.

Посещение социальной сети сопряжено с правом выбора, а это значит, что молодёжь может сама выбирать информацию и людей, которые оказывают прямое или косвенное влияние на формирование личности и мировоззрения. Однако, наша задача как представителей других социальных институтов – семьи, школы, религии, государства, заключается в том, чтобы научить молодёжь осуществлять отбор информации и делать правильный выбор. В конечном счете, мы все несем ответственность за формирование мировоззренческих ценностей современной молодежи.

Список литературы

1. Белый, О. И. Определение понятия молодежь [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://m.cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-ponyatiya-molodezh>
2. Дарвиш, О. Б. Возрастная психология: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / под ред. В. Е. Ключко. – Москва: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003.
3. Прекуделы роста: доклад Римского клуба [Текст] / Д.Л. Медоуз, Дж. Рэндерс и др. – М., 1991.

Т.В. Лобанова
Россия, г. Барнаул
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель к.с.-х.н., доцент Афонина Р.Н.

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЙ ТИП СКОТОВОДОВ-КОЧЕВНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ (VI-II вв. до н.э.)

Аннотация

Исследованные памятники Горного Алтая VI – II вв до н.э. объединены в рамках пазырыкской культуры, названной по раскопкам больших каменных курганов урочища Пазырык Улаганского района. Расселялись пазырыкцы по всей территории Горного Алтая. Занимались горно-алтайские племена преимущественно скотоводством. Подсобную роль играло земледелие, большой удельный вес в хозяйстве занимала охота. Пазырыкцев обычно называют подвижными скотоводами, о чем свидетельствуют многочисленные сопроводительные захоронения лошадей, большое количество находимых в древних памятниках изделий из овечьей шерсти, широкое использование шкур и кож домашних животных для шитья одежды и всякого рода бытовых поделок [1,с.413].

Ключевые слова: древность, скотоводство, культура, Горный Алтай, Пазырык, хозяйственный тип, подвижные скотоводы, перекочевки, стадо, ремесло, оседлость, земледелие, собственность, обмен.

Развитию скотоводческой отрасли хозяйства способствовала среда обитания. Смена различных растительных формаций на сравнительно небольших участках открывала возможности для содержания одновременно различных видов домашних животных. В хозяйстве горно-алтайского

населения этого времени имелись лошади, крупный рогатый скот, включая яков, козы, овцы, в Чуйской степи и других местах разводили верблюдов. Большой удельный вес в хозяйской системе занимало коневодство. Разводили как малорослых, табунных, так и крупных, высокопородных, типично верховых коней ростом 150 см и более, которые не уступали по своим качествам лучшим легко-аллюрным лошадям Древнего мира. Значительное количество особей, обнаруженных в больших курганах Горного Алтая, дает основание рассматривать этот регион не только, как место использования, но и разведения лошадей этого типа. Коневодством занимались не только для получения продуктов питания – мяса и молока, шкуры шли на шитье одежды, из конских кож выделывали сосуды, ремни и т.д. Особое значение лошади имели как средство передвижения. Использовали их как в упряжке, так и под верховую езду. Последнее нашло в погребальном обряде, когда по устоявшейся традиции в потусторонний мир верховой конь должен был сопровождать своего хозяина [1,с.414]. Наличие в большинстве курганов крестцовых позвонков овец, а в оледеневших гробницах вождей племен и их шкур, указывают на то, что не менее важную роль в хозяйственной системе населения того времени, играло овцеводство. Эти животные давали мясо, шкуры, шерсть, возможно, молоко. Изучение остеологических материалов показало, что овцы пазырыкцев принадлежали к типу слабожирнохвостых, приспособленных к длительным передвижениям. Наряду с тонкорунными разводились грубошерстные овцы, из шерсти которых катали войлок. Значительно меньше разводили в хозяйстве коз. Имелся крупный рогатый скот, в том числе яки. Судя по наскальным рисункам, а также изображениям на бытовых предметах, в Чуйской степи разводили двугорбых верблюдов. В соответствии с основными направлениями хозяйства из домашних производств были развиты выделка кож и шкур животных, ткачество. Помимо механической обработки кож, применялись и химические способы их переработки, в частности, молочными продуктами. Кожа шла на изготовление одежды, конской сбруи, сосудов и других, необходимых в быту предметов. Меха выделывались из шкур почти всех домашних животных, т.е. овцы, козы и лошади [1,с.415]. Обнаруженные в курганах, шерстяные ткани позволяют судить о довольно высоком уровне развития ткачества того периода. Технологический анализ шерсти показал, что она происходит от культурных пород овец. Выделывались ткани в основном двухстороннего саржевого и простого полотняного переплетения. Из шерсти также валяли войлок. Изготавливался он различных сортов: от грубого и толстого до тонкого, мало уступающего по качеству современному фетру. Одежду шили из войлока, меха, шерстяных и полотняных тканей. Причем мех для прочности прошивали сухожильными нитями, а саму одежду украшали аппликациями. Питались пазырыкцы мясом домашних и диких животных, употребляли в пищу молочные продукты. О заготовке в прок молочных продуктов свидетельствует наличие остатков сыра в ряде обледеневших

усыпальниц больших курганов. В образе жизни пазырыкцев можно выделить, как оседлые, так и подвижные элементы быта. Об оседлости горно-алтайского населения рассматриваемого времени можно судить по наличию у них рубленых жилищ, возведенных с прекрасным знанием плотничьего дела. Об этом же говорят данные о подсобном занятии их земледелием, а также содержании крупного рогатого скота, не приспособленного сколько-нибудь к дальним перекочевкам [1,с.416]. О подвижности племен пазырыкского времени говорит основное занятие – скотоводство. Скот находился у пазырыкцев в частно-семейной собственности. Об этом свидетельствуют довольно развитые отношения обмена, а также заметная имущественная дифференциация населения. Необходимость в перекочевках зависела от количества животных, которыми обладали конкретные семейно-родственные группы. Судя по немногочисленным по своему составу цепочкам курганов рядовые скотоводы жили небольшими общинами, т.е. у них не было крупной концентрации стад в одном месте. Они могли использовать в своем хозяйственном обороте ближайшую систему пастбищ [1,с.417]. Другое дело – родоплеменная знать. В усыпальницах вождей племен находят большое количество лошадей. Здесь же обнаруживаются крупные войлочные изделия, для изготовления которых требовалось значительное количество шерсти, а также дорогостоящий импорт, на приобретение которого шло большое количество скота. В общем, стада у зажиточных семей имелись немалые, пасты их приходилось с использованием сезонных пастбищ. У пазырыкских племен был развит обмен. Основной статьей импорта были изделия ремесленного производства, поступающие сюда из более развитых в экономическом отношении южных областей. Горно-алтайские племена, в свою очередь, поставляли соседям, очевидно, золото, скот и продукты скотоводческого хозяйства. Оценивая хозяйственный тип пазырыкцев в целом, можно использовать емкий термин – подвижные скотоводы, однако нельзя игнорировать прослеживаемые в их хозяйстве черты оседлости [1, с.418].

Список литературы

1.Трушников В.А. Животноводство Алтая (становление, развитие, современное состояние): монография /В.А. Трушников, Т.В. Лобанова, И.Ю. Попова. – Барнаул: Изд-во АГАУ, 2005. – с.413-418.

Мезенцева Е. А.,
Киритенко Е. С.,
Галуза М. Н.
Россия, Барнаул

Алтайский государственный педагогический университет

ПРОТЕСТНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Аннотация

Протестные движения различного характера существовали на всей протяженности человеческой истории как форма социального движения. Под протестными движениями понимаются "массовые выступления населения против чего-либо или в защиту чего-либо, имеющих важное общественное значение" [1] в разнообразных формах проявлений. Но современный мир характеризуется распространением этого явления до столь больших масштабов, что начинают возникать такие определения как «эра социальных движений» или «общества социальных движений». Кроме роста количественного показателя происходят и качественные изменения. Возникают новые формы протестной культуры, опирающиеся на принципиально новые средства воздействия на поведение гражданского населения и технологии манипулятивного управления массовым сознанием, возникновение и развитие которых становится возможным благодаря информационным технологиям XX-XXI вв. К ним можно отнести флэшмобы, twitter-революции, перфомансы, цветные революции и многообразие других концептуально оформленных и получающих реализацию через информационно-технологическое поле современного мира протестов.

Ключевые слова: пространственные социальные движения, современные информационные технологии.

Специфичную природу современных протестных движений как социокультурного феномена определяют фундаментальные признаки современного общества. Индустриальное развитие, нарастание процесса урбанизации выступили новым полем для коллективного поведения и фактором усиления идеологической консолидации городского населения посредством новых форм профессионального взаимодействия. Массовый характер образования и его доступность для широких слоёв стали фактором объединения студенческого сообщества – наиболее активной, мобильной, ориентированной на вопросы социальной справедливости, политической ситуации в мире, поиску общественно-значимых решений, части общества. Той части, что способна и готова к коллективным формам активности по значимым для них вопросам с использованием самых современных технологических средств, с выходом в

новые плоскости реализации. Современность не только создаёт благоприятные условия и новые средства для реализации протестных форм социальных движений, но и обуславливает факторы, усиливающие мотивацию их потенциальных участников. Это происходит за счёт роста количества недовольных. Участники протестных движений естественным путем всегда возникали из самого общества. Но именно в наше время факт социальной атомизации, ощущение утраты своих корней, одиночества в толпе, о котором писал Д. Рисмен [2], отчуждения и социального сиротства среди молодёжи, обостряют стремление людей к формам социального взаимодействия, которые могли бы компенсировать эти нарастающие настроения потерянности. Утрата традиционными ценностями своих культурных позиций способствует усилению этих процессов. Активистская идеология, прогрессивистские идеи нашего времени продвигают и актуализируют ценность и необходимость перемен. Постулируются их позитивный характер, а благополучие, порою и выживание, общества связываются с неизбежностью таких изменений, формируется убежденность в обусловленности этих изменений субъективной активностью каждого отдельного индивида. Такая убежденность служит дополнительным фактором мотивации для участия в коллективных формах социальных движений. А принципы демократии, заложенные в политическом строе и законодательстве большинства современных стран, создают для них благоприятные условия реализации.

Но наиболее специфичным по своей форме и способу воздействия на людей является фактор технического прогресса современного общества. Отчасти современные технологии усиливают уже существующие факторы, например, обеспечивают активность социальных движений и их пополнение участниками. Так, средства массовой информации способствуют кристаллизации мнения различных групп населения, укреплению чувства общности, выходящей за локальные границы, установлению между людьми нужных контактов и связи. Но наибольшую уникальность представляет аспект пропаганды в своих новых формах реализации, которые возникают и получают последующее развитие благодаря исключительно современным технологиям в целом и социальным сетям в частности. Телевидение, радиовещание, тематические интернет-площадки предоставляют невероятные для более ранних форм протестных движений возможности единовременного воздействия на большие массы людей. Формы, средства и методы борьбы изменяются настолько, что возникает концепция, понятие и термин, «кибервойны». На социальных полях которой видами массового оружия идеологического поражения служат средства современных коммуникаций – Интернет и мобильная связь в целом, и в частном их проявлении – различные мессенджеры, форумы, он-лайн-площадки гражданских инициатив, социальные сети во всех их формах. Из-за значительности их роли в современных социальных движениях появляются мнения о возможной каузальной природе

информационных технологий относительно отдельных видов протестных движений [3].

В существующих современных классификациях можно выделить следующие специфические моменты для современных технологий как фактора социального движения:

1. Фактор обратной связи. При уровне развития современных средств коммуникации интерес представляет не только скорость передачи информации, но и возможность отслеживания информации. Это является особенно важным именно в аспекте протестных движений. Если ранее это было осуществимо лишь в приблизительных значениях, то сейчас становится возможным моментальный сбор информации. Например, теперь технически реализуемы сбор и анализ данных о запросах любого конкретного пользователя сети Интернет. Даже без активного и осознанного участия людей в опросах каких-либо форм становится возможным выявлять их мнение при анализе их он-лайн активности и формировать определенные «информационные маркеры» [4].

2. Появляются новые стратегии ведения военных действий. Переосмысливается концепция и средства войны. Так, возникает доктрина Сетцентрической войны, или Сетцентрических боевых действий, Сетцентрических операций. Эта военная концепция делает возможным увеличение эффективности ведения современных войн за счёт достижения превосходства в сфере информационных коммуникаций и объединения участников военных операций в единую сеть. Существование данной концепции стало возможным благодаря созданию глобального инфокоммуникационного окружения и современным технологиям. Эти же идеи осуществимы и в организации и проведении протестных движений. Так, например, их вариацией можно представить явление Twitter Revolution.

3. Появляются специфические формы манипуляции сознанием масс. Через намеренное воздействие на базисные психологические процессы личности посредством социальных сетей. Например, через усиление невротической синтонии возможно сформировать или усилить ощущение ущербности истории своей страны и истории и опыта нации.

Программы быстрого общения увеличивают внушаемость людей. Это происходит, в частности, за счёт трансформации эффекта автосинхронизации, эффекту 5 процентов, в поле современных технологий. Социальные сети и программы быстрого массового общения позволяют формировать впечатление о общезначимости тех или иных идей вне зависимости от реального характера ситуации. В мире виртуальных людей реальные 5 процентов могут сводиться к гораздо меньшим величинам. Так, М. Джойс, издатель сайта «Meta-Activism», указывал на значение факта массовой осведомленности в инициации и развитии протестных движений: «Благодаря цифровым средствам огромное количество людей соприкоснулось с этими историями. Даже десять лет назад эти истории тронули бы только небольшое число людей – знакомых или соседей, но не мобилизовали бы целые общества. Сегодня это возможно.

Секрет прост: образ говорит сам за себя, и в мире, где кусочек контента является заразительным, это все, что требуется. В этом состоит ключевой переход от аполитичного мировосприятия к политическому: статус-кво становится более нетерпимым, чем риск его изменения». [5]

Происходит трансформация культуры в целом, которая получает специфичное выражение в сфере протестных движений как её части. Характер современных технологий меняет не просто формы социальных движений, но преобразует их природу, открывая новые горизонты социального взаимодействия.

Необходимо прийти к осмыслению таких явлений как глобальная сеть и социальные сети через призму этики и культуры, не сводимости представления о современных технологиях только к образу более совершенного инструментария, но пониманию их как факторов формирования новой социокультурной сферы деятельности.

Список литературы

1. Социология: в 3-ех томах: словарь по книге. — М.: Социологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. В. И. Добреньков, А. И. Кравченко. 2003-2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sociologiya.academic.ru/368/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D0%B4%D0%B2%D0%B8%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5. – Дата обращения: [31.03.2017].
2. Рисмен, Д. Одинокая толпа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://is.muni.cz/el/1423/jaro2016/SOC757/um/61816962/Riesman_Lonely-Crowd.pdf. – Дата обращения: [31.03.2017].
3. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель - М.: Новое издательство, 2014. - С.288-293.
4. Аксёнова, Е. Почему твиттер-революций не существует. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://goslyudi.ru/blog/eaksenova/85503>. – Дата обращения: [12.03.2017].
5. Цитировано по: Пономарева, Е. Секреты «цветных революций» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://svom.info/entry/208-sekrety-cvetnyh-revolucij-sovremennye-tehnologii-/>. – Дата обращения: [31.03.2017].

Л.В. Никонов
Россия, г. Барнаул
Алтайский государственный университет
Научный руководитель д.филос.н., проф. В.П. Федюкин

КОНТРАКТУАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ЭТИКЕ КАК РЕЦЕПЦИЯ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА

Аннотация

Теория общественного договора оказала сильное влияние не только на формирование институтов современного демократического общества, но и на многие науки. Во второй половине XX в. возрождение интереса к теории общественного договора в философии привело к формированию контрактualизма как направления этической мысли, выводящего моральные правила и ценности из гипотетического соглашения между людьми. Как показывается в настоящей статье, преемственность между этими концепциями не является прямой, и они демонстрируют ряд отличий.

Ключевые слова: контрактualизм, общественный договор, метаэтика, Гоббс, Локк, Юм, Скэнлон, Готье, Ролз.

Фундаментальные политические и экономические институты, на которых построено современное демократическое общество, концептуально основаны на теории общественного договора. Разделение властей, конституционализм и верховенство закона — это сравнительно новые политические идеи, получившие распространение лишь с XVII века. Историки, социологи и философы много спорят по поводу того, какие факторы оказали решающее влияние на длительный процесс развития политической демократии, однако, бесспорно то, что контуры современных политических институтов были обрисованы в рамках общих представлений об общественном договоре.

Сегодня считается само собой разумеющимся, что источником политической власти является воля народа, однако, это не было очевидным еще для современников Т. Гоббса, которому пришлось посвятить целый трактат тому, откуда берется власть государя и на что она распространяется. Т. Гоббс предположил, что авторитет правителя зависит от признания подданных, а его истоки лежат в добровольном договоре между ними и правителем. Из этой исходной точки далее легко выводятся представления об отчуждаемых и неотчуждаемых правах человека и гражданина, о конституции как инструменте ограничения полномочий государства, о выборности и разделении властей, о подотчетности органов государственной власти парламенту, о независимости судей, верховенстве закона и т. д.

Не менее значимым следствием распространения теории общественного договора стало укрепление системы защиты прав собственности и свободного

рынка. Экспоненциальный экономический рост, постепенное повышение благосостояния, преодоление проблем голода и общее повышение качества жизни в современном мире (победа над эпидемическими заболеваниями, увеличение продолжительности жизни) были бы невозможны, если бы в общественном сознании до сих пор доминировали средневековые представления о неравенстве людей от природы, об отсутствии у них базовых прав и о том, что конфликты в обществе должны разрешаться путем кровопролития, а не договора и компромисса. Рыночные отношения основаны на договорных отношениях, которые в полной мере уважаются в обществе, понимаемом как результат всеобщего согласия (договора).

Теория общественного договора развивалась в работах философов, историков и правоведов XVII-XVIII веков: Г. Гроция, С. фон Пуффендорфа, Т. Гоббса, Д. Локка, Д. Юма, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта. Её эволюция шла от теоретического обоснования абсолютной монархии к построению стройной политической концепции республиканского правления. Идеи Д. Локка о разделении властей и ограничении полномочий государства оказали решающее влияние на отцов-основателей США.

Однако, к XIX веку интерес к теории общественного договора угас, и распространилось позитивистское убеждение, что она является выдумкой философов эпохи Просвещения. В целом, такое предубеждение среди интеллектуалов сохраняется до сих пор. Несомненно, теория общественного договора образца трехсотлетней давности устарела, и поэтому может вызывать снисходительную улыбку, но вряд ли возможно низводить ее в разряд сказок, ведь даже ее основатели видели в ней скорее объяснительную конструкцию, указывающую на взаимосвязи между институтами нашего общества, а не буквально историю происхождения государства из договора между людьми. Еще Д. Юм прямо называл общественный договор «философской фикцией», и признавал, что никакого «естественного состояния», предшествующего общественному состоянию человечества, никогда не было, однако, от этого сама договорная теория не теряет значимости [11, с. 534].

Концептуальное влияние теории общественного договора на современные социальные и гуманитарные науки сложно переоценить. Особенно это заметно в экономике, политической науке и в ряде междисциплинарных областей (математической теории игр, теории общественного выбора).

Например, нобелевский лауреат по экономике Д. Бьюкенен и ряд его учеников и коллег (Г. Таллок, Д. Бреннан и др.) предлагает рассмотреть выбор, который мы делаем при принятии политических решений, с точки зрения экономического расчета и обозначает свою теорию как «конституционную экономику» [1]. Д. Бьюкенен исходит из того, что наш рациональный выбор на рынке товаров и услуг и на рынке политических институтов является рациональным в одном и том же смысле: мы максимизируем функцию полезности и минимизируем издержки. Поэтому, основной вопрос для

конституционной экономики — какие политические и правовые институты рациональны в экономическом смысле, то есть могли бы быть выбраны рациональными экономическими агентами в исходной ситуации, когда еще никаких правил нет. Люди со множеством различных целей пожелают, думает Д. Бьюкенен, минимизировать издержки принятия решений и издержки столкновения интересов. Все сочтут нужным выбрать коллективный орган, который будет обеспечивать каждого теми благами, для получения которых надо было бы договариваться со множеством людей (напр., строительство маяка), а также будет сдерживать конфликтные устремления [1, с. 77]. Тем самым, люди согласятся ограничить себя с помощью государства, которому передадут четко определенные полномочия. Оно занимается тем, что нельзя сделать в одиночку (напр., вершить суд) и что требует значительных организационных затрат (напр., формирование армии и полиции). Общественный договор — это конституция государства, где прописана сфера его деятельности. Таким образом, современная конституционная экономика пришла к идеям, в точности повторяющим классиков теории общественного договора, однако выражает их на формализованном языке эконометрики.

Во второй половине XX века философы также возвращаются к переосмыслению наследия договорной концепции. Важной вехой на этом пути является эпохальная работа Д. Ролза «Теория справедливости», без которой уже немыслима современная этика и социальная философия [3]. Ролзианство вызвало волну критики и комментариев, в потоке которых оформилась философско-этическая школа, получившая название контрактualизма. Контрактualизм обращается к основным понятиям теории общественного договора для обоснования возможности моральных ценностей и нормативной этики. Ведущими теоретиками контрактualизма считаются Д. Готье и Т. Скэнлон, подходы которых ассоциируются соответственно с гоббсианской и кантианской традициями.

Как ранее уже отмечалось, контрактualизм является хорошо разработанной теорией, которая, однако, остается мало известной в нашей стране [3, с. 9]. На текущем, ознакомительном, этапе актуальными для российских философов являются проблемы статуса этой философско-этической школы и ее связи с другими течениями. Поэтому, очень важно в первую очередь прояснить, как она связана с теорией общественного договора, которая имеет много общего с контрактualизмом и отлично изучена в литературе.

На первый взгляд, контрактualизм как учение о договорных началах морали является приложением более общей теории общественного договора к предмету этики. Однако, контрактualизм в версиях Д. Готье и Т. Скэнлона формулируется в совершенно иной терминологии (не используется понятие права, не идет речи о конституции и государстве), и содержательно далек от повестки договорных теорий эпохи Просвещения. В этом ключе возникает несколько вопросов: 1) возможно ли говорить о линии преемственности между

теорией общественного договора и контрактualизмом; 2) в чем состоят общие и отличительные черты обоих течений?

Современный контрактualизм формировался в идейно-теоретическом контексте, который не имел ничего общего с классическими договорными теориями. К середине XX века идеи Т. Гоббса, Д. Локка и И. Канта выглядели уже чрезвычайно архаично и не отвечали на те вопросы, которыми задавались философы, экономисты и политологи того времени. Проблемы источника политической власти, происхождения государства, обоснования разделения властей и индивидуальных прав к этому времени уже не находились на переднем крае науки, представлялись чересчур общими, неконкретными, а то и вовсе решенными. В социальных науках доминировал позитивистский подход, полагавшийся на эмпирические способы познания, а в англо-американской академической философии лидирующие позиции занимала аналитическая традиция, которая не менее критично относилась к спекулятивным построениям. Однако, именно в этой обстановке Д. Ролз, Д. Готье и Т. Скэнлон обращаются к идее общественного договора, которая, безусловно, является не эмпирическим обобщением, а чистой рациональной абстракцией.

Поэтому, возрождение этой идеи в современной философии было связано с решением специфических теоретических проблем нашего времени:

- 1) В моральной философии второй половины XX века преобладали релятивистские течения (эмотивизм, прескриптивизм), ставящие под сомнение возможность универсальных моральных правил и отрицающие рациональность морали. Знаковой работой для этой тенденции является книга А. Макинтайра «После добродетели», обосновывающая несопоставимость гетерогенных нормативных этик добродетели [2]. Соответственно, сторонники рационального подхода в моральной философии искали новые аргументы для защиты своих позиций.
- 2) В гуманитарных науках набирала силу и авторитет теория коммуникации. Ключевой идеей для нее выступает идея intersubjectивности знания, институтов и деятельности в обществе. Под эту общую рубрику можно подвести философию диалога М. Бахтина, М. Бубера, К. Ясперса, а также теорию коммуникативного действия К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса. Актуализация данной тематики ставила перед этикой задачи осмысления морального выбора и нравственных поступков в терминах межличностного диалога и договора.
- 3) Экономика и социология к середине XX века также достигли концептуальных пределов методологии «экономикс» (сочетающей элементы маржинализма и кейнсианства) и структурно-функционалистской теории. К примеру, макроэкономика вплотную подошла к решению проблем «экстерналий» (издержек для третьих лиц) и «безбилетника» при потреблении общего блага, а также

проблем эволюции экономических институтов. Все эти проблемы упирались в необходимость осмысления исходных договоренностей о правилах, которые стихийно возникают между людьми в рыночном обществе. На решение этой задачи направили свои усилия М. Олсон, Д. Норт, Д. Бьюкенен, Ф. Хайек и др., однако, работа в этом направлении ставила множество вопросов этического характера. В обсуждении того, как возникают наиболее общие нормативные правила, сложно отличить специфически экономические регулятивы от политических, нравственных или любых других. Поэтому, контрактализм во многих аспектах ведет дискуссию с современными разработками и концептами в области экономики, социологии и политической теории, которые касаются источника возникновения правил в обществе.

- 4) Глобальные гуманитарные проблемы (неравенство, гибридные войны, беженцы и миграция) в свою очередь ставили перед философией задачи выработки адекватного этического ответа. Контрактуализм, претендующий на статус универсальной и рациональной теории, вполне подходит на роль этической доктрины, которая может служить методологией решения множества частных проблем, являющихся болезненными для человечества в глобальном масштабе. В частности, Д. Ролз при помощи идеи договора пытается выработать решение проблемы социального неравенства, а Т. Скэнлон – создает контракталистское обоснование безусловной ценности человеческой личности.

Контрактуализм формировался в рамках концептуальной повестки дня, которая не была задана теорией общественного договора. Между временем, когда иссякла популярность классической теории общественного договора, и временем формирования современного контрактализма прошло, по меньшей мере, полтора века. То есть нельзя говорить о преемственности по линии «учитель-ученики» или «основоположник-последователи». Контрактуализм не является прямым наследником теории общественного договора. Однако, он возвращается к тем же идеям на новом историческом этапе, и, не являясь эпигоном, все же конструирует похожую теорию, словно изобретая заново старинные аргументы и ходы мысли.

Несмотря на содержательное сходство между современным контрактализмом в этике и теорией общественного договора, можно выделить ряд значительных отличий между ними:

- 1) Предметом контрактализма является мораль, а не политика (на которую было направлено внимание классических договорных теорий). Вопросы о происхождении государства и о том, как оно должно быть устроено, отходят на второй план. Даже Д. Ролз говорит скорее о всеобщих правилах жизни в обществе, а не о конкретных политических институтах, а Д. Готье и Т. Скэнлон и вовсе сосредоточивают свое внимание на проблеме оснований морали.

2) Контрактуализм избегает юридической терминологии и самого понятия права. Если в век Просвещения модно было говорить о правах, их передаче или защите, то в наше время дискурс права стал общепринятым и, в этом отношении, не требующим дополнительного обоснования. Никому не нужно доказывать, что представительная демократия лучше диктатуры, а правопорядок лучше вседозволенности. Однако, для философии остаются открытыми более глубокие вопросы: почему следует уважать права, в чем причина долженствования (в морали, в праве, в ведении хозяйства), является ли эта причина общей и обязательной для всех? Ответить на подобные вопросы, относящиеся к ведению этики, необходимо, если мы считаем, что у нас на самом деле есть определенные права и они должны быть защищены. И именно поиском ответов на них занимается контрактуализм.

3) На уровне дискурса контрактуализм стремится к стандартам ясности, смысловой однозначности, логической корректности, которые являются общепринятыми в аналитической философии. Этим же обусловлено использование буквенных условных обозначений, кейсов-гипотетических ситуаций, работа с проблемами, представляющими интерес скорее для формальной логики, чем для этики. Теория общественного договора в этом смысле была более живой, приближенной к решению задач, с которыми сталкивается реальный человек в обществе. Современный контрактуализм – очень абстрактное учение, и маловероятно, чтобы он в обозримой перспективе обрел широкую известность у неспециалистов и, тем более, послужил катализатором социальных изменений.

Таким образом, контрактуализм представляется рецепцией теории общественного договора в условиях современного мира, что предполагает не прямое заимствование или наследование, а переработку, идей – с учетом вызовов и проблем, стоящих перед обществом, и уровня знаний накопленных в социальных и гуманитарных науках. Контрактуалистская философия морали может быть выражена и объяснена независимо от положений и принципов теории общественного договора, она обладает собственной предметной областью и терминологией. Аргументация контрактуализма не потеряла бы эвристической ценности, если бы даже (гипотетически рассуждая) в истории мысли не существовало более ранних договорных теорий. Однако, безусловно, историко-философское сравнение контрактуализма и классических теорий общественного договора позволяет составить более рельефное и яркое представление о нем, понять его сильные и слабые стороны.

Список литературы

1. Бьюкенен Д., Таллок Г. Расчёт согласия. Логические основания конституционной демократии // Бьюкенен Д. Сочинения. М.: Таурус Альфа, 1997. С. 33-206.
2. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.

3. Никонов Л.В., Федюкин В.П. Что такое контрактualизм // Философские дескрипты. – №16. – 2016. С. 9.
4. Ролз Д. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995.
5. Соколов Б.О. Индивидуальная рациональность и коллективные нормы // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – № 3 (74). – 2014. С. 30-44.
6. Усов Д.В. Этика ответственности К.-О. Апеля в ландшафтах контрактualизма // Антропологические измерения философских исследований. – №7. – 2015. С. 140-150.
7. Хабермас Ю. Этика дискурса: замечания к программе обоснования // Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2001. С. 67-172
8. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. – М.: ИРИСЭН, 2006.
9. Чалый В.А. Значение теорий общественного договора для развития политической философии в России // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – № 12. – 2011. С. 130-142.
10. Эпикур. Главные мысли // Тит Лукреций Кар. О природе вещей. – М.: Художественная литература, 1983. С. 319-324.
11. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Минск: Попурри, 1998. С. 518-610.

О. В. Екшибарова
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный университет
Научный руководитель к.фил.н., доцент А. В. Метелев

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЕ МОРАЛИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И ИХ ОСНОВАНИЯ

Аннотация

В статье рассматриваются основные подходы к проблеме морали и их основания. На примерах различных культур и религиозно-философских учений делается анализ подходов.

Ключевые слова: Мораль, этика, нравственность, духовная сущность человека, конфуцианство, буддизм, христианство.

На протяжении истории человечества вопрос духовной человеческой сущности был одним из главных вопросов философии в разных культурах и народах. В рамках развития общества и государства современные ученые, обобщая, выделяют три подхода к формированию морали: религиозный,

натуралистический и социально-исторический. На сколько обоснованно такое деление подходов, какие могут быть альтернативы в формировании подходов – ответ на эти вопросы является целью данной работы. Для достижения поставленной цели проанализируем и рассмотрим вышеприведенные подходы подробнее.

Начнём с натуралистического подхода. В работе Широковой М. А. «Генезис морали в истории этики: основные подходы» [6] мораль античности названа натуралистической, основанной на природе и разуме человека, как части природы. По мнению автора статьи, такой подход уступает место религиозному подходу, где за основу морали берётся воля Бога. Однако понятие религиозного подхода сводится М. А. Широковой ко взгляду, объёмлющему все религии, но почему тогда мораль античности названа натуралистической? С подобными обобщениями трудно согласиться, ведь, если говорить о нравственном аспекте в античной философии, то и там язычники в большинстве своём не были атеистами, а рамки нравственного закона в немалой степени были связаны с угодой богам. Только вот проблема нравственности самих мифических богов Эллады вызывала ряд вопросов. Возможно, что эта порой откровенная «безнравственность» богов и подтолкнула античную философию к опоре на разумность, следуя которой, она и пыталась разобраться, что есть зло, вред, а что добро, польза. И таким образом пришла к выводу о руководстве разумом, так как совесть и воспитание одного индивида позволяют делать то, что для другого будет постыдно и низко. То есть, греки преимущественно избрали разумность высшим мерилom морали, а мудреца – образцом человека, способного жить в согласии с законами природы и разумом.

В Древневосточной философии большое влияние на формирование моральных взглядов оказало конфуцианство. Конфуций, как представитель китайской философии, проповедовал образ благородного мужа, идущего путём работы над собой, который предъявляет требования к себе. Путь сей нелегок, как восход на высокую гору. Благородному мужу он противопоставлял низкого человека, предъявляющего требования к другим людям. В конфуцианстве встречаются диаметрально противоположные взгляды на природу человека. Так последователь Конфуция Мэнь-цзы говорит об изначально доброй природе человека: «Стремление природы человека к добру подобно стремлению воды течь вниз. Среди людей нет таких, которые бы не стремились к добру, так же как нет такой воды, которая не стремилась бы течь вниз» [3, с. 143] Сень-цзы – другой последователь Конфуция, говорит о злой природе человека: «Человек по своей природе зол, и... его добродетель порождается практической деятельностью» [3, с. 156] Таким образом, проблема борьбы со злом – это работа над собой, предполагающая достижения человеколюбия и справедливости. Широко известно правило конфуцианства о том, чтобы не делать другому того, чего не желаешь себе. Но взгляды в двух

вышеупомянутых школах на сущность человеческого естества, как видим, диаметрально противоположны.

Буддистская философия предлагала путь нравственного совершенства уходом страданий, благодаря отрешенности от этого мира. Такое своеобразное «решение» проблемы добра и зла как бы даёт человеку возможность игнорировать мир реальности и мысленно существовать в другом мире – мире абсолюта. Будда, бросая вызов формальным ритуалам брахманов, называет в Дхаммападе истинным брахманом того, кто «преодолеет привязанности и отрешился от мира» [4, с. 26] Таким образом буддистская философия предполагает поиск абсолюта в себе, игнорирование окружающей нас реальности. Небытие становится реальнее бытия, происходит переворот ценностей, при котором все земные вопросы остаются в стороне, они уже не волнуют человека – вот идеал просветленного, идеал мудреца в буддизме.

С точки зрения христианства основа морали – воля Бога, которая, во-первых, заложена в обновленной покаянием совести человека (внутри индивида), во-вторых, открыта в Библии (подтверждение моральных норм извне). Поэтому христианин может иметь чёткие ориентиры, которые определяют его мысли и поступки как вне себя, так и внутри. При этом Закон Ветхого Завета Иисус Христос сводит к двум заповедям: «Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, - вот первая заповедь! Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет» (Мар.12:29-31) [1 , с. 53] Внутренний же закон духа жизни во Христе Иисусе освобождает верующего человека от закона греха и смерти и написан уже не чернилами и не на каменных скрижалях, но в сердцах христиан «Вот завет, который завещаю дому Израилеву после тех дней, говорит Господь: вложу законы Мои в мысли их, и напишу их на сердцах их; и буду их Богом, а они будут Моим народом. И не будет учить каждый ближнего своего и каждый брата своего, говоря: познай Господа; потому что все, от малого до большого, будут знать Меня, потому что Я буду милостив к неправдам их, и грехов их и беззаконий их не вспомяну более. Говоря "новый", показал ветхость первого; а ветшающее и стареющее близко к уничтожению» (Евр.8:10-13) [1 , с. 268] Таким образом в христианском подходе к морали присутствуют и воля Бога и внутреннее желание индивида, которые говорят в унисон.

Мы обсудили натуралистический и религиозный подход, предложенный М. А. Широковой. В чём прослеживаются недостатки двух выше приведенных подходов? Узость натуралистического подхода к морали - ограничивает её природным благом и разумом. Но что есть благо для одних, для других – не благо, что разумно для других, глупость для третьих. В религиозном же подходе к морали также слишком пространна сама идея добра в силу того, что в истории человечества существует большой ряд религиозных течений. До конца

не понятно мораль и принципы её формирования какого из них мы должны подвести под рамки «религиозного» подхода. Поэтому, на наш взгляд было бы корректнее религиозный подход дифференцировать хотя бы по направлениям религиозных учений.

С точки зрения третьего социально-исторического подхода людям, ищущим источник морали в самих себе вынуждены строить свои концепции согласно своей воле и блага общества. Таким образом, в третьем подходе к морали этика - продукт общественных интересов, а мораль – общая воля для поддержания интересов общества. Недостатком подобной концепции будет сведения индивидуального к социальному.

Если мы говорим об этике, как о личном глубинном источнике внутри конкретной личности и её рефлексии на окружающий мир, такой социально-исторический подход представляется не объективным, так как человеку будет просто навязана этика какого-то уже существующего общества. И тогда мораль будет правильно рассматривать, как право выбора этого индивида из предложенных ему уже существующих морально-этических взглядов, регулирующих общественные отношения. Если же мы хотим остаться на позиции морали, как внутреннего определения индивида по вопросам нравственных поступков, то корень «морального дерева» должно искать не столько в общественных отношениях или в оценке общества, а именно в оценке самого индивида своего морального облика.

В связи с таким подходом и появились такие течения как иррационализм, философия жизни и другие, пытающиеся докопаться до глубины человеческого «я», чтобы где-то там открыть источник морали. Оставляя человека один на один с собой, философия пытается открыть «секретный код» идеалов морали, подобно, как кладоискатель пытается выкопать сокровища из глубоких недр. Здесь спектр взглядов разных философских течений очень широк. Так в своей работе «Об основе морали» А. Шопенгауэр, пессимистично глядя на человека, говорит о том, что «единственный мир, который каждому действительно знаком и о котором он знает, он носит в себе, как своё представление, и этот мир есть поэтому его центр. Вот почему всякий бывает для себя всё во всём: он находит себя, как вместилище всякой реальности и для него ничего не может быть важнее, чем он сам» [7] А. Шопенгауэр выделяет три грани человеческого характера и отмечает борьбу между ними: эгоистичный, злой или сострадательный.

Вопрос «на чём должна базироваться наука в вопросах морали?» остается открытым. Например, с точки зрения прагматистов, на полезности, с точки зрения эмпириков на опыте. Современные философские течения выбирают разные подходы.

Интересен подход Иммануила Канта. Он предлагал разделить этику на чистую (т. е. познаваемую) и эмпирическую. А так как опыт – дело субъективное, желая проникнуть до фундамента этики, следует обратиться именно к чистой, до опытной этике. В «Основах метафизики нравственности»

он соглашается с древнегреческим делением философии и в этих рамках относит этику к материальной части философии, изучающей законы свободы. Но искать истоки нравственности в самом человеке по И. Канту - не верно «...стало быть, основу обязательности должно искать не в природе человека или в тех обстоятельствах в мире, в какие он поставлен, а аргіогі исключительно в понятиях чистого разума и что каждое другое предписание, которое основывается на принципах одного лишь опыта, и даже общее в каком-то отношении предписание, если только оно хоть в малейшей степени быть может, лишь по одной побудительной причине - опирается на эмпирические основания, можно, правда, назвать практическим правилом, но никогда нельзя назвать моральным законом» [5]

Поэтому Кант обращается к понятию чистой воли. Вводя это понятие, Кант оставляет его как присутствующее в человеке, и проявляемое за счет его воли, но все же не являющегося природой человека, а своего рода зерном, данным из вне. «...Метафизика нравственности должна исследовать идею и принципы некоторой возможной чистой воли, а не действия и условия человеческого воления вообще, которые большей частью черпаются из психологии» [5] Он акцентирует внимание на побудительных причинах, которые заставляют действовать человека. И приходит к выводу, что есть добрая воля внутри нас, побуждающая нас изначально к истинно благим деяниям, причем, это не инстинкт, так как в таком случае нет возможности говорить о свободном волеизъявлении человека. Добрая воля своего рода долг, который мы должны исполнить, проявив её на деле.

Так, анализируя места из Священного Писания, о любви даже к врагу, Кант говорит: «... любовь как склонность не может быть предписана как заповедь, но благотворение из чувства долга, хотя бы к тому не побуждала никакая склонность и даже противостояло естественное и неодолимое отвращение, есть практическая, а не патологическая любовь. Она кроется в воле, а не во влечении чувства, в принципах действия, а не в трогательной участливости; только такая любовь и может быть предписана как заповедь» [5]. Результатом таких изысканий в некотором роде является вывод Канта: «... я всегда должен поступать только так, чтобы я также мог желать превращения моей максимы во всеобщий закон» [5]

Таким образом, выделение лишь трех концепций морали (натуралистической, религиозной и научно-исторической) являются слишком обобщающим подходом к проблеме морали и подталкивают к выделению иного подхода, сочетающего в себе личностную потребность индивида в моральных рамках и существующий вне его идеал нравственно-этических норм. Обозначим этот подход, как христианский подход к проблеме морали, где за основу будут взяты Библейские принципы, подчиненные Новозаветному учению Иисуса Христа. Именно здесь открывается принцип доброй воли Бога, проявленный в добровольно покоренной Ему воле человека – таким образом, нравственное начало не является навязанным из вне, а открытым внутри себя

индивидом (христианином), но на добровольной основе, т. е. по желанию воли человека.

И хотя вопрос обоснования истока морали является одним из труднейших вопросов философии, в практической жизни каждому приходится делать выбор своего морального фундамента. По словам Канта, «для того чтобы знать, как поступать, чтобы быть честными и добрыми и даже мудрыми и добродетельными, мы не нуждаемся ни в какой науке и философии» [5]

Таким образом, то, что Широковой М.А. рассматривается, как недостаток религиозного подхода, а именно: «источником нравственных ценностей и требований в религиозной этике является воля Бога, не просто определяющая содержание морали, а буквально создающая ее по своему желанию» [6], то является преимуществом христианского подхода к морали, так как только «Бог благ», и покорность Его воли является источником истинного блага для человека «Ибо только Я знаю намерения о вас, намерения во благо, а не на зло, чтобы дать вам будущность и надежду» - говорится от лица Бога на страницах пророка Исаяи. Кроме того христианский подход бережно сочетает и человеческое волеизъявление, как рефлексию на открытую волю Бога, так судья Израиля Иисус Навин при входе в обетованную землю предлагает каждому выбор «Если же не угодно вам служить Господу, то изберите себе ныне, кому служить, богам ли, которым служили отцы ваши, бывшие за рекою, или богам Аморреев, в земле которых живете; а я и дом мой будем служить Господу» (Иис.Нав.24:15) [1, с. 256] Право выбора морального идеала оставил за человеком в Новом Завете Иисус Христос, Он иллюстрировал это, задавая вопрос ученикам: «...не хотите ли и вы отойти? Симон Петр отвечал Ему: Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни: и мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живого» (Иоан.6:67-69) [1, с. 109]

Поэтому христианский подход к пониманию морали применим только для человека, искренне желающего встать на позициях христианства, желающего жить по закону духа жизни во Христе Иисусе. Только личность, добровольно покорившаяся благой, угодной, совершенной воли Бога, признающая эту волю таковой, способна рассчитывать на силу Божью для жизни по этой воле. Инструментом для принятия этой воли, конечно, служит вера. Ведь вера, по словам У. Джеймса, «основанная на желании, является законным, а быть может, и неизбежным средством для достижения истины, поскольку это достижение зависит от нашего личного участия» [2, с. 76]

Таким образом, христианский подход к морали, прежде всего, основан на свободе выбора индивида, на покорности избранной доброй воле внутри нас, говоря на евангельском языке, на сораспятии со Христом верой и на жизни по Духу. Процесс жизненного искания этой позиции и её принятие целиком и полностью находятся во власти индивида, что не противоречит главному постулату философии: свободе личности.

Список литературы

1. Библия. - М : Российское библейское общество, 1999. – 925 с. – 292 с.
2. Джеймс У. Воля к вере: Пер. с англ. / Сост. В. Блинников, А. П. Поляков. — М.: Республика, 1997. — 431 с.
3. Древнекинаяская философия в 2-х томах. - М : Мысль, 1973. - Т. 2 :. – 207 с.
4. Дхаммапада /Перевод с пали, введение и комментарии В.Н. Топорова. Ответственный редактор Ю. Н.Рерих. – М., 1960 . — 80 с.
5. Кант И. Основы метафизики нравственности [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/osnovy-metafiziki-nravstvennosti-read-40149-1.html> (дата обращения: 14.12.2016).
6. Широкова М. А. "Генезис морали в истории этики: основные подходы" [Электронный ресурс] // 21.11.2015. – Режим доступа: <http://philosophicaldescript.ru/?q=node/51> (дата обращения: 10.12.2016).
7. Шопегауэр А. «Две основные проблемы этики. Об основе морали» [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000814/index.shtml> (дата обращения: 09.12.2016).

А.В. Жабин
Россия, г. Барнаул
Алтайский государственный университет
Научный руководитель к.филос.н., доц. А.В. Метелев

ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ АГРЕССИИ И ВОЙНЫ В ФИЛОСОФИИ ЗИГМУНДА ФРЕЙДА

Аннотация

В данной статье рассматриваются одни из важнейших проблем истории человечества, а именно – проблемы человеческой агрессии и войны, понимаемые с точки зрения Зигмунда Фрейда.

Ключевые слова: Война, агрессия, инстинкт смерти, инстинкт жизни, психоанализ.

Среди различных направлений, которые пытались выяснить причины человеческой агрессии, были представители психоанализа, которые считали человеческую агрессию частью его биологической природы. В ходе исследований были предложены различные концепции, а также сделаны выводы, в которых высказываются сомнения относительно возможного

прекращения военных конфликтов в будущем. Главным основанием для такого подхода было рассмотрение биологической природы человека Зигмундом Фрейдом в 20-х годах 20 века. З. Фрейд «разработал теорию о двойственной природе человека, сущность которой состояла якобы в постоянной борьбе инстинктов жизни (любви) и смерти (разрушения). По этой теории, инстинкт смерти мог вести как к саморазрушению, так и принять форму внешней агрессии, в силу чего войны с суровой необходимостью сопровождают человечество на протяжении всей его истории» [1, с.11].

Итак, главная идея З. Фрейда состоит в том, что войны возникают из-за инстинкта смерти, который присутствует в человеке. «И всё же мне хотелось ещё на мгновение задержаться на влечении к разрушению, внимание к которому всё ещё не соответствует его значению. На основании некоторых умозаключений мы пришли к выводу, что это влечение заключено внутри каждого живого существа и направлено на то, чтобы разрушить его, снова свести жизнь к состоянию неживой материи. Это влечение с полной серьёзностью заслуживает названия влечения к смерти, тогда как эротические влечения представляют собой стремление к жизни. Влечение к смерти становится разрушительным влечением, когда оно с помощью особых органов обращается наружу, против объектов. Живое существо, если можно так выразиться, сохраняет свою жизнь тем, что разрушает чужую» [3, с.333]. З. Фрейд уделяет инстинктам и желаниям ведущее значение в жизни человека, в том числе в его агрессивных порывах, что наглядным образом выражается в конфликтах, как в малых группах, так и в больших, между государствами. По мнению З. Фрейда, войны сопровождают всю историю человечества. «И все же взгляд на историю человечества открывает нашим глазам непрерывную цепь конфликтов между одним сообществом и другим или даже несколькими, между большими и меньшими группами, областями, местностями, племенами, народами, империями, которые почти всегда разрешаются при помощи силы и посредством войны» [3, с.329]. Действительно, война является основным путём решения споров между разными сообществами. В ходе своих исследований З. Фрейд приходит к выводу, что «желание лишить человека его агрессивных наклонностей практически неосуществимо» [3, с.334]. Итак, согласно мнению З. Фрейда военные конфликты и в дальнейшем будут сопровождать историю человечества.

Считать человеческую агрессию следствием неудовлетворённости желаний индивидов было ещё одним основанием. Согласно этой идее, нереализованные по какой-либо причине планы и устремления неизбежно ввергают человека в гнев, который до поры до времени накапливается, а затем изливается в форме внешней агрессии. Это относится к людям любых возрастов. «Каждый человек имеет право на свою собственную жизнь, потому, что война уничтожает исполненные надежд человеческие жизни, ставит отдельного человека в самое унижительное положение, вынуждает его убивать других людей, чего он не хочет делать, война уничтожает огромные

материальные ценности, результаты человеческого труда, да и многое другое. Равно как и то, что война в её сегодняшнем виде не предоставляет больше возможности осуществить старые героические идеалы, а будущая война вследствие усовершенствования средств разрушения будет означать уничтожение одного или даже обоих противников» [3, с.336].

Биологическая природа человека, по З. Фрейду, играет ведущую роль в любых действиях человека, в том числе агрессивных, проявляющихся в войнах, однако далеко не все поступки человека можно объяснить инстинктами. Значительное место в жизни человека занимает также социальная природа человека и влияние общества на индивида, которым З. Фрейд уделял незначительное внимание, в плане объяснения причин человеческой агрессии. В общественной жизни есть множество случаев, которые подтверждают большее влияние социальной природы на жизнь человека, нежели инстинктов и желаний, поэтому объяснения человеческой агрессии только как выражения инстинктов и желаний явно недостаточно. З. Фрейд считал главными биологические факторы и, тем самым, недооценивал социальные и культурные факторы. «Гораздо больше внимания ученые стали уделять факторам культуры, в особенности, системам воспитания» [1, с.12]. Действительно, культурные факторы оказывают большое влияние на жизнь человека, так как формируют его характер. «В наши дни рассуждения З. Фрейда вызывают легкую улыбку. Пытаться избавиться от агрессивных склонностей людей бесполезно. Нет такой расы или такого региона земли, где жизнь проходит в спокойствии и нет ни принуждения, ни агрессивности. Не возникает вопроса о полном избавлении от человеческих агрессивных импульсов. И все же достаточно, мол, изменить их направление до такой степени, чтобы эти инстинкты не искали своего выражения в войне. Против разрушения следует пустить в ход Эрос. Все, что способствует росту эмоциональных связей между людьми, будет работать против войны. Следует также подчинить инстинктивную жизнь диктатуре разума» [2, с.21]. Таким образом, в качестве решения проблемы войны предлагается противопоставить инстинкту смерти инстинкт жизни (Эрос).

Трудно себе представить, что к началу войны у большинства населения страны-агрессора не удовлетворены желания. Наглядный пример – США. Люди в этой стране имеют более высокий уровень жизни, чем в большинстве стран мира, но при этом это государство участвует прямо или косвенно в конфликтах в различных местах планеты – Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии, Украине, и так далее. Следуя логике З. Фрейда, США должны совсем не вести никаких войн. На деле получается как раз наоборот, подтверждая тем самым несостоятельность идей З. Фрейда применимо к современным реалиям. Таким образом, мы можем сделать следующие выводы: во-первых, З. Фрейд считал войны отражением инстинкта смерти; во-вторых, инстинктам и желаниям отводится ведущее место в проявлении агрессии и, в дальнейшем, в возникновении военных конфликтов; в-третьих, агрессия имеет биологическую

природу, и в качестве решения проблемы войны предлагается противопоставить инстинкту смерти инстинкт жизни.

Список литературы

1. Першиц, А. И., Семенов Ю. И., Шнирельман В. А. Война и мир в ранней истории человечества: в 2 т. Т.1. / А. И. Першиц, Ю. И. Семенов, В. А. Шнирельман. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. – 418 с.
2. Тоффлер, Э., Тоффлер Х. Война и антивоина: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер; Пер. с англ. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 412 с.
3. Фрейд, З. По ту сторону принципа удовольствия / З. Фрейд; Пер. с нем. Сост., послесл. и коммент. А.А.Гугнина. – М.: «Прогресс», 1992. – 569 с.

А. А. Теслев

Россия, г. Белгород,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Научный руководитель д.фил.н., профессор А. Д. Майданский

ЧЕЛОВЕК КАК АКТИВНОЕ НАЧАЛО ПОНИМАНИЯ МЕДИА: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТУР КОНЦЕПЦИИ МАРШАЛЛА МАКЛЮЭНА

Аннотация

В статье рассматривается и переосмысливается концепция медиа Маршалла Маклюэна. Дается предварительная философская концепция человека как активного начала понимания и применения новых медиа в своей практической деятельности. Рассматривается проблема самосознания в культуре новых медиа.

Ключевые слова: Маклюэн, теория медиа, медиакultura, самосознание.

Настоящее исследование направлено на переосмысление концепции медиа, предложенной Маршаллом Маклюэном в его фундаментальном труде «Понимание медиа: Внешние расширения человека». Герберт Маршалл Маклюэн (1911–1980) – «канадский философ, литературовед, культуролог, первый и самый значительный теоретик электронных средств массовой коммуникации, одна из наиболее ярких фигур общественной и интеллектуальной жизни США 1960–70-х гг.»[4]. «Известен во всем мире как автор теории, согласно которой качественные сдвиги в истории человечества связаны с появлением новых технических средств коммуникации» [1, с. 228].

Как замечает И.Б. Архангельская, «есть люди, для которых мир существует по законам марксизма, есть другой подход, в котором все определяет фрейдизм. Можно сказать, что теория Маклюэна, согласно которой главенствующую роль в прогрессе играют новые средства коммуникации, является, как марксизм и фрейдизм, еще одной глобальной теорией, объясняющей устройство мира и его законы»[2, с. 12]. Здесь нужно оговориться относительно той иллюзии, согласно которой концепции, возникшие в рамках марксизма, равно как и в рамках фрейдизма, считаются «глобальными теориями». Несмотря на значительные претензии на «глобальность» и «универсальность», данные концепции изначально имеют эпистемологические границы, как и границы их практической применимости. Это же следует утверждать и относительно концепции Маклюэна. Обратимся теперь к подробному анализу концепции Маклюэна и попытаемся дать некоторую интерпретацию ключевым ее тезисам, обратим внимание на тот теоретико-методологический аппарат, которым пользуется автор «Понимания медиа...» при построении своей концепции.

Требуется еще уточнить, что в рамках исследования мы отказываемся применять термин «теория» к тому, что было создано канадским мыслителем. Социально-гуманитарное знание, к которому мы причисляем и «знание о медиа», не претендует на исчерпывающую точность, следовательно, ни одна теория как таковая не в силах объяснить и систематизировать материал, вырабатываемый данной областью науки. Кроме того, то, что создал Маклюэн на страницах «Понимания медиа...», равно как и в других трудах, не претендует на «всеобщность», в противном случае мы бы имели дело с метафизической конструкцией, к созданию которых Маклюэн не тяготел. Таким образом, мы считаем, что корректно было бы употреблять термин «концепция». Попытаемся установить границы применимости рассматриваемой концепции относительно роли человека в контексте понимания медиа, очертив тем самым философско-антропологический контур концепции Маклюэна.

Маклюэн разрабатывает концепцию, согласно которой *средства коммуникации являются тем условием и средством, благодаря которому происходит качественное изменение человеческой цивилизации*. Именно этот принцип он рассматривает как ядро своей концепции и именно вокруг этого «концептуального ядра» выстраивает дальнейший дискурс. Маклюэн «констатирует связь между научными открытиями, внедрениями технологий и появлением новых коммуникативных технологий, которые поднимают общество на качественно новую ступень развития»[1, с. 230]. Вместе с тем, можно проследить антропологическую направленность концепции. «Мы быстро приближаемся к финальной стадии расширения человека вовне – стадии технологической симуляции сознания, когда творческий процесс познания будет коллективно и корпоративно расширен до масштабов всего человеческого общества»[5, с. 5]. ««Средство коммуникации есть сообщение»,

так как именно средство коммуникации определяет и контролирует масштабы и форму человеческой ассоциации и человеческого действия»[5, с. 11]. Однако из приведенных тезисов можно сделать вывод о том, что Маклюэн ставит человека (вернее сказать, констатирует наблюдаемый им факт) в подчиненное (пассивное) положение относительно медиа. Человек становится, по выражению Маклюэна, «сервомеханизмом», слугой той технологии, которую он сам же создает и развивает. Выходит, что человек испытывает потребность в средствах коммуникации в большей степени, нежели потребность в самом себе, человек становится еще менее самодостаточным существом, еще более ограниченным в своем существовании, в своей свободе и активном творческом начале. На наш взгляд, данное положение вещей, хотя и проявляется в некоторой степени, здесь преувеличено. И.Б. Архангельская отмечает: «для того чтобы коммуникация состоялась, необходимо, чтобы адресат был хорошо знаком со средством коммуникации, которое использовано для передачи информации, мог его расшифровать, понимая суть высказывания, при этом учитывая контекст, подтекст, особенности средства коммуникации» [1, с. 231]. Условием возможности такого положения дел с необходимостью является человек как активнотворческое начало понимания медиа.

Человека создает и развивает технологии, в том числе коммуникационные, и финальной причиной такого создания является самосовершенствование человека. Мы рассматриваем человека как активное начало понимания и применения медиа в своей практической жизнедеятельности. И именно с данных позиций переосмысливаем концепцию, предложенную канадским мыслителем. «Новейший подход к изучению средств коммуникации, – говорит Маклюэн, – принимает во внимание не только «содержание», но также само средство коммуникации как таковое и ту культурную матрицу, в которой это конкретное средство функционирует»[5, с. 13]. Эту «культурную матрицу» или социальную среду, в рамках которой функционируют средства коммуникации, и в которую, в то же время, включен человек, мы будем называть медиакультурой.

В качестве исходной аксиомы или постулата, который выдвигает Маклюэн является формула «Средство коммуникации есть сообщение»[5, с. 9]. «Большинство исследователей <...> уверено: Маклюэн хотел сказать, что тип и форма медиа важнее того значения или содержания, которое оно передает, т.е. сама форма средства коммуникации меняет наше сознание»[1, с. 230]. Мы склонны считать, что форма и содержание средства коммуникации важны в равной степени. Как нам представляется, данная формула раскрывает синтетичность средств коммуникации. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что одно отдельно взятое средство коммуникации служит средством же для другого средства коммуникации; первое несет в себе сообщение о втором. Проиллюстрировать это можно так: компьютер есть средство коммуникации, сам по себе он предназначен для различных операций с другими средствами коммуникации, такими как речь, аудио-, фото-,

видеоматериалы и т.п. В свою очередь, последние могут содержать в себе еще какие-либо средства коммуникации (музыкальный материал может содержать в себе некоторые культурные артефакты, символы, являющие собой средства коммуникации, то есть, призваны сообщить что-либо в акте коммуникации). «Воздействие средств коммуникации оказывается сильным и интенсивным именно благодаря тому, что ему дается в качестве «содержания» какое-то другое средство коммуникации»[5, с. 22]. Получается, «средство коммуникации» является одновременно и «сообщением», и «содержанием».

Первый вопрос, возникающий в этой связи видится таковым: таким образом, средство становится целью? *Средство коммуникации (медиа)* – опосредствующее звено, обеспечивающее связь (канал): межличностную, социальную, межкультурную. *Сообщение* – предмет или основание связи (взаимодействия) в указанных системах: Человек – Человек (межличностная связь), Человек – Общество (социальная связь), Общество – Общество (межкультурная связь). Тогда, в каком смысле «медиа» само по себе является «сообщением»? Выходит, что [сообщение есть содержание медиа], и только в этом случае [медиа есть сообщение]. Таким образом, можно проследить некоторую органическую взаимосвязь между различными средствами коммуникации, а также взаимосвязь между «формой» медиа (например, телевидение) и того «содержания» (например, какой-либо фильм), которое «оформляется» этой «формой». На такого рода взаимосвязь и указывает Маклюэн в своей формуле.

Однако приведенная формула может быть осмыслена и с другой методологической позиции. А именно с позиции, обнаруживающей взаимопереход различных форм медиа. «Поскольку все средства коммуникации являются расширениями наших тел и чувств, а мы в своем собственном опыте привычным образом переводим одно чувство в другое, нас не должно удивлять, что наши вынесенные наружу чувства, или технологии, должны повторять процесс перевода и преобразования одной формы в другую»[5, с. 133]. Маклюэн утверждает: «Личностные и социальные последствия любого средства коммуникации – то есть любого нашего расширения вовне – вытекают из нового масштаба, привносимого каждым таким расширением, или новой технологией, в наши дела. Так, например, новые образцы человеческих связей, возникающие вместе с автоматизацией, воистину несут с собой угрозу уничтожения рабочих мест»[5, с. 9]. То есть, обнаружение и внедрение каких-либо новых технологий (как некая причина) влечет за собой некоторое действие (надо полагать, необратимое), что Маклюэн и называет «сообщением». Таким образом, технологическое количественное и качественное «расширение» человека в определенной сфере деятельности и в определенном аспекте «сообщает» нам о его же «сужении» [=ограничении] в той же сфере, но в другом аспекте. Прогресс одного качества обеспечивается регрессом другого. Следующий концептуально важный момент, на который следует обратить внимание – это психофизический контекст, который

разрабатывает Маклюэн на страницах «Понимания медиа...». Здесь идет речь о том самом расширении человека «вовне», то есть о вынесении его нервной системы и его органов за пределы себя самого.

По Маклюэну, такое расширение становится возможным посредством новых коммуникационных технологий, внедряемых в социальную и культурную практику. Вместе с тем, мыслитель, видя в такого рода антропологической трансформации возможность и даже неизбежность побочных эффектов, использует ряд терминов-метафор, отсылающих к медицинскому дискурсу. Предупреждая об опасности, Маклюэн говорит: «Самым обычным результатом отрыва от корней и обрушивания потоков новых сведений и бесконечных новых форм информации является душевный крах различной степени тяжести»[5, с. 20]. Впрочем, об этом немногим ранее говорил Э. Дюркгейм: «изменение существования, и внезапное, и подготовленное, всегда составляет болезненный кризис, ибо оно насилует устойчивые инстинкты и вызывает их сопротивление»[6]. Маклюэн показывает механизм воздействия электронных (как и прочих) средств коммуникации на человека, и здесь человек вновь предстает пассивным потребителем информации и в какой-то мере заложником технологического прогресса, он не только не рефлексировывает воздействие на него медиа, он даже на чувственном уровне явным образом не воспринимает это воздействие. Вероятно, здесь имеется в виду то обстоятельство, что средства коммуникации, будучи продолжением человека, его психического и физического начал, органически вплетаются в человеческое существо, не вызывая ощутимых эффектов. «Воздействие технологии происходит не на уровне мнений и понятий; оно меняет чувственные пропорции, или образцы восприятия, последовательно и без сопротивления» [5, с. 22].

Вместе с тем, из дальнейшего рассуждения Маклюэна видно, что последствия расширения вовне все же дают о себе знать. «С физиологической точки зрения, существует бесконечно много причин для расширения нас вовне, погружающего нас в состояние оцепенения»[5, с. 51]. То есть, процесс «погружения в медиа» приводит в некоторое болезненное состояние, в состояние болевого шока. Скорее всего, здесь идет речь о некоторой психофизической неопределенности и о потребности в выработке поведенческой стратегии адекватной измененным условиям существования. Инфляция (или переизбыток) медиа имплицитно кризис, напряженность и хаос в антропологической и социальной реальности. Как нам представляется, здесь Маклюэн указывает на одну из возможных поведенческих стратегий, говоря о принципе самоампутации, который подразумевает внешнюю проекцию физических тел и центральной нервной системы. «Принцип самоампутации как немедленного избавления от напряжения, обрушившегося на центральную нервную систему, можно применить в готовом виде к вопросу о происхождении средств коммуникации, от речи до компьютера»[5, с. 52]. Таким образом, через средство коммуникации происходит отчуждение «Я»

вовне, в «не-Я», и, следовательно, происходит слияние «Я» и «не-Я», где последнее представляет собой ту культурную матрицу, которую мы здесь называем медиакulturой, она есть то информационное поле или среда, в рамках которого существует современное человеческое общество.

На наш взгляд, внутреннее напряжение, вызванное «погружением в медиа» есть условие перехода индивидуального «Я» с его психофизической неопределенностью к определенности в «не-Я». В медиакulturе, вступая в коммуникацию с этим самым «не-Я», человек производит рефлексию над средствами коммуникации (как над их формообразованиями в их многообразии, так и над тем, что эти формообразования в себе содержат) и, тем самым, осуществляет рефлексию над самим собой. Таким образом, «Я» становится *активным началом понимания медиа*, ибо без творческой и познавательной активности переход «Я» в медиакulturу невозможен, равно как и невозможно понимание медиа. «Знания человека и процесс приобретения знаний равновелики самому человеку. Наша способность постигать как галактики, так и субатомные структуры есть развитие заложенных в нас возможностей, которые и вмещают их в себя, и выходят за их пределы» [5, с. 43].

Следующий важный структурный компонент концепции Маклюэна можно условно обозначить как социо-космологический. Здесь идет речь об одновременности и однопространственности актов коммуникации, где пространство и время предстают как единое пространство-время. Автор «Понимания медиа...» рассматривает развитие средств коммуникации как «импозивный взрыв», то есть как взрыв вовнутрь, сжатие социальной реальности. Выходит, что расширению человека вовне (через средства коммуникации) сопутствует пространственно-временное сжатие социального организма. То есть, при расширении «Я» происходит сжатие «не-Я». «Уплотненный силой электричества, земной шар теперь – не более чем деревня» [5, с. 6–7]. «Сегодня великий принцип классической физики, экономики и политической науки – а именно, принцип делимости каждого процесса – обратился в свою противоположность. Простое расширение превратило его в теорию единого поля; а автоматизация в промышленности заменяет делимость процесса органическим переплетением всех функций в едином комплексе» [5, с. 45].

Деррик де Керкхоф замечает: «центральным остается тезис о том, что электричество – это медиум, способный охватить все и проникнуть всюду. Вследствие этого взрываются вовнутрь разнообразные группы населения Земли и культуры наслаиваются друг на друга» [3, с. 250]. Таким образом, мы имеем возможность говорить о том, что в рамках медиакommunikации происходит взаимопроникновение и сосуществование, сопричастность на всех возможных уровнях: межличностный, межгрупповой и межинституциональный, межкультурный. Как нам представляется, общие выводы относительно концепции медиа Маршалла Маклюэна таковы. Маклюэн создает концепцию, в

задачи которой входит объяснение перехода человека и общества на качественно новый уровень развития и аргументирует этот переход появлением и внедрением в социальную практику новых средств коммуникации. Надо заметить, что данная концепция, хотя отчасти и объясняет процесс антропологической трансформации, имеет ограничения в ее применимости. В частности, эпистемологические ограничения мы обнаруживаем в следующих положениях. Во-первых, в преувеличении Маклюэном роли медиа в развитии человека и общества. Безусловно, нельзя говорить о том, что средства коммуникации ни коим образом не влияют на процесс антропологической трансформации. Однако человек в своем существовании не исчерпывается только лишь коммуникативной функцией, следовательно, природу и генезис человека невозможно свести только лишь к последней. Таким образом, Маклюэн рассматривает человека и общество лишь с одной из возможных сторон (то есть, односторонне), не раскрывая при этом всей специфики социальной и антропологической реальности. И, во-вторых, в том, что Маклюэн ставит человека в подчиненное положение по отношению к медиа. Как было показано в исследовании, для того, чтобы адекватно «вжиться» в медиакультуру и остаться при этом самим собой, человек с необходимостью должен быть активным началом понимания и применения средств коммуникации в своей практике.

Список литературы

1. Архангельская И.Б. Г.М. Маклюэн и его книга «Понимание средств коммуникации: Продолжение человека» // Филология. Искусствоведение. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2008, №4. – С. 228–232.
2. Архангельская И.Б. Маршалл Маклюэн: Монография / И.Б. Архангельская. – Н.Новгород: НКИ, 2010. – С. 291.
3. Керкхоф Деррик де. Итак, Маклюэн? Все еще мертв? // Антология медиафилософии / Редактор-составитель В.В. Савчук. – СПб.: Издательство РХГА, 2013. – С. 248–259.
4. Кузнецов М.М. Маклюэн // Новая философская энциклопедия// Режим доступа: URL: <http://iph.ras.ru/elib/1769.html> (дата обращения 4.03.2017).
5. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
6. Хрестоматия по социологии. Структурный функционализм. Э. Дюркгейм. О разделении общественного труда // Режим доступа: URL: http://society.polbu.ru/sociology_hrestomatia/ch25_v.html (дата обращения: 2.03.2017).

Ю. Р. Романова
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель д.ф.н., профессор С.А. Ан

ОБРАЗ МЕДВЕДЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ **(на примере авторской игрушки «медведь»)**

Аннотация

Статья посвящена феномену образа медведя, как одному из самых популярных образов, воплощенных в российской авторской игрушке.

Ключевые слова: медведь, авторская игрушка, игрушки-животные, мишка Тедди, игрушка «медведь».

Исторически сложилось, что России соответствует образ медведя. «Архетипический образ медведя – один из самых распространенных и наиболее древних образов мифологии, религиозных верований и фольклора Северного полушария» [3, с. 266]. Исследователи выделяют несколько концепций образа медведя, которые, так или иначе, были присущи русскому народу. Нас заинтересовала концепция «Медведь – человек и сверхчеловек» [6, с. 272]. «Данная концепция была связана с верой в существование родственной связи между человеком и медведем, что также в сознании древних людей «подкреплялось» результатами наблюдений за этим животным, поскольку своим «поведением» медведь напоминал человека: он может передвигаться на двух лапах, умываться, кормить грудью; он нянчит и любит своих детей, молится, печалится, радуется» [6, с. 272]. Представления о медведе-человеке (позднее человеко-медведе) были повсеместно распространены у народов Урала, Сибири, Севера. Именно эта концепция нам показалась важной и определяющей в формировании антропоморфного образа медведя, который сегодня ярко воплощается в авторской игрушке «медведь».

Появление игрушек-животных в жизни человека связано с древнейшими сакральными формами народного творчества. Возникновение игрушки в человеческом обществе учёные связывают с развитием трудовой деятельности первобытного человека. М. Волошин считал, что детские игрушки — «это древнейшие боги человечества» [2, с. 183]. Действительно, на ранних ступенях развития культуры между игрушками и предметами религиозного обряда не было существенной разницы, так как игрушки, часто имеющие формы живых существ, выполняли не только воспитательную, обучающую функции, но и сакральную. Так, среди древних игрушек-фигурок встречается медведь, как участник многих ритуалов, а также объект охоты древнего человека. «Созданные рукой человека фигурки животных

наделялись функцией оберега и выполняли аккумулятивную функцию окружения себя энергией тотема, приносящего удачу, успех» [4, с. 261].

Образ медведя, воплощенный в игрушках, сопровождает человечество на каждом этапе его развития. Постепенно сакральное, обрядовое значение игрушки уходит в прошлое, и игрушка становится важным составляющим элементом детского мира. До начала XX века медведь существовал в виде глиняных, керамических и деревянных фигурок. Что касается российских игрушек, то до 1930-х годов дети могли играть только с деревянными, либо глиняными игрушками, которые создавались кустарными артелями или отдельными ремесленными мастерскими.

В виде мягкой игрушки, сшитой по типу куклы, медведь появился лишь в 1902 году в США и годом позже в Германии. Постепенно мягкая игрушка «медведь» завоевала популярность, чему в немалой степени способствовала и такая особенность игрушки, как подвижные лапы и голова. В Америке и Европе такой тип мягких игрушек-медведей стал называться «мишка Тедди». В Россию «мягкий медведь» попадет только после Первой мировой войны в качестве импортной игрушки. Первыми в России с мишками Тедди познакомились дети из состоятельных семей, которые могли себе позволить купить за границей дорогие новые игрушки. Это была редкость, которая часто становилась семейной реликвией. Бережное отношение к игрушке формировало в ребенке не только аккуратность, но и внимание к семейным традициям. По сей день старые игрушечные медведи, набитые опилками, доставшиеся от бабушки, бережно хранятся и считаются раритетом во многих семьях, некоторые экземпляры находятся в музеях.

Свой вариант мягкого медведя Россия получает лишь в 30-е годы XX века. Медийность американской и технические достоинства немецкой игрушки «медведь» в России попали на благодатную почву, подготовленную русской культурной традицией, в которой образ медведя играл одну из ключевых ролей. Массовое производство мягких игрушек-медведей было запущено в СССР в начале 30-х годов. Советских игрушечных медведей в основном шили из недорогих материалов естественных расцветок – это мягкая фланель, ткани с начесом, имитирующие ворс, плюш. Таким образом медведь был доступен для каждой семьи, в отличие от иностранных аналогов. Разработкой выкроек игрушек-животных занимались профессиональные художники (например, А.Н. Изергина). Кроме этого были разработаны педагогические требования к советской игрушке, автором которых стала педагог Е. А. Флеровская. «Игрушка рассматривалась в качестве средства всестороннего развития и воспитания детей. Игрушка должна быть художественной и соответствовать требованиям гигиены, быть безопасной» [5, с. 36].

В основе создания мягкой игрушки в этот период лежал метод декоративно-прикладного искусства. Игрушки-животные разрабатывались с учетом человеческих пропорций и имели антропоморфный вид. Медведи

шили по образу кукол, имели подвижные крепления. Именно медведь стал универсальной игрушкой для девочек и мальчиков. Такая образная игрушка способствовала развитию у ребенка фантазии, творческого мышления. Игрушечный медведь становится для советского ребёнка не просто другом, но и подопечным, за которого ребенок нес ответственность, выступая в роли взрослого. Эти отношения проявляются в известных фактах поведения детей в тяжелое время Великой Отечественной Войны. По сохранившимся свидетельствам, свою игрушку – мягкого медведя – дети брали с собой в бомбоубежище. Когда начиналась бомбёжка, советские дети инстинктивно старались укрыть собой своего самого близкого друга – плюшевого медведя. Это является ярким примером влияния мягкой игрушки на поведение ребёнка.

Пожалуй, апогеем народного признания медведя стал символ Олимпийских игр 1980 года - Олимпийский мишка, которого так и называли Мишка или Миша. Имя Миша — традиционное русское прозвище медведя, под которым он выступает во многих русских народных сказках. Организационный комитет московской Олимпиады выбрал в качестве символа именно это животное, поскольку ему присущи такие характерные для спортсмена качества, как сила, упорство и удаля. Кроме того, он отличался и своими моральными качествами: честностью, взаимовыручкой, жертвенностью, сочувствием к окружающим [1]. В 2014 году одним из талисманов Зимних Олимпийских игр в Сочи стал Белый медведь. Его образ был создан по подобию своего предшественника – доброго и сильного Олимпийского мишки 1980 года.

Сегодня мы можем найти изображение медведя, начиная с оберток конфет и заканчивая наименованиями новых садово-огородных культур. Образ медведя продолжает использоваться и в других сферах общественной жизни. Так, например, в конце 2016 года символическим хранителем столицы Алтайского края города Барнаула стал медведь. В связи с этим родилась и легенда, рассказывающая о «добром духе медведя», который следит за благополучием местных жителей.

Безусловно, этот образ продолжает являть себя и в игрушках. Нас интересуют, прежде всего, современные авторские игрушки «медведи», созданные в традиции русских художников-игрушечников советского периода. Возрождение забытых технологий связано, на наш взгляд, с современным состоянием игрушечной индустрии и неоднозначным влиянием зарубежных игрушек на развитие детей.

Интересно, что образ советского плюшевого медведя в современном состоянии претерпевает изменения. Сегодня развитие «медвежьего» направления в авторской мягкой игрушке можно условно разделить на два течения: первое течение - создание коллекционных медведей в стиле ретро, антик, тартюр (искусственно состаренные), напоминающие об эпохе, в которую жили наши бабушки и дедушки. Такие работы вызывают чувство

ностальгии, воспоминания детства; второе течение – разработка и создание авторских игрушек, которые совмещают в себе как игровые функции, так и эстетику произведения декоративно-прикладного творчества.

Положительным примером в создании и продвижении русского игрушечного медведя является проект «Алтайский мишка». В 2014 году проект трансформировался в Центр современных ремёсел «Алтайский мишка», который занимается созданием медведей ручной работы, с использованием советских технологий. В 2015 году Центр был поддержан грантом Администрации г. Бийска. Целью центра является создание кроено-сшитой игрушки «медведь», которая стимулирует возрождение семейных традиций (качество медведя позволяет передавать его из поколения в поколение), нравственно-эстетическое развитие детей, развитие у детей ассоциативного мышления, на основе традиционного образа русского медведя. В Центре создаются медведи как коллекционные, так и игровые. Одним из направлений деятельности Центра является продвижение бренда Алтайского края как гостеприимного, привлекательного региона. «Алтайский мишка» получил эксклюзивное право носить официальный логотип края, который дополнил образ русского медведя, придав ему «алтайской», региональной самобытности. ЦСР «Алтайский мишка» занимает активную социальную позицию, участвует в выставках, благотворительных мероприятиях, проводит конкурсы. В Центре были разработаны несколько уникальных коллекций, призванных пропагандировать плодородность и богатую природу края. Например, коллекция медведей «Алтайский край - плодородный», «Ягодные медведи», «Гречишные медведи», «Медведи-подсолнухи», «Алтайский йети».

Помимо изготовления авторских медведей Центр современных ремёсел «Алтайский мишка» занимается и просветительской деятельностью. Здесь главной задачей является продвижение и популяризация традиционного образа русского медведя через мягкую игрушку. Кроме того, эта работа направлена на продвижение Алтайского края как туристического региона, имеющего свой добрый и привлекательный символ - мягкого медведя, вызывающего чувство ностальгии, воспоминания о детстве, о родительском доме. Также «Алтайский мишка» несет в себе и идею возрождения русских традиций, способствует патриотическому развитию подрастающего поколения.

Возвращение к истокам, внимание к качеству игрушек, в которые играют дети, кажется для создателей проекта «Алтайский мишка» принципиально важным и фундаментально значимым. Из этого складывается дальнейшая работа ЦСР «Алтайский мишка» по пропаганде качественных авторских игрушек. Формируется представление об игрушке, которая имеет, кроме материальной, духовную ценность. Такая игрушка дарится в особых случаях, именно как будущий талисман семьи. Благодаря прочности и долговечности материалов такой мягкий медведь способен стать семейной

реликвией. Медведь как игрушка воспитывает исконно русский национальный характер, в котором главными чертами являются сила, бережливость, любовь к ближним и забота об окружающем мире.

Список литературы

1. Бородин Г. Олимпиада под знаком медведя (Олимпиада как мультфильм) // Сеанс. — 2013. — № 55—56 [Электронный ресурс] http://seance.ru/blog/chtenie/olympics_animation/
2. Волошин М. А. Путник по вселенным. - М.: Сов. Россия, 1990. – 380 с.
3. Кошкарлова Ю.А. Концепции образа медведя в русской ментальности // Теория и практика общественного развития. - 2010. - № 2. - С. 266-270.
4. Миронов А.В. Жизнь замечательных игрушек // Детские чтения. -2013. - № 1 (003). - С. 257-272 .
5. Мищенко Т.А. Игрушки из ГДР в ассортименте советских товаров 1970-х годов // Лабиринт. - 2014. - №6. - С. 35-42.
6. Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880.

АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ

«ПЯТЫЙ ЭТАЖ»

№3

Барнаул, 2017